

Городская топонимия: современная политика и практика именования

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА ИМЕНОВАНИЯ

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2023

УДК 81'373.21
ББК Ш141.12-314
Г70

Авторы:

М. В. Голомидова (раздел 1, гл. 2, 4; раздел 2, гл. 1, раздел 3; раздел 4, гл. 1, 2), Р. В. Разумов (раздел 1, гл. 1, 2, 3; раздел 4, гл. 3), А. В. Дмитриева (раздел 2, гл. 1, 2), С. О. Горяев (раздел 1, гл. 1, 4), Лань Лин (раздел 1, гл. 3, 4), Е. Н. Клименко (раздел 1, гл. 4)

Рецензенты:

кафедра общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (заведующий кафедрой доктор филологических наук, профессор Т. А. Гридина);
В. И. Супрун, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

Городская топонимия: современная политика и практика именования : монография / М. В. Голомидова, Р. В. Разумов, А. В. Дмитриева и др. ; под ред. М. В. Голомидовой, С. О. Горяева ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. — 216 + [8] с. : ил. — Библиогр.: с. 180–211. — 300 экз. — ISBN 978-5-7996-3753-8. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-3753-8

Монография посвящена вопросам создания и функционирования урбанонимов — городских топонимов, называющих улицы, переулки, площади, районы, отдельные здания, сооружения и т. п. Обобщен научный опыт изучения урбанонимов в России и за рубежом, охарактеризованы функциональные разряды, формирующие неповторимый топонимический ландшафт города, раскрыты теоретические основы разработки муниципальной топонимической политики в аспекте трансляции региональной и локальной идентичности. Уделено внимание подходам и методической стороне создания новых названий, практике переименования.

Адресовано научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, студентам и аспирантам, членам муниципальных топонимических комиссий и широкому кругу читателей, неравнодушных к топонимии своих городов.

УДК 81'373.21
ББК Ш141.12-314

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках проекта № 23-28-01523 «Топонимический ландшафт города
в аспекте отражения региональной и локальной идентичности».*

ISBN 978-5-7996-3753-8

© Голомидова М. В., Разумов Р. В., Дмитриева А. В. и др. 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Раздел 1

ГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Глава 1. История изучения городских топонимов: русский и зарубежный опыт.....	10
Глава 2. Урбаноним: понятие, структура, семантика, функции.....	19
Глава 3. Официальные и неофициальные урбанонимы: краткий экскурс в историю формирования и изучения.....	37
Глава 4. Неофициальные урбанонимы как часть языка и культуры города.....	43

Раздел 2

УРБАНОНИМЫ И ТРАНСЛЯЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глава 1. Территориальная идентичность: содержание понятия и особенности его применения в урбанонимике.....	55
Глава 2. Отражение территориальной идентичности в урбанонимии областных центров Среднего и Южного Урала.....	70

Оглавление

Раздел 3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 1. Муниципальная топонимическая политика как научная проблема.....	103
Глава 2. Топонимическая (урбанонимическая) политика: понятие, структура, нормативные основы и принципы реализации.....	110
Глава 3. Краеведческий и имиджевый подходы к политике урбанонимического означивания.....	125

Раздел 4

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ НЕЙМИНГ

Глава 1. Нейминг: от постановки проблемы до оценки результатов.....	150
Глава 2. Методическая основа топонимического нейминга.....	159
Глава 3. Проблемы переименования топографических городских объектов.....	168
Вместо заключения.....	178
Список библиографических ссылок и источников.....	180
Об авторах.....	212
Summary.....	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

Городские топонимы (или урбанонимы) в конце XX — начале XXI века оказались на пересечении активных научных и общественных интересов. Бурные социально-экономические и культурные преобразования на рубеже эпох не могли не повлиять на углубление научных размышлений о роли топографических имен в отражении многообразных социальных явлений и процессов. А широкую общественность изменение ценностных ориентиров заставило задуматься над вопросами актуальных именуемых смыслов в названиях улиц и площадей и возможностями их переименования. Многочисленные споры в публичном пространстве тех лет остались в прошлом, и вот уже более двух десятилетий местные органы исполнительной власти и самоуправления, сотрудничая с топонимическими комиссиями, присваивают имена топографическим объектам, находящимся в муниципальной собственности. Однако работа эта и по сей день не избавлена от сложностей и дискуссионных моментов, а конкретные номинативные решения отнюдь не всегда имеют под собой ясную и системно обоснованную идейную платформу. Негативный отклик на неудачные именуемые действия и необходимость обновления методологического фундамента для создания и реализации городской топонимической политики обуславливают потребность дальнейших научных построений.

В этой книге авторы попытались обобщить собственный многолетний опыт разработки теоретических и прикладных вопросов топонимики и представить свой взгляд на содержание, структуру и принципы осуществления современной муниципальной топо-

нимической политики. Как практическая деятельность она предполагает заметное возрастание роли субъективного человеческого начала в производстве новых именных обозначений, рассчитанных на применение в общественном узусе, что налагает особую ответственность на всех участников, вовлеченных в работу по созданию и присвоению топографических имен.

Топонимическая политика должна исходить из свода научного знания, накопленного в новейшей ономастике. Оно достаточно обширно и многогранно. Принятая в современной лингвистике антропоцентрическая парадигма, поставившая в центр изучения языковых явлений «*homo lingualis*» [Маслова, 2007], способствовала значительному развитию социолингвистического и лингвокультурологического аспектов топонимических исследований. Их результаты, наряду с положениями ряда классических работ по системному описанию урбанонимии, авторы представили в **первом разделе** книги, где в опоре на отечественные и зарубежные труды раскрываются теоретические сведения об урбанонимах как особом разряде собственных имен, знаках культуры и трансляторах социокультурных смыслов.

Раздел 1 начинается с основ системного изучения урбанонимов. В главе 1, написанной Р. В. Разумовым и С. О. Горяевым, рассматривается история и современное состояние урбанонимики, являющейся частью топонимической науки. Глава 2 (Р. В. Разумов, М. В. Голомидова) посвящена ономастической специфике урбанонимов, особенностям их структуры, семантики и функционирования.

Топонимический ландшафт города неоднороден, как неоднородна его культура и языковая среда. Доминирующий и, безусловно, главный в функциональном отношении слой урбанонимии составляют официальные названия. Но наряду с ними в речи горожан бытуют названия неофициальные, неформальные, народные, которые составляют непрременную часть обиходной-бытовой культуры. В главе 3 (Р. В. Разумов, Л. Лань) дается характеристика неофициальной урбанонимии и обобщается опыт ее изучения в разных городах. В главе 4 (М. В. Голомидова, С. О. Горяев, Е. Н. Клименко, Л. Лань) на языковом материале Екатеринбурга иллюстрируется участие

неофициальных городских топонимов формировании уникального топонимического ландшафта.

В своем понимании муниципальной топонимической политики авторы книги исходят из того, что она должна быть направлена на интересы каждого конкретного города и учитывать особенности его позиционирования, включая создание желаемого образа, отражающего как историческое наследие, так и перспективы развития. В этой связи в центре **второго раздела** книги находится категория территориальной идентичности и ее воплощение в урбанонимической материале. Теоретическое объяснение репрезентации территориальной идентичности в городских топонимах, а также пути ее изучения составляют ключевую проблему для общей логики размышления в этой части. В главе 1 (А. В. Дмитриева, М. В. Голомидова) представлена и обоснована структурная модель семантического поля территориальной идентичности в урбанонимии. В главе 2 (А. В. Дмитриева) инструментальные свойства модели апробируются на сравнительном описании урбанонимии двух областных центров Урала — Екатеринбурга и Челябинска. Глава сопровождается иллюстрациями на цветной вкладке.

Третий раздел монографии, написанный М. В. Голомидовой, носит прежде всего проективный характер. В главах 1 и 2 раскрывается понятие топонимической политики, характеризуются ее структурные элементы и принципы реализации, поясняется ее специфика применительно к деятельности муниципалитетов. В главе 3 в русле семиотического подхода обосновывается имиджевая концепция развития и коррекции урбанонимического ландшафта как содержательная основа современной топонимической политики.

Практическая реализация муниципальной топонимической политики может осложняться трудностями в изобретении новых топографических имен, которые должны, с одной стороны, отвечать современным потребностям горожан и, с другой — участвовать в трансляции региональной идентичности и возможном формировании имиджа места.

Топонимический нейминг, сущность и технология которого обсуждаются в **четвертом разделе**, призван помочь в решении задач

именотворчества. Главы 1, 2 (М. В. Голомидова) посвящены сути понятий «топонимический нейминг», методике его осуществления и практике применения в аспекте имиджирования территории. Глава 3 (Р. В. Разумов) обращена к острой в социальном и сложной лингвистическом проблеме переименования. Ее многоаспектное рассмотрение нацелено на помощь топонимическим комиссиям в поиске оптимальных решений.

Языковым материалом монографии послужили прежде всего данные по городской топонимии близких для членов авторского коллектива городов Урала — Екатеринбурга и Челябинска. Это позволило ввести в ткань исследования личные наблюдения над жизнью городских топонимов, формированию и изменению их системы, бытованию и восприятию в речи горожан. Однако только указанными городами интерес авторов не ограничился. Наблюдения над закономерностями и особенностями развития городских топонимических систем, их социально-культурной составляющей, динамикой происходящих в них процессов закономерно потребовали обращения к более широким данным. В этих целях упоминаются и обсуждаются примеры топонимии столичных городов — Москвы и Санкт-Петербурга. Важным является привлечение топонимических фактов Ярославля и Рыбинска, городов Верхнего Поволжья, которые имеют тысячелетнюю историю. Для наблюдения над особенностями бытования топонимии в поликультурной среде привлекается языковой материал городов национальных республик — Уфы и Казани. В целом в монографии упоминаются более пятидесяти городов России. Этот обширный языковой материал был привлечен для того, чтобы нагляднее продемонстрировать, как представленные в монографии научно-теоретические воззрения и методологические подходы к изучению городской топонимии опровергаются в реальную урбанонимическую ситуацию и могут лечь в основу конкретных практических решений в сфере городской топонимической политики.

Муниципальная топонимическая политика призвана развивать топонимический ландшафт города, проявляя его самобытность, и необходимым условием для эффективной практической дея-

Предисловие

тельности является поиск ключевых характеристик, составляющих региональную идентичность. Последовательное их воплощение в новых урбанонимах позволит повысить привлекательность топонимического портрета города. Такова основная идея, которой вдохновлялись авторы этого исследовательского проекта.

Благодарим всех наших коллег, причастных к теме городской топонимии, с кем нам выпала честь и интеллектуальное удовольствие в ее обсуждении, и Российский научный фонд, оказавший грантовую поддержку проведенным изысканиям.

М. В. Голомидова, С. О. Горяев

Раздел 1

ГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ В СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Глава 1. История изучения городских топонимов: российский и зарубежный опыт

Первые исследования, в которых мы можем найти попытки описания внутригородских названий, стали появляться в нашей стране еще до возникновения ономастики как научной дисциплины. На данном этапе онимических исследований немногочисленные авторы создавали топографические и исторические описания городов, анализировали динамику их территориального устройства и особенности организации пространства. Как отмечает Т. П. Соколова, «первый путеводитель по Москве появился более двухсот лет назад, в 1782 г. <...> Путеводитель содержал разнообразные данные о 14 частях Москвы того времени, в том числе и названия улиц и переулков. <...> В. Г. Рубан (автор путеводителя — *P. P.*) <...> попутно объясняет происхождение некоторых названий» [Соколова, 1985, с. 180]. Аналогичные публикации создавались и по другим городам нашей страны. Так, в начале XIX века появились подробные топографические описания отдельных регионов Российской империи, содержащие в том числе разделы, посвященные городам. Указанные публикации содержат данные о начальном этапе формирования систем урбанонимов населенных пунктов страны. Например, подобную информацию мы находим в «Топографическом описании Ярославской губернии», составленном в 1803 г. по указу Императора Александра I по анкете Вольного экономического общества. Так, при описании Рыбинска составителями указано, что в городе «улиц,

положенных по подтвержденному плану, — пятнадцать; из них три набережные: 1-я — Волгская, 2-я и 3-я — Черемужская, 4-я — Крестовская, 5-я — Мологская, 6-я — Мышкинская, 7-я — Ивановская, 8-я — Новая-Нижняя, 9-я — Конюшенная, 10-я — Егорьевская, 11-я — Холоповская, 12-я — Кузнецкая, 13-я — Угличская, 14-я — Постоялая, 15-я — Вознесенская, — все шириною по 10 сажен» [Ярославская губерния, 2008, с. 121]. В описаниях некоторых городов указано на безымянность отдельных линейных объектов: «[Мышкин] Улиц, положенных по подтвержденному плану, — 14, именно: 1-я — Ярославская, 2-я — Угличская, 3-я — Никольская, 4-я — Рыбинская, 5-я — Широкая, а прочие — без названия» [Там же, с. 144]; «[Молога] Улиц положено по подтвержденному плану — 24, именно: 1) Мологская, 2) Озерная, 3) Ярославская, 4) Мещанская, 5) Рыбинская и 19 — безымянных...» [Там же, с. 149]. В некоторых дореволюционных описаниях городов встречаются и попытки объяснения происхождения названий. Так, в работе «Город Рыбинск, его прошедшее и настоящее», опубликованной в 1890 г., К. Д. Головщиков попробовал объяснить название главной улицы Рыбинска — *Крестовой улицы*: «Пред правым клиросом главного алтаря Преображенского собора стоит массивный деревянный с ценными украшениями крест, особо чтимый местными жителями. До первых годов текущего столетия крест этот стоял у края тогдашнего города в часовне, находившейся между набережной реки Волги и улицей, получившей от этого название Крестовой» [Головщиков, 1993, с. 155].

В дореволюционный период истории страны были созданы и прообразы будущих словарей и справочников городских названий. Вероятно, первым из них является работа А. А. Мартынова «Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями» [Мартынов, 1878].

Собственно ономастический этап изучения урбанонимов начинается в 1960-е гг. Его открыли две публикации: «Топонимия Калуги — зеркало истории города» Н. М. Маслова [Маслов, 1962], включенная в первый топонимический выпуск серии «Вопросы географии», и «О городской топонимии» К. С. Горбачевича [Горбачевич], вошедшая в 5-й выпуск серии «Вопросы культуры речи».

Для урбанонимических исследований 1960–1970-х гг. характерно обращение к вопросу об ономастическом статусе названий улиц и других внутригородских объектов, попытки определить, следует ли их рассматривать в рамках микротопонимии или выделять в отдельный самостоятельный разряд топонимов. Первую точку зрения активно продвигал В. А. Никонов, она нашла отражение в его многочисленных статьях и монографии «Введение в топонимику» [Никонов, 1965]. В основе этой позиции лежит стремление типологизировать топонимы для природных и созданных человеком объектов: «Самый огромный и отличающийся значительными особенностями раздел топонимии — микротопонимия, т. е. названия мелких объектов: ручьев, рощ, полей, лугов, оврагов, дорог, мостов, колодцев, частей населенных пунктов и т. д., вплоть до отдельных деревьев, имеющих собственные имена. <...> Едва ли можно согласиться с топонимистами Болгарии, включающими в микротопонимию все реки длиной до 50 км; с другой стороны, едва ли можно поддержать мнение А. В. Суперанской, исключаящей из микротопонимии названия улиц» [Никонов, 1965, с. 46–47]».

Иной позиции на топонимический статус названий улиц придерживалась А. В. Суперанская. В статье по материалам доклада на совещании по микротопонимии она развернуто обосновала свою точку зрения, отметив, что «включение названий улиц в состав микротопонимии представляется <...> необоснованным: микротопонимы — первичны, названия улиц — непервичны; микротопонимы — непосредственны, названия улиц — опосредствованы; микротопонимы — факт одного языка, названия улиц в больших городах восходят к словам различных языков; микротопонимы не могут быть настолько и в такой степени системны, как системны названия улиц» [Суперанская, 1967, с. 32–33]. В дальнейшем это мнение было развито в монографии «Общая теория имени собственного» [Суперанская, 1973], а также в многочисленных статьях, посвященных рассмотрению городских топонимов.

Свой вклад в решение данного вопроса внесла Н. В. Подольская, в статьях которой применяются обозначения *урбоним* и *урбаноним* [Подольская, 1972; 1974]. Окончательное закрепление термина

урбаноним и его понятийного содержания произошло в «Словаре русской ономастической терминологии» [Подольская, 1978]. С этого времени термин *урбаноним* прочно вошел в терминосистему ономастики.

Уже в 1960-х годах стали закладываться основные направления, по которым далее будет развиваться изучение городских топонимов. Ведущим среди них стало синхроническое описание лексико-семантических и структурных особенностей названий улиц и площадей разных городов. Для топонимии отдельных городов предпринимаются попытки диахронических исследований: Симбирска-Ульяновска [Никонов, 1969], Балашова [Архангельский, Клейменов, 1969]. Ведется апробация новых методов и формулируются проблемы практической работы по присвоению новых названий: «Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы» [Суперанская, 1964], «Наименования и переименования в городах» [Суперанская, 1966].

В 1960–1970-е гг. начинают издаваться справочники и путеводители, содержащие описание названий объектов отдельных городов нашей страны. Впервые подобные топонимические словари были созданы по Ленинграду [Горбачевич, Хабло, 1960] и Москве [Имена московских улиц, 1972], они содержали не только объяснение самих урбанонимов, но и краткую справку о прежних названиях объектов.

Перелом в исследовании урбанонимов происходит в 1980–1990-е годы: начинают появляться работы, содержащие попытки теоретического осмысления особенностей развития систем внутригородских названий. Первым примером реализации подобного подхода стал сборник «Географические названия в Москве», опубликованный в серии «Вопросы географии» [Географические названия в Москве, 1985]. В него были включены статьи таких московских топонимистов, как Р. А. Агеева, Г. П. Бондарук, М. В. Горбаневский, И. А. Ерофеев, Ю. К. Ефремов, М. Н. Морозова, Э. М. Мурзаев, Н. В. Подольская, Е. М. Поспелов, Г. П. Смолицкая, Т. П. Соколова, А. В. Суперанская, а также ряда других ученых. В сборнике были рассмотрены не только различные аспекты создания и функционирования городских онимов в синхронии и диахронии, но и вопросы происхождения

ойконима *Москва*, гидронимов и оронимов столицы, создания и употребления названий остановок и эргонимов, особенности написания и произношения внутригородских названий.

Значимым научным событием периода 1980–1990-х годы стало появление первых монографических исследований «Урбанонимия Белоруссии» А. М. Мезенко [Мезенко, 1991б] и «Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей» М. В. Горбаневского [Горбаневский, 1996]. С защиты докторских диссертаций А. М. Мезенко [Мезенко, 1991а] и М. В. Горбаневского [Горбаневский, 1994], а также кандидатской диссертации Г. А. Кривозубовой [Кривозубова, 1993] в СССР и России фактически и началась диссертационная история изучения урбанонимии¹.

Во второй половине 1980-х годов под влиянием происходящих в стране политических и культурных изменений начинаются широкие общественные и научные дискуссии о необходимости выработки специальных требований к созданию урбанонимов, восстановлению исторических, прежде всего дореволюционных, названий, о принципиальной недопустимости формального подхода к переименованию. Обсуждение происходило и в СМИ, и на специально организованных научных конференциях, многие из которых получили название «Исторические названия — памятники культуры» [Исторические названия..., 1989; Исторические названия..., 1991]. В обсуждении вопросов принципов создания урбанонимов, реформирования существующих топонимических систем принимали участие не только ученые, но и многочисленные краеведы-любители, местные и федеральные политики, писатели и деятели культуры. Многие публикации по перечисленным темам, как отмечала Е. Л. Березович, были «заряжены изрядной долей публицистики. <...> Все происходящее похоже скорее на разовую кампанию, чем на целенаправленную

¹ Следует отметить, что первым диссертационным исследованием в СССР, посвященном только урбанонимии, стала работа Й. Й. Юркштаса «Топонимия города Вильнюса» [Юркштас, 1979], однако она не получила широкой известности в отечественной ономастике и практически не упоминается в исследованиях городской топонимии.

деятельность, в основу которой положены тщательно разработанные научные принципы» [Березович, 2001, с. 37]. Действительно, широкое общественное обсуждение вопросов городской топонимии не привело к выработке каких-либо значимых решений. Многое из того, о чем говорилось на конференциях и на страницах СМИ (запрет прижизненного увековечивания любых лиц, запрет переименования объектов и т. д.), давно уже было реализовано в советском законодательстве. Обсуждения второй половины 1980-х годов сформировали ряд проблем, по-прежнему влияющих на развитие систем урбанонимов нашей страны: негативное восприятие многими местными краеведами любых переименований объектов (как будет показано далее, в некоторых случаях они необходимы), фактическое отождествление исторических и дореволюционных названий. Очевидно, что топонимы, созданные в советский период истории страны, также могут являться историческими и должны сохраняться на картах российских городов. По нашему мнению, вопрос терминологического определения статуса *исторического названия* до настоящего времени не решен, его решение — удел будущего.

В указанный период появляются апробируются такие новые направления в изучении урбанонимии, как лингвокультурологическое [Брызгалов, Давыдов, 1991] и семиотическое [Егорова, 1988]. Ученые обращаются также к сопоставительному анализу языкового материала различных регионов и стран [Мезенко, 1989б; Колесникова, 1998]. Урбанонимическое пространство открывают для себя исследователи языка города. С этого времени официальные и неофициальные урбанонимы начинают рассматриваться как его составная часть, их предлагается включать в будущие словари городской речи [Михалап, Шмелева, 1984; Лексикографическое описание, 1994].

С 2000-х гг. углубляются аспекты изучения урбанонимов, реализующие антропоцентрическую парадигму современной лингвистики: лингвокультурологический [Асанов, 2015; Ворошилова, 2007; Гальцова, 2011; Коширелова, 2006; Пушкарёва, 2013; Рабаданова, 2012] и социолингвистический [Олейникова, 2007; Исмагилова, 2011]. Набирает силу сопоставительное изучение топонимов разных

населенных пунктов, регионов [Разумов, 2003; Егорова, 2018], стран [Сизова, 2004; Ибрагимова, 2007]. Продолжает осваиваться диахроническое направление исследований [Владимирович, Ерофеев, 2009; Горланова, 2006, 2010; Кишаева, Кусова, 2019; Пушкарёва, Доржиева, 2016; Разумов, 2003; Широков, 2002]. Делаются попытки осмыслить общие тенденции развития урбанонимии [Никитин, 2020; Разумов 2022, Шмелева, 2014], ее места в онимическом пространстве города [Шмелева, 2020].

Особое направление исследований связано с изучением деятельности топонимических комиссий, трудностей создания новых названий и переименования [Владимирович, 2021; Улицы Рязани, 2018].

В это же время в ономастике произошло открытие новых субразрядов урбанонимов: если до этого времени ученые изучали почти исключительно названия улиц и площадей, лишь изредка исследуя другие типы имен [См., например: Савченко, 1985; Подольская, 1993], то в начале XXI века внимание лингвистов распространилось и на другие разряды: названия зданий [Разумов, 2015б], храмов [Аринина, 2007], мостов [Супрун, 2018], остановок общественного транспорта [Киселева, 2003; Соколова, 2005], кладбищ [Майоров, 2006] и др. Ономатологи стали быстрее реагировать на появление новых разновидностей урбанонимов, отвечать на вызовы времени. Так, на X Международной конференции «Ономастика Поволжья», проведенной в Уфе, сразу два исследователя из разных регионов России — М. Я. Выходцева [Выходцева, 2006] и Р. В. Разумов [Разумов, 2006] — обратились к изучению принципиально нового для того времени онимического явления — названий жилых комплексов и зафиксировали начальный этап формирования данного субразряда имен собственных.

Другой важной особенностью 2000-х годов стало обращение ученых к изучению топографических терминов, функционирующих в урбанонимии: прослеживается их эволюция, выявляется лингвокультурная специфика, описываются особенности взаимосвязи имени и апеллятива, обозначающего разновидность названного объекта [Булыгина, Трипольская, 2015; Разумов, 2010; Соловьев, 2010, Широков, 2002].

Произошедшие на рубеже веков общественные изменения обусловили необходимость обновления подходов к созданию городских топонимов. Очевидно, что прежние, принятые в советский период истории страны, устарели, и требуется выработка теоретических основ единой урбанонимической политики, которые бы позволили создать единые подходы к номинации и переименованию объектов в городах Российской Федерации. Основа для разработки подобного законодательства была заложена в целом ряде работ, опубликованных в последние два десятилетия [Голомидова, 2017, 2018; Подберезкина, 2003, 2009; Шарифуллин, 2000].

В зарубежных гуманитарных науках интерес к изучению урбанонимии также развивается во многом по сходной траектории. Об этом свидетельствуют, в частности, ономастические конгрессы ICOS (International Council of Onomastic Sciences) и ICONN (International Conference of Name and Naming). Круг рассматриваемых вопросов и привлекаемый для их обсуждения языковой материал в зарубежном секторе урбанонимики предельно широки. Применительно к этому большому проблемно-тематическому разнообразию позволим выделить особо такие актуальные на сегодняшний день направления, как:

— изучение национальной специфики урбанонимов, функционирующих в ряде стран и на территории отдельных городов: в Белоруссии [Мезенко, 1991б; Ван Ли, 2010; Гардзееў, 2013; Дорофеенко, 2013; Никулина, 2021; Сацукевіч, 2016; Саяпін, 2013; Семянчук, 2013], Бразилии [Carvalhinhos, Lima, 2013], Италии [Ursini, Long, 2020], Канаде [Casagrande, 2013], Польше [Cieślakowa, 2010; Handke, 2010; Różycki, 2018], Румынии [Felecan, 2013, 2015], Словакии [Flodrová, 2009], Танзании [Rieger, 2022], Финляндии [Ainiala, 2016], Хорватии [Germani, 2022], Украины [Галай, 2009; Ляшенко, 2008; Романюк, 2007; Титаренко, 2015], Чехии [Dejmek, 1993; Lutter, 1988; Vaculík, 2013] и др.

— отражение в урбанонимии межнационального взаимодействия [Rateau, 2011, Klemensová, 2019] и связей и отношений в мультикультурной среде [Nyström, 2016];

— трансляция историко-культурной информации и идеологических установок [David, 2013; David, Mácha, 2014; Ndimande-Hlongwa, 2015; Neethling, 2016];

— роль урбанонимов в передаче феномена идентичности [Влахова-Ангелова, 2013; Berg, Kearns, 2009; Jordan, 2012; Identity through Urban..., 2011; Walkowiak, 2019].

Поскольку топографические имена являются носителями духовной культуры, не удивительно, что к ним проявляют заметный интерес представители других наук — социологии, политологии, культурологии и пр. Исключительно популярным материалом они стали для научных построений в новейшей гуманитарной географии, представители которой обращаются к вопросам изучения «пространственного взаимодействия между властью, обществом и территорияей» [Басик, 2018а, с. 60] и «социально-политической и экономической роли топонимов как символических компонентов географического пространства» [Vuolteenaho, Berg, 2009, с. 1]. Рассматривается, в частности, роль городских топонимов в манифестации властных полномочий в странах, претерпевших кардинальную смену политических режимов [Light, 2003, 2004; Azaryahu, 1990, 1992, 2012], политический и идеологический подтекст топонимического именования и переименования [Azaryahu, 1986, 2021; Alderman, Inwood, 2013; Basik, 2019; The Political Life..., 2018; Vuolteenaho, Ainiala, 2009], роль коммеморативных наименований как трансляторов культурной и политической власти [Azaryahu, 2021; Palonen, 2008; Rose-Redwood, Alderman, 2011; Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2008], топонимическая символизация социокультурной и политической идентичности [Berg, Kearns, 1996]. Обсуждаются проблемы коммерциализация городских топонимов, их вовлечение в брендинг территорий [Басик, 2018а; Medway, Warnaby, 2014], в повышение туристической привлекательности мест и увеличение стоимости пространства [Mühlhäusler, Nash, 2016].

Таким образом, можно утверждать, что к настоящему времени сформировалась урбанонимика как особая отрасль ономастических исследований, имеющая собственную традицию исследований,

разработанный научный аппарат и активно взаимодействующая с другими отраслями науки.

Процесс изучения урбанонимов в России и за рубежом идет сходными путями, тем более что обмен научными знаниями на международных конференциях и в международных исследовательских и издательских проектах позволяет успешно наращивать совокупный опыт. Урбанонимия служит полем реализации интересов многих гуманитарных наук, поэтому собственно ономастическое ее освоение все более тяготеет к междисциплинарности и углублению лингвокультурологической и социолингвистической научной перспективы.

Глава 2. Урбаноним: понятие, структура, семантика, функции

Термин *урбанонимия*, введенный в научный обиход А. В. Суперанской в монографии «Общая теория имени собственного» [Суперанская, 1973, с. 166], во второй половине XX века постепенно закрепился в российской ономастике. В 1974 году он использовался в статье Н. В. Подольской «Урбанонимия Центральной России» [Подольская, 1974], а в 1978 году получил толкование в «Словаре русской ономастической терминологии» того же автора. Н. В. Подольская определяет содержание понятия *урбаноним* следующим образом: «Урбаноним — вид топонима. Собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, название отдельного здания, хороним городской» [Подольская, 1978, с. 154].

Во втором издании словаря обозначение *урбаноним* сохранило свою дефиницию, изменения в словарной статье заключались лишь во введении дополнительного видового термина *ойкодомоним*. Согласно последней версии словаря, «урбаноним — собственное имя любого внутригородского топографического объекта, в том числе агороним, годоним, хороним городской, экклезионим, ойкодомоним» [Подольская, 1988, с. 139]. Таким образом, термин *урбаноним*

был определен как родовое обозначение, объединяющее ряд видовых терминов:

— агоронимы (от греч. ἀγορά ‘площадь’ + ὄνομα ‘имя’ — названия площадей и других открытых пространств в городах);

— годонимы (от греч. ὁδός ‘улица, дорога’ — названия улиц, в том числе проспектов, бульваров, аллей, набережных, проездов, переулков, линий (один из типов улиц), шоссе (в черте города), тупиков);

— хороним городской (от греч. χώρα ‘область, край, страна’ — собственное имя любой территории, имеющей определенные границы: городской район, микрорайон, административный район);

— эkkлeзионим (от греч. ἐκκλησία ‘церковь’ — собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе название церкви, часовни, креста);

— ойкодомоним (от греч. οἰκοδομή ‘здание, строение’ — собственные имена отдельных зданий, сооружений)².

В обоих изданиях словаря автор однозначно квалифицировал урбаноним как разновидность топонима. Однако в последнее время наблюдается тенденция к расширению понятийного содержания термина *урбаноним* и распространения его на любые пространственные объекты городской территории, в том числе на места, в которых осуществляются разные виды социальной деятельности, например, магазины, кафе, рестораны, кинотеатры, театры, клубы, гостиницы [Астафьева, 1996; Замалетдинова, 2016; Мезенко, 1991б; Шмелева, 2014 и др.].³ Таким образом, можно констатировать наличие традиционного и расширенного толкований, и термин *урбаноним* оказывается своего рода «зонтичным» как для имен собственных топографических объектов, так и для

² Специалисты продолжают уточнять этот перечень и предлагают дополнить его такими видовыми терминами, как гефиронимы ‘названия мостов’, монументонимы ‘названия памятников’, некронимы ‘названия кладбищ’, пилонимы ‘названия ворот’, порейурбанонимы ‘названия остановок’ [Мадиева, Супрун, 2017, с. 117], список этот, возможно, не является закрытым.

³ Осознание существующих разночтений даже побудило ряд исследователей обратиться к рассмотрению специфики понятийного наполнения термина *урбаноним* [Мадиева, Супрун, 2017; Соловьев, 2018; Широков, 2001, 2002].

названий организаций и предприятий, занимающих отдельные здания в городском пространстве.

Терминологические сложности усиливаются при соотнесении отечественной терминологии с зарубежной. В частности, термин *урбаноним* отсутствует среди базовых ономастических терминов, предложенных в документах Международного совета ономастических наук (International Council of Onomastic Sciences, ICOS — организация, объединяющая ономастологов в мировом масштабе). В перечне рекомендованных терминов по отношению к городской топонимии фигурирует обозначение *годоним* — англ. *hodonym*, нем. — *Hodonym*, фр. — *hodonyme*, от греческого ὁδός ‘дорога’, с возможными вариациями *odonym*, *odonyme* [List of Key Onomastic Terms; Liste Onomastischer Schlüsseltermini; Liste des mots-clefs en Onomastique]. В документах ICOS *годоним* определяется как ‘собственное имя пути, включая собственное имя улицы, площади⁴, автомагистрали, проселочной дороги, пути, туннеля, брода, моста, пешеходного моста, железнодорожной линии и т. д.’ [List of Key Onomastic Terms]. При этом в рамках родового термина *годоним* предлагается различать видовой термин *название улицы* — англ. *street name / street-name*, нем. *Straßennamen*, фр. *nom de rue*, ‘собственное имя транспортной магистрали в городе, поселке, деревне и т. п.’ [List of Key Onomastic Terms].

Стремление подчеркнуть в смысловом отношении принадлежность объектов именно к городской территории обусловило появление других терминов — *urban names / urban place-names* [The Oxford Handbook..., 2016]. В последние десятилетия за счет международного научного взаимодействия наблюдается также вхождение в англоязычную литературу термина *urbanonym*. Сложившаяся терминологическое разнообразие показывает необходимость дальнейшей работы по упорядочиванию ономастической терминологии в международном масштабе.

⁴ Здесь очевидно расхождение со значением термина *годоним* в русской ономастике, где принято соотносить с ним только названия линейных объектов, для площадей и рынков используется другой термин — *агороним*.

В рамках данного исследования мы будем исходить из топографического содержания понятия «урбаноним» и соотносить с ним разные виды топографических реалий⁵.

Обратимся к собственно лингвистическому аспекту структуры и семантики урбанонимов. Любой урбаноним является сочетанием двух элементов: *топографического термина* (в синонимичных обозначениях — *географического термина, урбанонимического термина, апеллятивного классификатора, статусной части городского топонима*) и собственно онимической части. Так, в урбанониме *сквер Северная Роцца* слово «сквер» является топографическим термином, а сочетание *Серебряная Роцца* — онимической частью.

Топографический термин является обязательным структурным элементом урбанонима, он называет определенный статус реалии и соотносит денотат с классом или видом пространственных объектов. Именно полная двухчастная форма городского топонима является кодифицированной и обязательной для всех письменных жанров деловой коммуникации: она закрепляется в нормативных и справочных документах, используется для оформления адресов в бумагах правового характера и включается в надписи на аншлагах (уличных табличках).

В устной речи полная форма топонима под действием фактора экономии речевых усилий, как правило, сокращается, но эллипсис обычно не препятствует восприятию и пониманию информации, особенно если общие знания и обстоятельственный контекст коммуникации позволяют актуализировать недостающий семантический компонент и дополнить пропущенную информацию. Хотя, конечно же, нельзя исключать и ситуации затемнения смысла и семанти-

⁵ Исторически состав основных топографических реалий, используемых для ориентации в городском пространстве, мог меняться. На начальных этапах формирования городской территории главными из таковых были части города (кремль, посады, слободы, концы и т. д.), а линейные и точечные объекты (улицы, переулки, площади и т. п.) не имели постоянных названий. Свой нынешний статус они приобрели лишь на рубеже XVIII–XIX веков, когда началась практическая воплощение первых регулярных планов, утвержденных Екатериной II. Подробнее об истории формирования урбанонимических систем русских городов см. [Разумов, 2022; Супрун, 2015; Широков, 2002].

ческих сбоев в коммуникации. Так, фраза *«Дойдете до Володарского и налево»*, которую однажды услышал один из авторов монографии, в тот момент слабо знакомый с топографией города, может быть интерпретирована по-разному: *«дойдете до улицы Володарского»*, *«дойдете до площади Володарского»*, *«дойдете до памятника Володарскому»*, *«дойдете до завода имени Володарского»*. Впрочем, такого рода помехи легко преодолеваются в процессе речевого контакта.

Состав топографических терминов в урбанонимии не является постоянным и одномоментно заданным, он постоянно варьируется за счет введения новых или исчезновения устаревших обозначений. Следует отметить, что ранее состав терминов был более разнообразным, о чем мы можем судить по онимическим частям современных названий. Так, ранее в качестве топографических терминов использовались лексемы *вал* (*улица Крымский Вал*, Москва), *ворота* (*площадь Красные Ворота*, Москва) и др.

В настоящее время наиболее развита система топографических терминов, используемых для обозначения линейных объектов, или — в терминах административно-правового языка, — элементов улично-дорожной и дорожно-транспортной сети. Самым частотным и универсальным из них является термин *улица*, встречающийся практически во всех городских и сельских населенных пунктах нашей страны⁶.

К числу часто встречающихся внутригородских топографических терминов следует также отнести термины *аллея*, *бульвар*, *набережная*, *переулок*, *проезд*, *проспект*, *шоссе*, которые можно

⁶ Показательно, что на аншлагах домов данный термин часто может употребляться в качестве второго при обозначении некоторых объектов. Так, в Ярославле на отдельных домах нами зафиксировано его соседство с термином *набережная*: *улица Которосльская Набережная*. Аналогичная картина наблюдается и в Рыбинске, где довольно часто встречается вариант *улица Волжская Набережная*. Подобные примеры можно найти и в других населенных пунктах, в том числе в базах адресации объектов недвижимости. Возможно, это связано с тем, что все линейные внутригородские объекты воспринимаются горожанами как разновидности улиц. Следует отметить, что члены топонимических комиссий фактически вынуждены использовать данный термин при создании названий для новых объектов, поскольку на стадии обсуждения не всегда известны его точные характеристики.

встретить в различных регионах нашей страны. К редким относятся термины *вал* (*Кремлевский вал*, *Рязань*), *въезд* (*въезд Мичурина*, *Брянск*, *Пушкарихинский въезд*, *Юрьевец* и др.), *дорога* (*Восточная Окружная дорога*, *Рязань*), *линия* (*Кадетская линия*, *Кожевненная линия*, *Косая линия*, *Санкт-Петербург*; *Творогово 2-я, 4-я, 5-я линии*, *Ярославль*), *проулок* (*Кутузовский проулок*, *Вязники*), *сквер* (*сквер Святителя Никодима Белгородского*, *Белгород*), *спуск* (*Волжский* и *Флотский спуски*, *Ярославль*), *тракт* (*Северный тракт*, *Шуя*, *Ярославский тракт*, *Рыбинск*), *тупик* (*1-й и 2-й Магистральные тупики*, *Москва*).

Наименее развиты термины, обозначающие «точечные» элементы планировочной структуры города. В современной урбанонимической практике для обозначения «точечных» объектов в городах используется термин *площадь* — «архитектурно организованное, незастроенное пространство общественного назначения в пределах города, поселка и т. п., органично включенное в уличную сеть» [Антонишева, Дурнева, 2008, с. 225].

С советского времени для обозначения фрагментов городского пространства, выделяемых по административно-территориальному признаку, используются термины *район* и *микрорайон* — «(1) территория, составляющая единое целое по каким-л. признакам, особенностям (географическим, экономическим и т. п.), часть населенного пункта, определяемая какими-л. признаками; <...> (3) административно-территориальная единица в крупных городах» [Там же]. В конце XX — начале XXI века в некоторых городах (Архангельске, Липецке, Москве, Мурманске, Тюмени и др.) для обозначения подобных крупных фрагментов территории стал использоваться термин *округ*.

Более детальное членение территории, ее зонирование по функциональному назначению и статусу, выделение участков для проектов девелоперского освоения и прочие обстоятельственные факторы способствовали появлению и закреплению в качестве новых урбанонимических терминов таких обозначений, как *квартал*, *жилой квартал*, *деловой квартал*, *жилой комплекс*, *жилой район*, *технопарк*, *логопарк*, *территория*, *историческая территория* и др.

Таким образом, состав топографических терминов, используемых в урбанонимии, претерпевает изменения и меняется вслед за общим обновлением городской жизни. Возникает вопрос, существуют ли среди городских топографических терминов слова-локализмы, свойственные именно данному населенному пункту или региону. Вопрос этот остается открытым, и в то же время можно предполагать, что унификация и стандартизация официальных названий значительно сокращает возможности их бытования. Так, принято считать, что топографический термин *тракт* характерен для уральского и сибирского регионов, однако наши данные по Центральному федеральному округу опровергают это утверждение. Нами зафиксировано его наличие в Апрелевке (*Боровский тракт*), Вышнем Волочке (*Ржевский тракт*), Костроме (*Галицкий тракт*), Нелидово (*Торопецкий тракт*), Ржеве (*Старицкий тракт*, *Торопецкий тракт*), Рыбинске (*Арефинский тракт*, *Каменниковский тракт*, *Переборский тракт*, *Пошехонский тракт*, *Ярославский тракт*), Торопце (*Чистовский тракт*), Шуе (*Васильевский тракт*, *Северный тракт*). Аналогична ситуация с топографическим термином *линия*, который считается специфической особенностью петербургской урбанонимической системы. По нашим данным, он также встречается в городах Балашиха (*Нижняя 7-я линия*), Владимир (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 7-я, 8-я, 9-я *линии*), Воронеж (1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я *линии*), Вязники (*Новая линия*; *Соковка 1-я, 2-я, 3-я, 4-я линии*), Курск (*Красная линия*), Ликино-Дулево (*Мира 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я Линии*), Мантурово (1-я, 2-я, 3-я, 4-я *линии*), Тамбов (1-я, 2-я, 3-я *линии*), Ярославле (*Творогово 2-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я, 11-я, 12-я, 13-я и др. линии, 2-е Брагино 16-я, 17-я, 19-я, 21-я, 23-я, 25-я, 27-я, 29-я линии*).

Предварительные наблюдения позволяют заключить, что локальную специфику топографических терминов в урбанонимии можно усматривать не только в наличии уникальных лексем, но и в особенностях количественного наполнения разрядов номенклатурной лексики и частотности ее применения.

Второй обязательный компонент структуры урбанонима — это собственно онимическая часть. Она способствует различению

однотипных объектов и их идентификации в пределах населенного пункта⁷.

В истории изучения урбанонимии ономатологами было предложено несколько классификаций, рассматривавших лексико-семантические особенности собственно онимической части урбанонима. Мы представим три классификации, основанные на ономаσιологическом подходе и понятии «принцип номинации», под которым понимается «основание для связи имени с называемым объектом» [Подольская, 1988, с. 110], поскольку именно этот подход наиболее тесно связан с лингвокультурологической перспективой нашего исследования.

В начале 1990-х гг. была опубликована классификация, разработанная А. М. Мезенко на материале белорусских урбанонимов [Мезенко, 1991а]. Автор выделила четыре принципа номинации: 1) по отношению улицы к другим объектам; 2) по связи улицы с человеком как социосубъектом; 3) по присущим улице свойствам и качествам; 4) по связи улицы с абстрактным понятием.

Далее исследователь разделила каждую из четырех групп на небольшие подгруппы. Так, к первому типу были отнесены урбанонимы, характеризующий место расположения улицы: названия, мотивированные наименованиями архитектурных объектов (культовых сооружений, учебных, лечебных, спортивных и зрелищных заведений, промышленных предприятий, торговых объектов, различных городских служб, элементов устройств железнодорожной станции); названия по местоположению улицы относительно природных объектов; названия, повторяющие наименования других внутригородских объектов; номерные названия; признак, указывающий на связь улицы с другим географическим объектом вне города (*Минская улица*). Ко второму типу отнесены названия,

⁷ Онимический компонент может обладать прозрачной внутренней формой, но может и не иметь ясной мотивировки. Но наличие или отсутствие таковой не мешает урбанониму выполнять свою номинативную и коммуникативную работу. Тем не менее осознаваемая членами языкового коллектива связь с производящей основой и производящей семантикой обеспечивает большую дифференцирующую силу названия.

реализующие связь улицы с человеком как социосубъектом: названия, связанные с национальностью жителей; по занятиям жителей, в честь профессий; связанные с сословной принадлежностью жителей; фиксирующие определенное отношение к разным лицам (названия по первопоселенцам, владельцам земли и домов); названия-посвящения; по признаку функциональной нагрузки улицы; данные по наименованиям организаций; мотивированные наименованиями газет; данные в честь исторических событий, памятных дат; мотивированные именами родов войск, войсковых частей. К третьему принципу, объединившему урбанонимы по присущим улице свойствам и качествам, отнесены названия по характеру улицы со стороны размера, конфигурации, физико-географических особенностей; по характеру возраста, времени существования; эмоционально-характерологические названия; имеющие в своем составе слова со значением цвета; флористические названия; фаунистические названия. Наконец, к четвертому принципу — по связи улицы с абстрактным понятием — отнесены урбанонимы, мотивированные наименованиями месяцев; наименованиями поры года; данные по символам социалистической эпохи; в честь демократических преобразований новой эпохи. Данная классификация принципов номинации в момент своего появления была одной из самых развернутых и универсальных.

Новую подробную классификацию официальных урбанонимов, основанную на работах в области искусственной номинации М. В. Голомидовой, предложила Ю. А. Качалкова [Качалкова, 2013]. Автор выделила три макромодел: мемориальные номинации (номинации-посвящения), дескриптивные номинации (характеризующие объект с точки зрения его свойств и качеств) и условно-символические номинации (коннотативно нагруженные номинации, передающие мотивировочные признаки, условно соотносящиеся с объектами). В качестве разновидностей мемориальной номинации исследователь выделила следующие группы урбанонимов: посвящения географическим объектам: населенным пунктам (городам бывшего СССР; райцентрам, малым городам и поселкам Урала); гидрообъектам (рекам, озерам, морям), регионам; горным масси-

вам и другим орографическим объектам; посвящения конкретным лицам; посвящения социальным группам и институтам (представителям различных профессий; представителям социальных групп, объединенных теми или иными общими интересами; социальным институтам и организациям; социально-возрастным группам и их представителям); посвящения различным областям человеческой деятельности; посвящения различным странам / народам (этносам); посвящения памятным датам и вехам отечественной истории. Среди собственно дескриптивных урбанонимов автор выделил три разновидности: описывающие относительное расположение; описывающие функцию объекта; описывающие качества и свойства объекта. К условно-символическим названиям Ю. А. Качалкова отнесла урбанонимы, использующие идеологемы советской эпохи; лексику с положительной семантикой; связанные с образами растительного мира; образованные от названий технических артефактов и процессов, названий драгоценных и поделочных камней, названий периодов времени, названий пород и минералов, названий природных явлений, названий различных материалов, цветообозначений; связанные с образами животного мира, со сферой культуры, со сферой быта; отражающие регуляцию производственного процесса.

Продолжая разработку классификационных ономастических описаний, Р. В. Разумов предложил четыре номинативные модели: дескриптивную (названия-характеристики), меморативную (названия-посвящения), символическую (названия-символы) и эвсемантическую (названия-позитивы) [Разумов, 2022]. Разделение условно-символической номинации на две самостоятельные модели обусловлены тем, что если символические названия близки по своим свойствам к меморативным урбанонимам (они реализуют стратегию пропаганды, формировали советскую идентичность), то эвсемантические онимы похожи на дескриптивные урбанонимы, так как они отражают потенциальные особенности объекта, создавая при этом некоторую виртуальную реальность⁸.

⁸ Исторически первичной можно полагать дескриптивную модель, по которой создавались первые названия внутригородских объектов. С середины XIX века при присвоении урбанонимов начинает применяться меморативная модель, ставшая

В развитие этой темы мы считаем возможным говорить о пяти семантических макромоделях, объединяющих сходные мотивационные признаки при создании урбанонимов:

1) дескриптивная модель, объединяющая названия, характеризующие городской объект с точки зрения его реальных отличительных характеристик: *Волжская набережная, Загородная улица, Привокзальная площадь, Южная улица, Заводской район, Заволжский район, Центральный район* и др.;

2) меморативная, или коммеморативная, модель, объединяющая названия, увековечивающая память о каком-либо лице, группе лиц, знаменательном событии и т. д.: *улица Некрасова, площадь Бакинский Комиссаров, площадь Революции, Кировский район, Ленинский район, Октябрьский район* и др.;

3) условно-символическая ценностная модель, которой относятся урбанонимы возвеличивающие социальные ценности или воплощающие мотив общественного признания значимых социальных реалий (социальных групп, организаций, процессов и т. д.): *улица Дружбы Народов, Советская улица, улица Социализма, проспект Космонавтов, сквер ЮНЕСКО* и др.;

4) условно-символическая эвсемантическая модель, предполагающая установку на создание условной образности, декоративности обозначения — используется для урбанонимов, рассчитанных на производство аттрактивного эффекта в восприятии объекта либо его названия; по-своему воплощают мечту о красоте и гармонии городской среды: *Зеленая улица, Медовая улица, Солнечная улица, Счастливая улица* и др.

5) условно-символическая географическая модель, включающая названия с топонимической отсылкой: *Московская улица, Рыбинский переулок, Смоленская площадь, Байкальская улица, Европейская улица* и т. п. Возникая первоначально как названия дорог и направлений, такие урбанонимы перестают быть про-

исключительно продуктивной в советский и постсоветский периоды истории страны. Символическая и эвсемантическая модели формируются уже в XX веке и популярны сей день.

странственными ориентирами и символически вписывают город в пространство региона, страны, мира.

Описанные макромоделли представляют собой типизированные форматы объективации мотивировочного содержания, но внутри классификационных групп и между ними располагается богатая палитра содержательных вариантов. Каждая макромодель может быть подвергнута дальнейшему классификационному членению и выделению подмножества моделей по различным основаниям, также во многих случаях конкретный урбаноним может быть результатом воплощения двойственной или даже множественной мотивировки. Например, коммеморативное название улицы в честь проживавшего на ней известного человека имеет дополнительную дескриптивную мотивировку, название эвсемантической модели типа *ул. Яблонева* при благоустройстве территории и формировании зеленых насаждений может стать реальным описанием улицы, географическая модель в названиях *Варшавская улица*, *Празжская улица*, *Бухаресткая улица* напоминает также об идеологеме «неурушимое единство социалистического лагеря» и т. п.

Как и любой топоним, урбаноним обладает определенными знаковыми функциями. Прежде всего остановимся на функциях общесемиотических, свойственных всем городским топонимам. Их можно разделить на утилитарные и символьные.

Утилитарные функции производны от основной знаковой нагрузки топонима — быть вербальным средством для различения локаций и ориентации в человека на местности и тем самым способствовать выполнению задач любых видов социальной активности. Утилитарные функции реализуются в виде:

а) топо-разграничительной (она позволяет выполнять дифференциацию и разграничение реалий физического ландшафта по их различительным свойствам и пределам);

б) ориентирующей, или координатной (дает возможность осуществлять коммуникацию, опираясь на представления о расположении и соположении объектов территории);

в) адресной (устанавливает точную привязку реалий в топографической инфраструктуре города и тем самым работает на идентификацию пространственных объектов).

Символьные функции связаны со способностью топонима представлять место жизни человека сквозь призму его мировоззрения, духовного опыта, ценностных ориентиров; транслировать черты социального, политического, экономического, культурного контекста. Символьные функции топонимов соотнесены не с пространством физическим, а с пространством социокультурным, в котором человек живет и которое осмысляет, преломляя особым образом в зеркале топонимических обозначений.

Если мы обратимся к реализации символьных функций в синхроническом срезе бытования топонимии, то увидим, например, влияние урбанонимов на восприятие языковой среды в полиэтническом городе и на самоощущение человека как носителя определенной национальной и/или этнической культуры. Как подчеркивает австрийский исследователь Питер Джордан, специально рассматривавший вопросы функционирования топонимов на территориях со смешанным в этническом отношении составом населения, языковая принадлежность отражает разницу между тем, что сообщество рассматривает как «свое» и как «не свое». Восприятие имени пространственного объекта как принадлежащего своему языку поддерживает эмоциональные связи между человеком и пространством, что, в свою очередь, способствует созданию идентичности в пространстве [Jordan, 2012].

Это наблюдение хорошо подкрепляют факты официальной узакливания топонимов на двух языках — русском языке и языке титульной нации — в городах на территории национальных республик Российской Федерации. См., например, урбанонимы Казани, параллельно фиксируемые на уличных табличках/аншлагах и в справочной литературе: *Большая Красная урамы* — *улица Большая Красная*, *Габдулла Тукай урамы* — *улица Габдуллы Тукая*; *Кремль урамы* — *улица Кремлевская* (по названию Казанского кремля); *Пушкин урамы* — *улица Пушкина*; *Сафьян урамы* — *улица Сафьян*; *Универсиада проспекты* — *проспект Универсиады*; *Уң як Болак урамы* — *улица Право-Булачная*.

Вариантом реализации символической функции является отражение актуальных социокультурных процессов. Это хорошо иллюстрируют факты восстановления либо создания урбанонимов с религиозными коннотациями в связи с возрождением конфессиональной сферы: *улица Николая Сироткина* (Москва) — в память о Николае Евграфовиче Сироткине (1842–1920), настоятеле храма Иконы Божьей Матери «Знамение» в Захарьине. *Бульвар Святого Евгения Боткина* (Екатеринбург) бульвар подходит к храму «Во имя святого страстотерпца праведного Евгения врача и в память всех врачей Отечества нашего».

Рост национально-этнического самосознания и актуализацию национально-культурной памяти демонстрируют новейшие урбанонимы в столицах национальных республик РФ, см. языковой материал Уфы: *улица Булгарская* (буглары — тюркские племена, населявшие с IV века степи Северного Причерноморья до Каспия и Северного Кавказа); *улица Булярская* (буляр — древнебашкирское племя, в составе северо-западных башкир булгарского происхождения); *улица Табынская* (табын — родоплеменное объединение, племя которое получило название по роду занятия «табунщики»); *улица Кипчакская* (кипчаки — исчезнувший тюркский народ).

Символические функции урбанонимов, безусловно, раскрываются в способности транслировать историко-культурную информацию о территории: населяющих ее жителей, городском укладе, событиях, лицах. Это справедливо и по отношению к городским топонимам, созданным в советское время. Они отражают не только единую политико-идеологическую систему мировоззренческих «координат», но и гуманистические идеалы своего времени: уважение к человеку труда (*улицы Врачей, Инженеров, Металлургов, Сварщиков, Токарей* и т. п.); возвышение общечеловеческих ценностей (*улицы Мира, Дружбы, Свободы*); толерантное отношение к разным национальным культурам и достижениям всех народов СССР (см., например, обширное собрание «национальных» улиц на территории Уфы: *Аджарская, Армянская, Азербайджанская, Грузинская, Кабардинская, Таджикская, Татарская, Туркменская, Узбекская, Украинская, Эстонская*).

Представляя варианты репрезентации символьной функции урбанонимов, мы не ставим перед собой задачу описания всех ее проявлений — речь о них будет идти и в других разделах книги в связи с разговором о разных сторонах жизни современных топонимиконов. Сделанный эскизный комментарий пока лишь пунктирно очерчивает палитру символьной семантики.

Если говорить о функциях топонимов с лингвистических и лингвосемиотических позиций, то главной следует назвать общую для всех собственных имен функцию индивидуализации единичного конкретного объекта. Этой функциональной нагрузкой определяется место имен собственных в качестве специфического лексико-грамматического разряда в системе языка.

Поскольку единичный объект, выступающий в качестве денотата для топонимического называния, редко представляет собой уникальную реалию, то топоним, а точнее аппеллятивно-онимический/топонимический комплекс, с помощью номенклатурного термина подводит его под ряд аналогичных (и тем самым выполняет функцию топо-квалификации) и одновременно за счет собственно онимического компонента осуществляет дифференциацию и отстройку объекта от ему подобных.

Возможные компоненты в семантической структуре урбанонима — это внутренняя форма, которая может восприниматься носителями языка с разной степенью понимания мотивировки, то есть формальных и содержательных словопроизводственных связей. Внутренняя форма обогащает информационный потенциал топонима, позволяя ему отражать реальные или условные признаки названной реалии и тем самым усиливать функции индивидуализации и дифференциации. И уже на уровне внутренней формы название может дополняться оценочными, эмоциональными, эмоционально-оценочными, образными и стилистическими коннотациями (см.: *Альпийский сквер, сквер Дружбы, Итальянский сад, Молодежный сквер, парк Морские Дубки, Парадный сквер, парк Тихий Отдых, сад Фонтанчик, Чудный сквер, сквер Юность* — Санкт-Петербург).

Наконец, на уровне такого факультативного компонента, как фоновая семантика топонима, производная от широко известной эн-

циклопедической информации либо прецедентных знаков и текстов, могут работать культурные и культурно-исторические коннотации. Они в наилучшей степени способствуют выполнению урбанонимом его символьной функции. В качестве иллюстрации к этому тезису предложим ряд садово-парковых урбанонимов Санкт-Петербурга: *Рахманиновский сквер, сквер Столыпина, сквер Эдуарда Хиля, сквер Победы, сквер Подводников, сад Прометей, сад Спартак* и под. Все они актуализируют фоновые знания, известные носителям языка и культуры.

Таким образом, разные компоненты и разные уровни информационной структуры урбанонима участвуют в реализации лингвосемиотического функционала этого топонимического обозначения. В суммарном представлении функциональные знаковые функции урбанонимов, рассматриваемых как разновидность топонимов, сводится к следующим:

1. Общесемиотические функции:

- а) утилитарные (топо-разграничительная, ориентирующая);
- б) символичные (закрепление различных социальных ценностей).

2. Лингвосемиотические и лингвистические функции:

а) функция номинативной индивидуализации единичного конкретного пространственного объекта;

б) функция топо-квалификации (подведение индивидуализирующего названия под определенный род и вид топонимов);

в) факультативные функции: трансляция прагматической информации (оценочной, эмоциональной, образной, стилистической, этнокультурной, культурно-исторической и т. д.).

Подчеркнем, что именно топо-квалификация определяет ономастический статус урбанонимов.

Обратимся далее к иному, коммуникационному аспекту рассмотрения городских топонимов. Если характеризовать их с позиций стратификации языка города, то очевидной становится неоднородность по функционально-коммуникативному диапазону. Различия проявляются в неодинаковой способности отвечать запросам социальной коммуникации и обеспечивать общепонятность передаваемой информации. Согласно этому критерию мы можем

говорить о противопоставлении официальных и неофициальных названий. Первые, безусловно, занимают доминирующее положение, поскольку удовлетворяют коммуникативные запросы во всех сферах социального взаимодействия, обеспечивают общую для социума систему навигации в физическом пространстве и общую систему адресации. Без официальной урбанонимии жизнь современного города едва ли была бы возможна.

Однако так было не всегда, и ретроспективный взгляд на рождение городских топонимов, получивших в конце концов статус официальных, убеждает в длительности этого процесса и его зависимости от внешних экономических и социальных факторов. Процесс упорядочивания и императивного закрепления названий за городскими пространственными объектами начинается в XVIII веке и продолжается с переменным успехом в веке XIX.

Новое и Новейшее время превратили города в локомотивы цивилизационного развития и важнейшие центры динамики человеческой культуры. Начавшийся вместе с промышленной революцией рост городов привел к резкому увеличению численности городского населения и вызвал к жизни необходимость в упорядочивании многочисленных вопросов управления городом как социальной и хозяйственной системой. Решению подлежали в том числе такие вопросы, как землеотведение и землепользование, обустройство транспортных путей и путей сообщения. Не менее значимыми факторами были налогообложение и сбор податей, рекрутинг и учет населения. Отсюда проистекала объективная потребность в разработке многочисленных норм обустройства городской жизни. Не будет преувеличением сказать, что усиление роли рационального начала в городском управлении и развитие правовой и бюрократической практики инспирируют потребность и в упорядочивании городской топонимии. Если изначально в процессе освоения территории необходимость в дифференцирующих обозначениях того или иного места могла компенсироваться различными способами речевого описания (что со временем способствовало стихийному формированию городских топонимов), то упорядочивание землепользования, неизбежно связанное с четким межеванием, земле-

отведением, правом собственности, картированием, присвоением адресов, требовало наведения порядка в именах, которые должны были служить официальными, задокументированными названиями объектов.

Нельзя сказать, что процесс упорядочивания шел последовательно и гладко.

«Первое официальное название улиц Петербурга было введено спустя 25 лет после основания города. По предложению “Комиссии о Санкт-Петербургском строении”, 20 апреля 1738 года получили названия 17 наиболее значительных улиц, 5 площадей, 2 луга, 5 каналов и 15 мостов.

В дальнейшем, в течение XVIII в., никакой закономерности в присвоении названий улицам установить невозможно. Занимались этим от случая к случаю, как правило, по воле императорской, в связи с работами по благоустройству города. Так, некоторое упорядочение названий улиц последовало после распоряжения Екатерины II генерал-полицимейстеру Петербурга от 8 марта 1768 г., которое гласило: “Прикажи на концах каждой улицы и каждого переулка привешивать доски с именем той улицы или переулка на русском и немецком языке; у коих же улиц или переулков нет еще имени, то изволь оные окрестить”.

Столь же нерегулярно правительство занималось названием улиц и в первой половине XIX в. Перелом в этом отношении произошел накануне реформы 1861 г. и в пореформенный период» [Топонимика улиц Санкт-Петербурга. <https://proza.ru/2015/08/28/1404> (дата обращения: 20.09.2023)].

По мере того как складывается и эволюционирует рациональный планировочный подход к обустройству городских территорий, эволюционирует и практика маркирования городских объектов в именах собственных. Чем более упорядочиваются и подвергаются нормативному и административному регулированию различные аспекты социальной жизни города, тем более заметной и значительной становится функция официального закрепления собственных имен за теми или иными локациями. Таким образом, роль официального

наращения и закрепления имени в соответствующих предписательных текстах (указах, списках, топографических планах, картах, уличных вывесках) исторически нарастает в прямой прогрессии. Легитимизация топонима в качестве знака, узуализированного и закрепленного за тем или иным местом для обеспечения воздействия всего городского сообщества, всегда возлагается на органы власти и управления, в какую бы эпоху и в обстоятельствах какого бы государственного строя они ни действовали.

Итак, официальные топонимы составляют основной функциональный разряд урбанонимов. Однако многослойность городской культуры и социальная неоднородность языка города обуславливают появление иной функциональной разновидности — урбанонимов неофициальных. Языковая почва для их рождения — устная стихия обиходно-разговорной речи, городское просторечие, сленг, частные жаргоны (в первую очередь, молодежный) и некоторые локализмы, известные жителям отдельных районов или частей города. См. *улица Гражданская* (официальное название) — *Гражданка* (неофициальное название), *Советская набережная* — *Голодуха*, *улица Снегальского* — *Плас-Снегаль*, *микрорайон Шабаново* — *Шабаны* — территория Пскова [Никитина, 2018, с. 184–189].

Как часть единого культурного пространства неофициальные наименования заслуживают отдельного рассмотрения, которое будет предпринято в следующей главе.

Глава 3. Официальные и неофициальные урбанонимы: краткий экскурс в историю формирования и изучения

Городское пространство обживается тогда, когда оно размечается системой словесных обозначений, известных жителям города и закрепленных в узусе языкового коллектива. Они могут иметь официальный характер и утверждаться органами власти, а могут создаваться неофициально, возникая стихийно и постепенно закрепляясь в речи жителей.

В средневековый период существования городов, на дорегулярном этапе истории населенных пунктов — с начала появления первых городов и до конца XVIII — начала XIX века, — все урбанонимы создавались стихийно, то есть носили неофициальный характер. Они возникали в результате повседневной речевой практики горожан, придумывавших названия объектам, которые по каким-то причинам были значимы для жителей. Следует отметить, что для данного исторического периода была характерна широкая вариативность урбанонимов: один и тот же объект мог одновременно иметь сразу несколько параллельно употреблявшихся наименований. В исторических документах и на дореволюционных картах и планах мы можем наблюдать многочисленные примеры варьирования и непоследовательного употребления урбанонимов.

В середине и второй половине XIX века линейные объекты становятся основным градообразующим элементом пространства населенного пункта, поэтому начинается постепенное упорядочение системы урбанонимов, устранение существующей вариативности в наименовании улиц. Все это привело к возникновению официальной городской топонимии, создание которой регламентировалось постановлениями местных органов власти. Однако даже после нормализации урбанонимии неофициальные названия внутригородских объектов не прекратили свое существование, и во многих населенных пунктах сложилась параллельная система, функционирующая в повседневной речи жителей. Этот лексический слой вобрал в себя «народные» микротопонимы бывших поселений, поглощенных городом, старые названия, не нашедшие себе места на официальных картах, новые разговорные топонимы, возникшие в результате речевого творчества горожан. Массовые официальные переименования улиц и площадей в XX веке также приводили к тому, что в общении жителей продолжал употребляться прежний урбаноним, но уже в статусе неофициального. Наконец, городские микротопонимы могли стихийно создаваться для объектов, не имевших официального наименования, но тем не менее значимых для жителей и служащих своеобразными пространственными ориентирами. Таким образом, в настоящее время

неофициальная урбанонимия продолжает свое существование, она бытует в живой речи горожан в качестве параллельной системы номинаций и постоянно пополняется за счет стихийных речевых обозначений.

Для неофициальных урбанонимов в ономастике и лингвистике городской речи в настоящее время употребляется довольно значительный набор терминов. Большинство из них представляют собой описательные обороты, содержащие в качестве одного из элементов слова *неофициальные* или *народные* — *народные топонимы* [Ливинская, Матвеев, 2016], *народные урбанонимы* [Шляхова, 2012], *неофициальные годонимы* [Голикова, 2014], *неофициальные микротопонимы* [Свешникова, 2002], *неофициальные топонимы* [Борейко, Шпак, 2013; Бутеев, Сергеев, Сибиченков, 2012; Потанахина, 2008], *неофициальные урбанонимы* [Клименко, Рут, 2018; Николина, 2008 и др.], *сленговые собственные имена / сленгонимы* [Отин, 2009] и ряд других. Параллельно с ними используются однословные термины: *арготопонимы* [Грачев, 1997], *микротопонимы* [Дубровина, 2003; Липатов, Журавлев, 2009; Никитина, Рогалева, 2006], *микроурбонимы* [Широков, 1998], *микроурбанонимы* [Разумов, 2016а; Щербак, Грошев, 2017 и др.]. Несмотря на использования компонента *микро-* в некоторых терминах, речь идет не о размерах обозначаемых топо-реалий, а о степени узуализации и нормативности самого названия, что подчеркивается в определении: «неофициальное наименование внутригородского объекта, не зависящее от его размеров и имеющее устную форму употребления» [Широков, 1998, с. 71]. И. А. Королева, дает, с акцентом на узуализацию, более равернутое толкование: «Это некодифицированные номинации, которые являются устойчивыми для определенного периода функционирования языковыми единицами, существующими только в устной речи горожан, применяемые ими в определенных ситуациях речевой коммуникации» [Королёва, 2022, с. 88].

Степень устойчивости в применении неофициальных урбанонимов и широта известности некоторых из них позволяют говорить об особой разновидности — полуофициальных народных

названиях. В. С. Картавенко относит к ним названия, которые, «как и неофициальные, нигде не зафиксированы, но их знают все (в отличие от неофициальных, которые известны узким группам населения)» [Картавенко, 2019, с. 392]. Чаще всего они обозначают целые фрагменты территории, которые и представляют собой названия, существовавшие в речи жителей достаточно давно и дошедшие до настоящего времени. Например, в центре Екатеринбурга территория, прилегающая к плотине Городского пруда, которая некогда обслуживала екатеринбургский железоделательный завод, носит ласковое имя *Плотинка*. Одно из возвышенных мест города называется *Вознесенской горкой* по расположенному здесь *храму Вознесения Господня*. Полуофициальные названия могут использоваться не только в устной речи, но и с письменной — в текстах публицистического, делового и рекламного характера.

Неофициальные урбанонимы вошли в поле зрения лингвистов в связи с изучением языка города как особого направления исследований. Одной из первых работ, обращенных к неофициальным урбанонимам, стала статья С. А. Кочеренковой «Неофициальные наименования пространственных объектов Свердловска (способы номинации)» [Кочеренкова, 1990]. В 1990-е годы появились первые методические разработки по сбору и анализу микроурбанонимии, одна из наиболее удачных подготовлена Т. В. Шмелевой [См.: Язык города, 1990]. Последующие десятилетия были ознаменованы появлением большого круга исследований, посвященных неофициальной топонимии целого ряда городов нашей страны: Екатеринбурга [Клименко, Попова, 2012; Рут, 2012], Йошкар-Олы [Липатов, Журавлев, 2009], Москвы [Голикова, 2014], Новосибирска [Ливинская, Матвеев, 2016], Омска [Борейко, Шпак, 2013], Перми [Подюков, 2003; Шляхова, 2012], Пскова [Никитина, Рогалева, 2006], Санкт-Петербурга [Синдаловский, 2003], Саратова [Свешникова, 2002], Смоленска [Бутеев, Сергеев, Сибиченков, 2012], Тамбова [Дубровина, 2003], Уфы [Вахитов, 2004] и др. 2000-е годы отмечены созданием специальных словарей, описывающих микроурбанонимы отдельных населенных пунктов [Никитина, Рогалева, 2006; Бутеев, Никифорова, Сергеев, 2012; Клименко, Попова, 2012]. Неофициальные топонимы также

стали включаться в словари региональной лексики жаргонов [Вахитов, 2004; Липатов, Журавлев, 2009; Ливинская, Матвеев, 2016; Синдаловский, 2014].

Специалисты привлекают неофициальные урбанонимы к рассмотрению вопросов регионального варьирования языка и квалифицируют их как разновидность лексических регионализмов, или локализмов, благодаря которым транслируется региональная специфика культурного пространства города [Ерофеева, Юшкова, 2021; Магерарова, 2020, 2022; Матвеева, 2021]. Т. Г. Никитина пишет, что в народной топонимии «пересекаются и взаимодействуют эпохи, поколения, культуры и субкультуры, представители которых по-своему структурируют пространство в актах номинации и реноминации, реализуют свои ценностные приоритеты и воплощают социокультурно маркированные образные мотивы в новых именах топообъектов» [Никитина, 2018, с. 181]. Отмечается, что неофициальные названия так же, как и официальные, транслируют образ города, но представляют его в ином ракурсе: они отражают своеобразный, по определению И. А. Королевой, «коммуникативный бытовой ландшафт» [Королёва, 2022, с. 93].

Изучаются причины появления неофициальных урбанонимов. К ним, в частности, относят определенные события в истории города; наличие выдающегося, значимого или приметного объекта на территории; фонетическое сходство с официальным именем; метафорические или метонимические ассоциации, структурно-семантическое упрощение официального названия и некоторые другие [Голикова, 2014, с. 34]. Особое значение, как полагают исследователи, имеет прагматический аспект речевого творчества: появление неофициальных урбанонимов, пишет Т. А. Зуева, «обусловлено “здоровой” эмоционально-экспрессивно-оценочной реакцией горожан на официальные наименования городских объектов, которые в силу их “заидеологизированности” часто являются слишком длинными и безликими, поэтому вызывают “отторжение” в языковом сознании современных носителей языка <...>, желание противопоставить общепринятому стандарту “живое”, креативное имя» [Зуева, 2014, с. 155].

Обращаясь к особенностям создания неофициальной урбанонимии, лингвисты усматривают общее влияние на эти процессы разговорной речи с ее стремлением к экономии языковых средств и сокращению многокомпонентных конструкций [Квашнина, 2009, с. 147; Никитина, 2018, с. 181; Шарипова, 2012, с. 206], актуализацию просторечия, сленга, молодежных жаргонов [Васильева, 2011; Отин, 2009; Шарипова, 2010, 2012], включение механизмов языковой игры [Голикова, 2014, Клименко, Рут, 2018], привлечение прецедентных знаков [Зуева, 2014; Разумов, 2011]⁹.

Охарактеризуем кратко социокультурную специфику неофициальной урбанонимии и задачи, которые она решает:

- заполнение возможных лакун в системе локальных обозначений;
- преобразование длинных названий в удобную для произнесения форму;
- достижение речевой яркости за счет метафоризации, пересмысления, языковой игры в топонимическом обозначении;
- передача эмоционально-оценочного отношения к называемым объектам;
- маркирование принадлежности к кругу «своих» — носителей знания о неофициальном названии.

В отличие от урбанонимии официальной неофициальная обладает ограниченным функционально-коммуникативным диапазоном. Она не закрывает собой все топонимическое пространство города, не может применяться в правовой, административно-управленческой, научной сферах коммуникации, бытует исключительно в устной форме и потому не упорядочена и склонна к изменениям, разрушению, забвению, наконец, нередко она бывает известна лишь

⁹ Неофициальная урбанонимия — подвижный и постоянно обновляемый пласт городской лексики, и потому она чрезвычайно привлекательна для всех, кто обращается к проблематике языковой культуры города. Однако следует отметить, что ученые в основном изучают неофициальные названия относительно крупных городов, политических и экономических центров какого-либо региона. Работы, основанные на анализе языкового материала малых городов или микроурбанонимов нескольких населенных пунктов, достаточно редки [См., например: Клубков, Лурье, 2003; Николина, 2008; Потанахина, 2008; Разумов, 2016a].

ограниченной части населения и совсем закрыта для применения сторонней публикой и приезжими.

Неофициальные урбанонимы участвуют в формировании «многомерного и многофункционального топонимического пространства города» [Никитина, 2018, с. 181] и являются органичным компонентом урбанонимического ландшафта. Отсюда проистекает актуальность рассмотрения неофициальной урбанонимии в ее соотносительности с живой разговорной городской речью и ценностными ориентирами повседневной жизни, которые разделяются населением.

Глава 4. Неофициальные урбанонимы как часть языка и культуры города

Народные топонимы по-своему «размечают» городское пространство и в определенных коммуникативных обстоятельствах дополняют или заменяют официальные названия. Опыт изучения неофициальной урбанонимии Екатеринбурга убеждает, что таким названием может обзавестись любой топографический объект. Тем не менее есть и некоторые закономерности в выборе объектов денотации, которые далее мы покажем на екатеринбургском материале.

Чаще всего под стихийную народную номинацию попадают целые участки городской территории: районы, микрорайоны и фрагменты местности. Некоторые из них имеют официальные названия, но параллельные народные хоронимы реализуют прагматические мотивы и передают отношение жителей к уже названному. Например, нормативное название микрорайона *Ботанический* обретает неофициального «двойника» — хороним *Ботаника* с эмоциональными, фамильярными коннотациями. Микрорайоны *Уралмаш*, *Вторчермет* (чьи имена обязаны своим появлением названиям расположенных в их пределах заводов) получают народные эмоционально окрашенные наименования *Урик* и *Вторчик*. Аналогичным образом — от нейтрального обозначения к эмоционально и оценочно коннотированному — складывается судьба и других

параллельных хоронимов. Часть из них содержит стилистические коннотации разговорности, сниженности, но при этом несет значения уменьшительности и даже ласкательности (см. *Жебайка* от названия микрорайона *ЖБИ*, по заводу железобетонных изделий). Другие носят очевидный грубый характер и обладают негативными, презрительными и уничижительными оттенками (см. *Сортировка* от названия микрорайона *Сортировка*, официально названного по одноименной железнодорожной станции).

Однако весьма показательными для локальной народной топонимии являются хоронимы, которые называют участки городской территории, не имеющие ни четких границ, ни административных обозначений. Эти денотаты выделены самими жителями в обиходной речи в силу их какой-либо значимости и включения в повседневную жизнь местного сообщества. Так, например, отдаленная от основной жилой застройки территория рядом с Верх-Исетским прудом — излюбленное место ценителей диких пляжей и купания — получила название *Куба*. Экспрессивное наименование было настолько популярно (как и место), что перекочевало на вывеску современного комфортного досугового спортивного и спа-комплекса *Cuba-Cuba*, организованного на той же территории. Аналогичным образом неофициальное название одного из кварталов в центре города *Африка* (по одному из предположений, от формы на плане города — пятиугольный квартал с широкой северной стороной, сужающийся к югу) долгое время держалось на вывеске как название компьютерного клуба¹⁰. Народное название *У вертолета* прочно закрепилось за площадкой, где был когда-то установлен настоящий вертолет, а от него было перенесено на название авторынка «У Вертолета» и на близлежащие окрестности. Горожане не всегда знают названия улиц, которые проходят рядом, но имеют устойчивые общие представления о местности *У вертолета*. И, несмотря на то, что сам вертолет еще в 2007 году был вывезен за пределы Екатеринбурга, горожане продолжают устойчиво применять прежние названия.

¹⁰ До сих пор (09.09.2023) сохраняется на картах «Яндекса» как указание к адресу: Мельковская, 3, хотя и с пометой «больше не работает».

Отдельные здания и сооружения также нередко пробуждают народную номинативную фантазию. Причинами становятся как приметы внешнего облика объектов, так и социальные факторы, способствующие их различению. Например, оригинальное высотное здание, построенное по проекту британского архитектурного бюро Нормана Фостера для штаб-квартиры «Русской медной компании», облицованное листами меди в виде ромбовидных выступов, почти сразу получило у местных архитекторов прозвище «Ананас». Из профессиональной среды прозвище переместилось в речь журналистов, блогеров, экскурсоводов, а далее стало популярным у городской публики. За характерную форму купола здание Дворца игровых видов спорта получило стилистически сниженное прозвище *Титька*.

Название *Дворянское гнездо* прочно закрепилось в советское время за несколькими зданиями, которые предназначались для руководящих партийных и хозяйственных работников. Построенные в разных районах, такие дома имели некоторые общие качества — хорошее местоположение, нетиповую архитектуру, улучшенную планировку и т. д., и потому ироничные народные прозвания весьма тонко подмечали привилегированное положение их жильцов в обществе провозглашенного социального равенства.

Еще одной группой реалий, традиционно популярных для неофициальных именований, являются памятники, скульптуры и малые архитектурные формы. Внешний вид таких произведений сам по себе рассчитан на эмоциональное восприятие, на пробуждение воображения и оценочный отклик зрительской аудитории, поэтому не удивительно, что, в случае неприятия, художественные и декоративные формы могут становиться мишенью для комических трактовок и шутливых или саркастических номинаций. Так, в 1985 году в центре Екатеринбурга у входа в Исторический сквер были установлены две скульптуры в виде стилизованных фрагментов порванной цепи. Фигуры имели соответствующее название — «Разорванные цепи пролетариата». Но местной публике изображения пришлось не по вкусу, и остроловы быстро сочинили для них хлесткие прозвания *Фиги* и *Народ завязал* (с намеком на антиалкогольную кампанию тех лет).

Не повезло в отношении комических характеристик и памятнику А. С. Пушкину, установленному в Литературном квартале Екатеринбурга. Поэта, изображенного в длинной ниспадающей одежде, называют то *Пушкиным в ночнушке*, то *Пушкиным на скейтборде*, то *Каратистом*.

В просторечии памятник Я. М. Свердлову, в честь которого город в советское время был назван Свердловском, фамильярно именуют *Яшкой*, трехфигурный монумент воинам-спортсменам — *Горынычем*, памятник основателям города В. Н. Татищеву и В. И. де Геннину — *Болванами*, а декоративные каменные шары перед парадным входом в здание городской администрации — *Яйцами*. Подобных примеров немало, и они продолжают появляться. Так, современный ленд-арт-объект на набережной реки Исети, созданный при спонсорском участии одной из девелоперских компаний, — «Клавиатура» — уже приобрел второе название *Клава* и обрывает своими традициями и ритуалами: ежегодно здесь проводятся День сисадмина, состязания по киданию на дальность нерабочих компьютерных мышей и прочие тематические развлечения¹¹.

Улицы, переулки, бульвары также могут приобрести свое второе, неофициальное, название, если, например, официальное название слишком длинное или неудобное в произношении, либо говорящим хочется его превратить в опрощенное и неформальное: *Белка* — ул. Белореченская, *Восточка* — ул. Восточная, *Карлуша* — ул. Карла Либкнехта, *Лунка* — ул. Луначарского, *Пехота* — ул. Пехотинцев, *Посад* — ул. Посадская, *Сакушка* — ул. Сакко и Ванцетти, *Сулимка* — ул. Сулимова, *Фреза* — ул. Фрезировщиков, *Чапайка* — ул. Чапаева и под. В других случаях в народных годонимах подчеркиваются особые качества объекта: см. иронично-пафосное *Бeverли-Виз* для протяженного Верх-Исетского бульвара.

Но неофициальный годоним может отражать определенный сюжет из жизни города. Для Свердловска 60-х годов прошлого столетия таким, например, был приезд легендарного кубинского

¹¹ В Екатеринбурге пройдет чемпионат по метанию мышей. URL: <https://ura.news/news/1052180822> (дата обращения: 09.09.2023).

лидера Фиделя Кастро. К его двухдневному визиту до аэропорта был построен новый участок дороги, которую за ровное покрытие водители окрестили *Фиделевской* и *Фиделькой*. А сделанную 40 лет спустя к тому же аэропорту удобную автостраду с официальным названием «Кольцовский тракт» народ поименовал *Россельбаном*, соединив в этом обозначении фамилию губернатора Э.Э. Росселя, курировавшего строительство, и немецкое слово «автобан» для многополосных скоростных шоссе-ных дорог.

Из объектов, сравнительно редко получающих народное название, можно отметить уличные перекрестки. В Екатеринбурге известны, в частности, *УКМ* — сокращение от слов «угол Комсомольской и Малышева» и образованное аналогичным образом название *УБГ* — «угол Блюхера — Гагарина», *Пять углов* — пересечение улиц Калинина, 40 лет Октября и проспекта Орджоникидзе. В последнем случае стоит пояснить, что пересечение трех улиц в реальности образует шесть углов, так что народное название передает скорее символическое, а не реальное число, по-видимому, это аналогия с устойчивыми выражениями «пятый угол», «пятое колесо в телеге» и пр.

Народная урбанонимия надолго сохраняет память о реалиях городской жизни. Например, построенная в тридцатых годах на площади Уралмаша гостиница получила неофициальное название *Марид*. Его мотивировка отсылает к изначальным планам разместить в здании испанских детей, эвакуированных из охваченной гражданской войной страны, — о возможном размещении сообщал приветственный плакат над входом. И хотя планам этим не суждено было осуществиться, они произвели настолько сильное впечатление на уралмашевцев, что название по сей день живет и применяется в отношении здания, увы, уже утратившего свою прежнюю красоту и эксплуатационные качества. *Немецкими домами* до сих пор старожилы называют здания, расположенные в разных частях города, но объединенных тем, что в их строительстве после Великой Отечественной войны в 1945–1955 годах принимали участие немецкие военнопленные.

Примечательно, что со временем народные названия могут, хотя и редко, переходить в разряд официальных обозначений. Напри-

мер, в районе завода «Уралмаш» в тридцатых годах была построена новаторская по своей конструкции водонапорная башня. Из-за покрашенной в белый цвет поверхности жители почти сразу же стали называть ее *Белой башней* [Скоробов, 2001], а в настоящее время сооружение, признанное памятником конструктивизма, носит это название уже официально.

Похожим образом, возведенный в начале тридцатых годов Жилищный комбинат НКВД назывался в народе *Городок чекистов*, в семидесятых годах он получил статус памятника архитектуры под обозначением «Комплекс зданий “Городок чекиста”»¹², что почти совпало с неофициальным урбанонимом.

Впрочем, есть как минимум еще один путь «официализации» народного названия — введение его в «коммерческий» обиход как объекта правовой защиты: Визовский рынок¹³, на котором традиционно продавали сельскохозяйственных и домашних животных и птиц, естественно, в народе назывался *Птичий рынок*, сейчас же это название отражается в документах, рекламных материалах и попало на логотип организации. Так народные названия вписываются в более официальный язык в том или ином правовом статусе.

Многие свойства неофициальной урбанонимии обусловлены условиями ее появления и функционирования. В частности, из-за того, что неофициальные названия «вырастают» стихийно в речи языкового сообщества, для них весьма характерно наличие вариативных форм, см.: улица Якова Свердлова в народе называется *Яковка* и *Яшка*; улица Черепанова — *Черепашка*, *Черепушка*, *Череп*; улица Розы Люксембург — *Розочка*, *Розетка*, Ботанический микрорайон — *Ботаника*, *Ботаника-сити*; Пионерский микрорайон — *Пио*, *Пионерка*, *Пинек*, *Пэпэ*, *Пионерский поселок*.

¹² Постановление Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624 о дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

¹³ Список абонентов Свердловской городской телефонной сети. 1974 год. Свердловск, 1974. С. 135. Как и современное официальное название *Верх-Исетский рынок*, оба официальных названия — дескрипции от названия жилого района Верх-Исетский.

Коллективный характер словотворчества закономерно влечет за собой полиименность — появление нескольких названий, основанных на разных мотивировочных признаках. Например, здания Уральского компрессорного завода имеют народные названия *Комприк* и *Компрессор*; серое семиэтажное здание Дома промышленности, построенное в форме каре, — *Осиное гнездо* и *Пентагон*; памятник основателям Екатеринбурга Г. В. де Геннину и В. Н. Татищеву — *Болваны*, *Тату*, *Бивис* и *Баттхед*; памятник В. И. Ленину на площади 1905 года — *Вовка Каменный*¹⁴, *Лена*.

Отметим также, что время функционирования неофициальных названий городских объектов может быть как достаточно длительным, так и весьма скоротечным. Со сменой поколений, с изменением экономических отношений одни неофициальные урбанонимы исчезают, другие приходят им на смену. Например, бывший Свердловский завод электроавтоматики на улице Малышева, эвакуированный на территорию Свердловской макаронной фабрики во время Великой Отечественной войны, старшее поколение называло *Макаронкой*. Люди, которые работали на заводе в 70–90-е годы XX столетия, называли его *Электроавтоматика*, сокращая вариант названия объекта для простоты общения и запоминания. Именование *Макаронка* было забыто, так как пришло другое поколение, выбравшее другие ориентиры.

Но объект может сохранить и старое, и новое неофициальное имя. Например, фонтан с официальным названием «Машина времени», открытый на улице Вайнера, почти сразу получил народное название *Кракен* из-за сходства с огромным осьминогом Кракеном из фильма «Пираты Карибского моря». Через некоторое время этот же фонтан стали именовать *Оргазм физика-атомищика*, так

¹⁴ Название, возможно, содержит аллюзию на другой, более старый неофициальный монументоним — *Ванька Голый*. Дело в том, что с 1920 по 1926 год на той же площади был расположен созданный скульптором Степаном Эрзеем памятник «Освобожденному труду» в виде семиметровой обнаженной мужской фигуры. Вокруг скульптуры с момента ее открытия возник скандальный резонанс, и шокированные наготой пролетария горожане обозвали фигуру Ванькой Голым. В 1926 году монумент убрали, однако судьба его была непростой, и дальнейшие его «скитания» породили многочисленные местные байки и легенды.

как в нем просматриваются лента Мёбиуса, модель атома и одновременно взрыв. В результате в языке горожан закрепились два неофициальных названия.

Неофициальные урбанонимы обладают разным коммуникативным диапазоном. Одни из них не выходят за пределы дворового общения и применяются в речи локальных микрогрупп — жителей одной улицы, дома, группы домов. Например, *Краска* (двор дома № 25 по улице Сыромолотова), *Фашисты* (двор большого углового дома № 13 на улице Восточной), *Линейка* (местность в районе студенческого городка Лесотехнического университета на Сибирском тракте), *Голубые скамейки* (местность на перекрестке улиц Первомайской-Пушкина), *BSB (Blue Stones Brothers — Братство Синих камней — микрорайон Синие Камни)*, *Деревня* (местность с домами старой постройки на улице Луганской), *Каменка* (местность за культурно-оздоровительным спортивным комплексом «Россия» в микрорайоне ЖБИ), *Болото* (местность на Эльмаше, ограниченная улицами Таганской, Фрезировщиков, Даурской, Каширской), *Байкал* (двор дома № 25 по улице Сыромолотова), *Песочница* (двор домов № 13 и 17 на улице Толмачева), *Рупор* (двор дома № 40 на улице Байкальской), *Сальвадор* (двор дома № 22 на улице Красноуральской), *Афган* (двор домов № 55, 57 на улице Таганской), *Аквапарк* (двор дома № 23 на улице Сыромолотова).

Другие неофициальные урбанонимы известны и применяются прежде всего в речи отдельных социальных групп. Так, именно студенческая молодежь в первую очередь знает и использует названия *Сапог* и *У Сапога* (в форме с предлогом подразумевается название как обозначение места встречи). Сейчас названия относятся к памятнику С. М. Кирову и месту возле него¹⁵. Вообще следует

¹⁵ В судьбе этого урбанонима произошел своеобразный перенос с одного объекта на другой. Первоначально *Сапог* и *У сапога* относились к памятнику Серго Орджоникидзе, установленному в вестибюле главного здания Уральского политехнического института (сейчас это главный корпус здания Уральского федерального университета). Композиционно памятник представлял собой ростовую скульптуру политического деятеля, одна нога фигуры в сапогах была немного вынесена вперед, таким образом, обозначение места возникло на метонимическом переносе с части на целое. Затем этот памятник был убран, но название перешло

подчеркнуть особую активность молодых людей — школьников, студентов, рабочей молодежи — в создании неофициальных урбанонимов, заметную часть которых составляют названия учебных заведений и промышленных производственных объектов: *Девятка*, *Десятка* — названия широко известных гимназий, *Лестех/Лесик* (лесотехнический университет); *Универ* (Уральский государственный университет имени А. М. Горького¹⁶), *Железка* (железнодорожный университет, Уральский государственный университет путей сообщения); *Консерва* (Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского), *Чайник* (Музыкальное училище имени П. И. Чайковского), *Шахта* (Школа архитектурно-художественного творчества), *Почтовый ящик*, *Три тройки*, *Трояки* (Уральский электромеханический завод), *Пэсик* (завод «Пневмостроймашина»), *Резина* (Уральский завод резинотехнических изделий).

Наиболее частотны в речевой практике и широко известны жителям неофициальные названия районов и микрорайонов. Они представляют собой упрощенные, удобные для произнесения и одновременно коннотированные обозначения, которые по-своему «одомашнивают» образ места, придавая ему эмоциональную окраску. Сокращенное *Автик* (микрорайон Южного автовокзала) звучит почти нежно, *Академ* (от названия микрорайона Академический) приобретает оттенок свойскости, переименованное *Светка* (от названия жилого района Светлый) намекает своей фамильярностью на приятельское отношение.

Хорошо известны горожанам и некоторые неофициальные монументонимы, например названия *Варежка* и *Под варежкой*, относящиеся к памятнику воинам Уральского добровольческого танкового корпуса. Памятник установлен у здания вокзала и состоит из двух фигур — молодого танкиста и старого рабочего, который, направляя юношу на защиту Родины, указующим жестом протя-

на территорию рядом с другим памятником — установленном уже перед зданием изображением С. М. Кирова.

¹⁶ В настоящее время вошел в состав Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина.

гивает вперед руку в рабочей рукавице, что и дало мотивацию для создания неофициального названия.

Наибольшую же известность в Екатеринбурге имеет народное название *Плотинка*, которое обобщенно обозначает исторически центр города с плотиной Городского пруда и близлежащей территорией. Строго говоря, *Плотинка* соотносилась прежде всего с плотиной, но, как нередко бывает с неофициальными урбанонимами, название обобщенно стало охватывать более широкое пространство, включив в него и весь комплекс Исторического сквера, разбитого по обеим сторонам от гидротехнического сооружения. *Плотинка* — место встреч и прогулок, место городских праздников и досуговых развлечений. Здесь сохранились реликты старинной заводской архитектуры и неподалеку есть ряд музеев — изобразительных искусств, промышленности, архитектуры, природы Урала; есть фонтаны, встроенные в акваторию реки Исети, есть интересные художественные артефакты и «сад» природных уральских камней, наконец, есть многочисленные видовые точки для визуальных впечатлений. Плотинка — одна из визитных карточек города и прекрасный ориентир, не случайно даже туристы, имеющие кратковременный опыт знакомства с Екатеринбургом, быстро узнают о ней и начинают употреблять популярный екатеринбургский локализм.

Главная стихия для функционирования народных урбанонимов — это, конечно же, повседневное обиходно-бытовое общение и та часть городской речевой культуры, которая сопровождает взаимодействие говорящего с его родными, близкими, друзьями, соседями, сослуживцами, обладающими аналогичным знанием и опытом различения местных пространственных реалий. Это всегда ситуации неформального разговора на «сокращенной коммуникативно-речевой дистанции» [Ефанова, 2011, с. 11]. Однако расширение интернет-общения и бурное развитие нью-медиа, а особенно социальных сетей, дающих возможность участвовать в производстве контента всем желающим, в том числе и непрофессионалам, открыло простор для обмена информацией и распространения неформальных названий уже по новому каналу коммуникации. Народные названия вовлекаются в тексты журналистов и блогеров, участников городских

форумов и обсуждений в чатах. Таким образом, письменное межличностное и групповое общение в Интернете становится новым полем для формирования и распространения неофициальных урбанонимов.

Как и в формах городского фольклора, в народной урбанонимии являет себя креативная речевая деятельность с ее прагматическими установками на выражение экспрессии¹⁷. Используемые при коммуникации эмоциональные оценки, отнесенные к именуемым городским объектам, втягивают в процесс языковой игры и номинатора, и адресата. Ср. следующий диалог, из полевых записей Е. Н. Клименко:

1-й: Далеко собрались? В такую-то рань в субботу...

2-й: На *Китайский рынок* (речь идет о вещевом рынке «Таганский Ряд»). Сыну кроссовки надо, жене — туфли.

1-й: У-у, *Дольче тагана* не лучшее место для покупки обуви...

Оба собеседника включаются в языковую игру: говоря об одном и том же месте, именуют его по-разному, демонстрируя друг другу свою информированность в плане неофициальных названий, подчеркивая свойства именуемого объекта и давая ему экспрессивные характеристики: оценочное *Дольче тагана* переиначивает в юмористическом ключе официальное название официального названия рынка в соединении со всемирно известным модным брендом.

В данном случае не особенно важно, насколько узуализированы данные названия, они вполне могут оказаться окказионализмами или иметь достаточно короткий срок активного функционирования, вытесненные другими неофициальными именованиями того же

¹⁷ Но примечательно, что сходство в восприятии некоторых характеристик пространственных реалий приводит к образованию типовых или сходных наименований в городах разной географической привязки. Так, распространенные в застройке 70-х годов прошлого века типовые длинные дома повсеместно получали название *Китайской стены*, а появившиеся примерно в то же время — в 60–70-х годах — магазины с большими панорамными стеклами — *Стекляшки*, *Стекланные гастрономы*. Во многих городах найдется ироничное имя *Белый дом* для зданий, занятых органами власти, *Арбат* и *Бродвей* — для прогулочных, пешеходных улиц, уничижительное *Гетто* (варианты *Негритянское гетто*, *Бетонное гетто*) — для мест с уплотненной и часто уже ветхой застройки, и *Чайнатаун* — для мест проживания китайской диаспоры.

места. Этот языковой материал часто отмечен печатью новизны, повышающей его выразительность.

Можно утверждать, что неофициальные урбанонимы придают городскому пространству особый колорит «освоенности», неповторимого своеобразия. В каких-то случаях они даже становятся мотиваторами для официальных названий городских кафе, ресторанов, магазинов, досуговых площадок и т. п. Вместе с тем к такого рода ономастическому креативу следует подходить с осторожностью, поскольку неофициальные названия часто созданы в рамках сниженного стилового регистра языка.

Подводя итоги рассмотрения локального языкового материала, следует подчеркнуть, что микроурбанонимы составляют особый страт в языковой культуре города. Значительно уступая официальным названиям в количественном отношении, они тем не менее могут быть репрезентантами различных социокультурных явлений в языковой и речевой действительности. Как произведения коллективного номинативного творчества горожан, они транслируют аксиологическое восприятие реалий, основанное на практическом жизненном опыте освоения городского пространства. Этот опыт, будучи преобразованным в номинативную деятельность, обуславливает и рациональную экономию речевых усилий, и оценочно-эмоциональное отношение к свойствам называемого, и стремление к «одомашниванию» и своего рода присвоению названий для собственного использования.

Портрет города, который рисуют неофициальные урбанонимы, имеет неформальный и непарадный характер. В некоторых чертах он наполнен комическими и грубоватыми образами, в некоторых — располагающими к себе и симпатичными. В этой общей урбанонимической картине объединяется и речетворчество разных по месту жительства и социодемографическим параметрам сообществ, и средовая роль всего городского социума как языкового коллектива, стихийно формирующего свою регионально специфичную лексику.

Раздел 2

УРБАНОНИМЫ И ТРАНСЛЯЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Глава 1. Территориальная идентичность: содержание понятия и особенности его применения в урбанонимике

Понятие идентичности в целом и территориальной идентичности в частности активно разрабатывается в последние годы в различных областях гуманитарного знания. Зародившись изначально в психологии в трудах Э.Эриксона, этот термин получил свое развитие в социологической науке, культурной географии, философии, антропологии, культурологии, лингвистике и ряде других наук. С психологической точки зрения идентичность трактуется как свойство психики человека, а в качестве отличительных особенностей этого феномена подчеркиваются «сознательное чувство уникальности индивида», «бессознательное стремление к непрерывности жизненного опыта», «солидаризация с идеалами группы» [Эриксон, 1996, с. 218].

В социологии идентичность определяется прежде всего через соотнесенность индивида с теми или иными социальными группами в контексте социального взаимодействия. Для идентичности территориальной важную роль играет система межличностных и эмоциональных связей с определенным местом, поддержание социального порядка на этой территории, а также формирование социокультурных стереотипов, «определяющих общий склад сознания жителей данного региона, их базовые жизненные ценности, мотивации, способы восприятия действительности» [Корепанов, 2009, с. 43–44]. Таким образом, в социологии территориальная идентичность — это

«переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы, локальной общности, формирующие “практическое чувство” (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы» [Корепанов, 2009, с. 43–44].

В культурной географии, а нередко и в политических науках трактовка территориальной идентичности осуществляется через привязку к определенному месту (региону, населенному пункту, городскому району и т. д.), «его пространственным характеристикам, чаще всего природным» [Jordan, 2012, с. 125]. Как подчеркивает И. Окунев, «территориальная идентичность основывается на свойствах территории, в рамках которой она формируется. Например, горские элементы будут у жителей гор, а приморские — у жителей на берегу морей. Хотя любая идентичность конструируется на индивидуальном уровне, территориальная утверждается именно через социальную деятельность как коллективная. Такая идентичность вытекает из представлений об общности людей, проживающих на единой территории, которых объединяют свойства данной территории. Связи с единым местом проживания формируют общие интересы, что сплачивает группу» [Окунев, 2018, с. 20].

Еще один важный слой территориальной идентичности — культурный — плотно взаимодействует с предыдущими двумя аспектами: социальным и пространственным. Исследователь Австрийской академии наук П. Джордан, опираясь на работы других ученых-географов, отмечает, что «культура определенной группы <...> отражается в пространстве, формирует пространство, создавая культурный ландшафт; вмещает в себя идентичность через культурный ландшафт» [Jordan, 2012, с. 117]. П. Джордан также подчеркивает, что «в известной степени, каждый ландшафт рассказывает историю о культуре, которой он образован. Когда проанализированы исторические слои ландшафта, можно проследить и темпоральную последовательность культур» [Ibid.]. Далее, уже в обратном направлении, специфика места влияет на самоидентификацию его жителей: «местность, в которой человек родился и в которой прошла его социализация либо с которой он познакомился и стал близок позже в своей жизни, обычно бессознательно “считывается” (включая ее

символический код) и напоминает индивиду день за днем о его/ее культурной идентичности и передается из поколения в поколение» [Ibid., p. 124], формируя коллективное сознание. Таким образом, синонимами понятия *идентичность* являются *самобытность*, *местное своеобразие*, *уникальность* и т. п.

С философской точки зрения емкое определение территориальной (региональной) идентичности было предложено Е. В. Головневой: это «сложное, комплексное, многоуровневое явление, складывающееся в процессе взаимодействия регионального сообщества и его членов с определенной территорией их проживания и формирующегося под воздействием политического, экономического, исторического и социокультурного факторов» [Головнева, 2018, с. 12].

Таким образом, принимая во внимание опыт разработки понятия территориальной идентичности в разных гуманитарных и социальных науках, имеет смысл выделить следующие основные характеристики этого явления: 1) связь с группой (локальным/региональным сообществом), то есть принятие индивидом ценностей, обычаев, норм, привычек, традиций, моделей поведения, выработанных сообществом; 2) связь с местом: личностное отношение человека к месту, понимание его особенностей, определение границ территории, которые не всегда соответствуют официальному административно-территориальному делению, участие в ее развитии и т. д.; 3) связь с культурой в широком смысле: система культурных отношений, ассоциируемых с определенной территорией и сообществом, проживающим на ней. Все эти компоненты теснейшим образом взаимосвязаны, причем объединяющим началом служат уникальный характер места, ценности, эмоционально-чувственные и когнитивные аспекты, а также пространственная и временная идентификация.

В гуманитарных науках наряду с термином *территориальная идентичность* нередко используются и такие понятия, как *региональная* и *локальная идентичность*¹. По сути, их объединяют родо-

¹ В целом, с точки зрения масштаба явления, как правило, выделяются локальный, региональный и национальный уровни идентичности.

видовые отношения, и первый из терминов является обобщающим для двух других, хотя в ряде контекстов они могут использоваться как синонимы. Стоит отметить, что региональная идентичность, как правило, подразумевает привязку к более-менее крупному субъекту административно-территориального деления (области, краю, району) или даже к более масштабному территориальному образованию, выделяемому на основании его природно-географических особенностей (например, Урал, Сибирь и т. п.). Термин *локальная идентичность* применим к территориям небольшого масштаба: большим и малым городам, поселкам, селам, деревням, а также к районам и микрорайонам в составе крупных городов (например, *район Академический, микрорайоны Уралмаш, Вторчермет, ВИЗ* в Екатеринбурге).

В ономастической науке внимание к вопросу территориальной идентичности не ослабевает с начала 2000-х гг., а в последнее время только усиливается. В урбанонимической перспективе понятие идентичности интерпретируется как «взаимоотношения людей и места, территориальная самоидентификация жителей города» [Голомидова, Дмитриева, 2023, с. 148–149]. Эти взаимоотношения находят воплощение в городских названиях, а «городская топонимика закономерно включена в осознание городской идентичности как уникальности территории и самого городского сообщества» [Кузнецова, Петрулевич, 2021, с. 76].

Ономастические исследования территориальной идентичности проводятся в нескольких измерениях. Во-первых, региональная идентичность нередко пересекается с этнической. Поэтому большой пласт ономастических исследований охватывает вопросы трансляции этнической самобытности через городские названия. В таких случаях, как правило, привлекается урбанонимический материал городов и регионов, характеризующихся полиэтничностью и полилингвизмом [Анарбекова, 2015; Голомидова, 2022а; Мезенко, 2022; Молдашова, 2015; Национальная идентичность..., 2016; Самтакова, 2015; Тхакахов, 2017, 2018, 2019а, 2019б; Alasli, 2019; Tóth, 2021; Bugheşiu, Goryaev, 2020; Golomidova, 2021].

Многие исследователи (причем не только лингвисты) отмечают роль топонимов в целом и урбанонимов в частности в концептуа-

лизации пространства² [Березович, 1998; Головнева, 2018; Голомидова, 2022а; Ильина, Кабуков, 2019; Карлова, 2015; Сьянова, 2007; Терентьев, 2016; Щербак, 2018; Jordan, 2012; Reszegi, 2022], то есть в маркировании топографических объектов и формировании некой «ментальной карты». Эта особенность географических названий обусловлена их идентифицирующей функцией, присущей вообще всем собственным именам. В этом отношении П. Джордан приводит в качестве примеров топонимию хорватского региона Далмация и австрийской исторической области Зальцкаммергут — территорий, которые ранее были частью административного деления государств, а затем утратили такой статус и сейчас не являются «ни административными, ни функциональными, ни природными образованиями»³ [Jordan, 2012, p. 126]. Тем не менее сами пространственные концепты и соответствующие им имена остались в общественном сознании, что способствует передаче образа или «духа места», его *genius loci*⁴, причем места как реально существующего, так и уже утраченного или даже вымышленного. Подобные названия активно используются в научной и популярной литературе, в публицистике и в маркетинговых целях в контексте обсуждения брендинга мест.

«Концептуально-пространственное» направление научной мысли перекликается с диахроническим аспектом исследований урбанонимов как трансляторов местного своеобразия. Он подразумевает анализ исторических изменений в региональной и локальной идентичности [Голомидова, 2023; Bitušíková, 2022; David, Mácha,

² С точки зрения дискурсивных исследований, идентичность, в свою очередь, также может рассматриваться как концепт, «конструируемый в медиадискурсе с помощью социально и исторически детерминированного механизма производства истины» [Астахова, 2020, с. 121].

³ В России аналогами таких мест, сохранившихся в культурной памяти населения, могут быть, например, град Китеж, ушедший под воду, по преданию; или знаменитый Аркаим в Челябинской области, относящийся к синташтинской культуре XX/XVIII–XVIII/XVI вв. до н. э.

⁴ См., например, работы Ю. М. Лотмана и В. Н. Топорова о семиотике Петербурга, где город представлен как отдельный объект переживаний [Лотман, 1984; Топоров, 1984].

2014; Identity through Urban..., 2011; Tucci, Ronza, Giordano, 2011]. В этом случае текстовое и семиотическое пространство города рассматривается как палимпсест — наложение историко-культурных элементов и кодов [Басик, 2018б; Исаченко, 2017; Митин, 2022; Drozdowski, 2014].

Передача территориального своеобразия с помощью урбанонимов широко изучается в русле маркетинга мест и продвижения территорий, где идентичность понимается как одна из основ геобрендинга [Евстифеев, 2018]. Так, по словам И.И. Митина, «выявление, объяснение, обоснование и продвижение (позиционирование) определенных уникальных для места характеристик с позиций маркетинга» находится в центре внимания брендинга мест [Митин, 2012, с. 135].

В топонимике региональная идентичность также нередко рассматривается через идею брендинга территории. Подобные исследования описывают перечень возможных мер по актуализации идеи региональной идентичности во вновь создаваемых собственных именах разных разрядов, прежде всего в коммерческих онимах и эргонимах [Воробьев, Голубовская, Еремина, 2014; Замалетдинова, 2016; Купина, Михайлова, 2005; Михайлова, 2008; Овсянникова, 2016; Ринчинова, 2008; Сафонова, Ермаковская, 2019; Усачева, Цибаева, 2021; Фельдт, Егорова, 2018]. Кроме того, некоторые работы посвящены вопросу привлечения урбанонимов в качестве инструментов повышения туристической привлекательности города или региона [Кузнецова, 2021]. Другое направление лингвопрагматических исследований затрагивает вопросы искусственной номинации и урбанонимической политики. В этой связи городские названия рассматриваются как инструменты формирования региональной идентичности через призму топонимической политики, трансляцию идеологических и политических установок [Галактионова, 2016; Голомидова, 2022б; и др.].

В целом проблема репрезентации территориальной идентичности в урбанонимии весьма масштабна. Одна из возможных перспектив ее дальнейшего изучения охватывает анализ различных граней и компонентов региональной идентичности и построение моделей

ее актуализации в урбанонимии. Другой аспект подразумевает привлечение нового урбанонимического материала и его сравнительный анализ. В рамках нашего текущего рассуждения представляется важным сосредоточиться на методологических аспектах изучения территориальной идентичности в урбанонимическом измерении и предложить детальную модель ее репрезентации.

Поскольку территориальная идентичность — явление многомерное, а урбанонимы как таковые невозможно рассматривать без отрыва от семиотики городского пространства, их исследование требует применения комплексного методологического подхода.

Прежде всего при анализе урбанонимического материала, особенно в крупных населенных пунктах, исследователь имеет дело с большим корпусом имен собственных, который требует структурирования и отбора онимических единиц с релевантной семантикой, отражающей те или иные аспекты региональной идентичности. Необходима также классификация выявленных урбанонимов и выделение ключевых аспектов их функционирования. В этом плане основополагающую роль играет структурно-функциональный подход в сочетании с методами ономаσιологического анализа, контент-анализа и классификации.

С другой стороны, весь этот масштабный корпус имен собственных формирует некое семантическое поле территориальной идентичности, тоже требующее определенного структурирования и построения универсальной модели, которая позволила бы представить специфику места максимально полно и подробно. Выявление основных характеристик (компонентов семантики), указывающих на те или иные аспекты регионального и локального своеобразия, возможно благодаря применению полевого подхода и метода моделирования. Обращение к семантическому полю необходимо прежде всего потому, что нередко тематические группы урбанонимов пересекаются друг с другом, а в ряде случаев могут иметь размытые границы. Например, одно и то же название может одновременно являться меморативом, передавать специфику хозяйственной деятельности региона и при этом отражать полиэтничность местного социума.

Анализ ономастического материала невозможен в отрыве от социокультурного контекста функционирования городских топонимов. Использование метода лингвокультурологической интерпретации позволяет проникнуть в этот контекст, чтобы понять основные причины и тенденции урбанонимической номинации. Не менее важную роль в конструировании имиджа города играет семиотика пространства — вербальные и невербальные знаки, сопровождающие урбанонимы в их функционировании и дополняющие их семантику новыми коннотациями. Вскрыть эти коды и прочесть тонкие оттенки смыслов помогает метод семиотической интерпретации.

Для выявления специфики отражения территориальной идентичности в урбанонимии необходимо задать некую систему отличительных характеристик, своеобразных маркеров идентичности в составе мотивировочной семантики урбанонимов и — шире — в семиотике городского пространства. Е. В. Головнева в своей специальной работе предложила четырехкомпонентную структуру региональной идентичности, включающую «когнитивный, ценностный, чувственно-эмоциональный и регулятивный компоненты как каналы конструирования и функционирования региональной идентичности в современной культуре» [Головнева, 2018, с. 12]. Не умаляя важности и универсальности такой интерпретации, мы все же предлагаем ее конкретизировать семантически, развернув в сторону специфических сфер воплощения территориальной идентичности в урбанонимии, которые приобретают ценностный смысл для субъектов номинативных практик, в первую очередь жителей города.

Таким образом, предлагается следующая совокупность отличительных характеристик, которые могут быть отражены в мотивировочной семантике урбанонимов и формируют структуру семантического поля территориальной идентичности.

1. Природно-географические особенности региона или населенного пункта. Их влияние на облик города может быть не столь заметно на первый взгляд. Однако город, будучи рукотворным сооружением, все же вышел из природной среды, а потому неот-

делим и во многом зависим от нее. Водоемы в буквальном смысле питают его. Горы и холмы дают защиту как от внешних врагов, так и от буйства стихий и определяют природный рельеф города — его возвышенности, равнинные и низменные участки. Урбанонимы, особенно те, что имеют глубокую историю, могут сообщать о таких специфических свойствах.

Важную роль играет и положение города по отношению к другим населенным пунктам, и разного рода связи с ними — экономические, политические, культурные. Наконец, для жизни и функционирования города просто необходимо наличие природных ресурсов: полезных ископаемых, богатства флоры и фауны. Все эти черты, формирующие представления о территории, находят отражение в урбанонимии. Как правило, они представлены следующими номинативными темами:

а) связь с разными формами рельефа местности, в том числе утраченными: водоемами, горами, холмами, карьерами и проч.;

б) связь с другими населенными пунктами региона, области, района, округа;

в) связь с крупными топографическими объектами или административно-территориальными единицами в составе того же населенного пункта, где встречается название: районами, микрорайонами или даже поселками, вошедшими в состав города на определенном этапе его истории;

г) связь с полезными ископаемыми и другими природными богатствами региона;

д) связь с местной флорой и фауной, специфическими для данной местности⁵.

⁵ Чаще всего ее передают монументонимы, называющие анималистические скульптуры. Объемные изображения животных, птиц и даже насекомых и собственные имена скульптур не только подчеркивают уважительное отношение к природе и роль ее в хозяйственной жизни территории, но и нередко напоминают о каких-либо интересных сюжетах в местной истории. Достаточно вспомнить, например, «Памятник Зайцу» на Заячьем острове в Санкт-Петербурге, и легенду о происхождении топонима, которая сообщает о встрече царя Петра I со спасшимся от наводнения зверьком.

2. Историческая коммеморация. Сохранение памяти о выдающихся людях и значимых событиях, соотносимых с той или иной местностью, является одним из основополагающих аспектов территориальной идентичности. По мнению В. Х. Тхакахова, «карта города — это карта памяти и забвения» [Тхакахов, 2017, с. 17]. Действительно, облик места постоянно изменяется, но сохраняет свою уникальность именно благодаря преемственности поколений, обращению к символам и нарративам прошлого, без которого невозможно настоящее. В урбанонимии этот аспект подразумевает разного рода мемориализацию через обращение к известным именам, группам людей или значимым событиям. Соответственно, в урбанонимии можно выделить три группы меморативов:

а) персональные меморативы — названия-посвящения конкретным личностям, как правило, известным жителям города или региона;

б) коллективные меморативы (в честь групп людей);

в) названия, увековечивающие какие-то важные события (событийная идентичность).

3. Специфика хозяйственной деятельности — это своеобразный мотор, за счет которого город живет, видоизменяется, прогрессирует. В то же время это и генератор городской уникальности: хозяйственная жизнь может развиваться своими собственными путями даже в разных городах одного региона. Наконец, особенности хозяйственной жизни города — это и способ явить себя миру:

Малые и большие скульптурные формы способны через анималистический образ символически передавать глубокие смыслы местной этнической культуры и мотивы национального сознания. Так, скульптура «Лось» работы финского мастера Юкки Мянтюнена, установленная в 1928 году в парке-эспланаде Выборга, демонстрирует впечатляющий облик лесного исполина и одновременно воплощает образ самой лесной Финляндии.

Городские скульптуры служат благодатным материалом для современного брендинга мест и для привлечения внимания к городским локациям. Они создают особую атмосферу места и весьма часто вовлекаются в различные праздничные действия и даже шуточные суеверные ритуалы. Потереть нос «Тамбовскому волку» или подержать за когтистую лапу «Пермского медведя» — почти традиция у любителей загадывать желания и просить об удаче.

именно благодаря своей экономической деятельности городское сообщество взаимодействует с внешним пространством страны и мира в целом.

В мотивировочной семантике урбанонимов этот аспект уникальности, как правило, бывает представлен в форме упоминания ключевых аспектов экономики или отдельных областей профессиональной деятельности, которые формируют имидж региона. Здесь можно выделить несколько номинативных групп:

а) урбанонимы, семантика которых отражает хозяйственную деятельность как таковую: легкая и тяжелая промышленность, торговая и финансовая деятельность;

б) названия улиц, посвященные профессиям, характерным для данного города (региона) — своего рода коллективные меморативы;

в) названия городских объектов, посвященные людям, внесшим существенный вклад в экономическое развитие города или региона⁶.

4. Этническая специфика города/региона важна для понимания культурных особенностей и менталитета жителей города. В Российской Федерации наиболее ярко это проявляется в регионах (субъектах), имеющих большую степень автономии (в частности, в национальных республиках). Здесь на законодательном уровне закреплено функционирование нескольких официальных языков (как правило, двух: русского и языка местного этноса), что, безусловно, сказывается и на особенностях местной урбанонимии, в частности на письменном оформлении названий городских объектов (на всех официальных языках региона).

В целом в мотивировочной семантике урбанонимов этническое своеобразие может выражаться следующими способами:

а) упоминание разных этносов в городских названиях;

б) увековечивание имен выдающихся людей, принадлежащих к той или иной этнической группе;

⁶ Упоминание имен местных жителей, способствовавших экономическому развитию региона, пересекается и с исторической коммеморацией, но с точки зрения номинативной тематики целесообразно его рассматривать в контексте хозяйственной деятельности.

в) специфические названия религиозных и социокультурных заведений (например, этнических общинных центров, библиотек и т. п.), которым отведено заметное место в городском семиотическом пространстве;

г) полилингвальное оформление урбанонимов на письме и в речи (на нескольких языках: официальном и местном);

д) трансляция ценности межэтнических отношений (в целом) посредством названий топографических объектов;

е) обращение к этническому фольклору, священным текстам, названиям древних племен в городской номинации.

5. **Социокультурные практики** — довольно абстрактная и широкая характеристика. Гипотетически она может включать любые особенности социальной и культурной жизни города (региона), которые так или иначе передают его идентичность. Например, к этой номинативной группе можно отнести традиции, обычаи, вероисповедание, фольклор, мифологию, художественное творчество, особенности местного быта, образование и науку, культуру повседневности, спорт и т. п. Город является порождением не только цивилизации, но и культуры. Более того, города являются сгустками культуры, в концентрированном виде вбирая в себя все своеобразие социокультурных традиций, накопленных населением. Поэтому, как правило, именно эта характеристика самобытности в большинстве случаев наиболее ярко и многогранно раскрывает специфику места.

Таким образом, обращение к отличительным характеристикам идентичности, относящимся к разным сферам жизни общества, позволяет осуществить наиболее полный отбор языкового материала и, как следствие, представить уникальный образ региона или города через семантику его урбанонимов.

В то же время черты территориальной идентичности могут проявляться не только в мотивировочной семантике городских названий. Поскольку семиотика городского пространства играет решающую роль в формировании уникального облика города, семантический уровень модели необходимо дополнить уровнем полисемиотическим (включает пространственное распределение

урбанонимов, особенности их расположения на карте города, их пространственную привязку). Пожалуй, наиболее точно и образно эту особенность городской семиотики охарактеризовал Ю. М. Лотман: город — это «сложный семиотический механизм, генератор культуры <...>, котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням. Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий». Источником этих коллизий, по словам Ю. М. Лотмана, выступает «не только синхронное соположение разнородных семиотических образований, но и диахрония: архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого» [Лотман, 1984, с. 35–36]. От себя добавим: семиотика городского пространства не только позволяет «перекодировать», переосмыслить тексты прошлого, но и вовлечена в непрерывное создание нового текстового пространства, которое наслаивается на старое, создавая подобие урбанонимического палимпсеста.

В таких условиях задача исследователя весьма непростая: учитывая мозаичность, многомерность и «многоголосие» полисемиотического пространства города, необходимо выделить главное, чтобы на основе этого «сплава» составить уникальный образ места, раскрыть особенности его идентичности, определить его ключевые ценности. Иными словами, семантическая сторона урбанонимического портрета города не может рассматриваться отдельно от семиотической. В противном случае образ будет выглядеть слишком «плоским», упрощенным, в то время как семиотический уровень воплощения территориальной идентичности добавит ему необходимую глубину и завершенность.

С точки зрения семиотики городского пространства, важным для модели построения территориальной идентичности является понятие топонимического ландшафта. Остановимся на нем подробнее.

Термин *топонимический ландшафт* чаще всего трактуется в научной гуманитарной литературе с географической, но не с лингвистической точки зрения. В этом смысле представления о географическом ландшафте всего лишь экстраполируются на топонимический языковой материал. При этом без внимания остается экстралингвистический контекст использования топонимов.

В научных трудах по культурной географии встречается термин «культурный ландшафт», противопоставленный природному [Исаченко, 2017; Alderman, 2008; Bijak, 2021; Jordan, 2012]. В этом случае исследовательское внимание обращено «к объектам материальной культуры и/или информационным слоям, связанным с деятельностью человека» [Исаченко, 2017, с. 21]. Этот же термин используют историки, выделяя в качестве важной составляющей историческую память, которая закрепляется в городском культурном ландшафте с помощью материальных объектов «подобно тому, как человеческая мысль фиксируется знаками письменности» [Алисов, 2020, с. 7]. Нельзя не заметить, что это сравнение перекликается с представлением о городском пространстве как об универсальном тексте культуры, ее «генераторе» [Лотман, 1984]. Следовательно, в такой трактовке понятия культурного и топонимического ландшафта максимально сближаются по своему смысловому наполнению, так что их можно даже объединить. Однако применительно к ономастическим исследованиям уместнее все же использовать термин *топонимический* либо *урбанонимический ландшафт*, который подразумевает не только соотношение «имя-место», но и вбирает в себя целый ряд других, лингвистических и экстралингвистических аспектов, а именно:

1) общее пространственное расположение топографических объектов в материальном ландшафте (их место в структуре населенного пункта: центр или периферия, историческая часть города или новая застройка);

2) формирование пространственных кластеров из объектов с общей номинативной темой: как одного, так и разного порядка; в первом случае речь может идти, например, только об улицах, а во втором — об улицах, площадях, скверах, памятниках, групп-

пированных в одном микрорайоне города и имеющих названия одной тематики;

3) взаимодействие урбанонимов с другими текстовыми и полисемиотическими формами в едином текстовом пространстве города: например, особенности использования табличек и указателей, коммерческих и рекламных текстов в сочетании с урбанонимическими обозначениями;

4) инкорпорирование в современный культурный фонд и городскую среду значимых имен прошлого, которые взаимодействуют с современными культурными кодами и становятся знаками современного восприятия пространства;

5) взаимодополнение официальных и неофициальных названий в едином семиотическом пространстве.

Таким образом, в контексте ономастических исследований *топонимический/урбанонимический ландшафт* понимается как «совокупность топографических собственных имен, вовлеченных в единую систему пространственных семиотических связей и организующих семантические и функциональные слои в вербальном образе города» [Голомидова, Дмитриева, 2023, с. 150].

В целом использование этой двухуровневой модели при анализе урбанонимического материала позволяет представить максимально детальную картину региональной и локальной идентичности в городах и поселениях разного размера и административного статуса как в России, так и в зарубежных странах. Подчеркнем, что обозначенные в модели уровни разделяются только в целях описания, а реальное функционирование всей структуры предполагает взаимодействие и пересечение разных ее компонентов. Продемонстрируем работу этой модели на примере урбанонимии двух городов-миллионников Уральского федерального округа — Екатеринбурга и Челябинска.

Глава 2. Отражение территориальной идентичности в урбанонимии областных центров Среднего и Южного Урала

На первый взгляд, Екатеринбург и Челябинск очень схожи: их объединяет и расположение в Уральских горах, и размеры занимаемой территории (Челябинск по площади чуть больше Екатеринбурга), и численность населения (здесь уже Екатеринбург немного крупнее Челябинска), и возраст (разница всего лишь в 13 лет), и статус областного центра (Свердловской и Челябинской областей соответственно), и характер экономической деятельности (значительная роль промышленности), и существенное разнообразие в социокультурном, этническом и даже природном плане. Однако посмотрим, какую картину можно увидеть при более пристальном рассмотрении своеобразия этих городов через призму урбанонимии.

Прежде всего возникает вопрос: как из всего многообразия урбанонимов города-миллионника выделить главное? Безусловно, имя, присваиваемое городскому объекту, тщательным образом выбирается, обсуждается и, как следствие, не является случайным. На наш взгляд, следует придерживаться принципа доминантности: чем более значительное место и более центральное положение объект занимает в пространстве, тем больший «вес» имеет его имя с точки зрения местной идентичности.

В первую очередь, конечно, стоит обратить внимание на центральную часть города — его «лицо», которое обычно демонстрируют туристам и которое призвано передать основные черты локального своеобразия. Между тем большинство крупных городов (и не только), как правило, полицентричны, и практически каждый район (а нередко — и микрорайон) в их составе представляет собой «город в городе» со своими значимыми объектами, центром и периферией. Особенно ярко это прослеживается в периферийных районах. Следовательно, необходимо учитывать эту особенность при анализе урбанонимического материала.

Кроме того, не следует упускать из вида магистральные и просто крупные улицы, которые нередко соединяют городскую периферию

с центром и, наряду с другими крупными объектами (площадями, парками, скверами, мостами и под.), выступают своеобразными семиотическими доминантами, передающими значимые для городской идентичности смыслы. Обычно эти названия транслируют ключевые идеологические и аксиологические послы, подспудно настраивая жителей города на определенный образ мыслей, и, следовательно, играют далеко не последнюю роль в формировании и трансляции локальной идентичности. Немалое значение имеют также памятники, скульптуры и крупные арт-объекты, особенно те, что расположены на площадях, в парках и скверах, либо занимают заметное место в пространстве города.

В результате должен получиться некий «урбанонимический каркас», который, по нашей гипотезе, отражает квинтэссенцию территориальной идентичности⁷. Таким образом, обращаясь к доминантным топографическим объектам и их именам, сосредоточимся лишь на основных аспектах самобытности Челябинска и Екатеринбурга и, следуя разработанной модели, попробуем представить урбанонимические портреты уральских городов в общих чертах, так сказать, широкими мазками.

С пространственной точки зрения, Челябинск и Екатеринбург близки к образу концентрического города (по терминологии Ю. М. Лотмана⁸). Оба расположены на горах, причем, по наблюдениям местных жителей, каждый из городов лежит на семи холмах (аналогично Москве и Риму)⁹. Концентрические города, по мнению Ю. М. Лотмана, формируются естественно — в противовес искусственному построению — и занимают промежуточное, «срединное» место в семиотике пространства. Однако в отношении Екатерин-

⁷ Другой синонимичный термин, который будет далее употребляться в этой связи, — «доминантная урбанонимия».

⁸ Ю. М. Лотман выделил два основных типа положения городов в семиотическом пространстве: концентрическое (на горе или на горах, «между небом и землей») и эксцентрическое («на краю» культурного пространства, на берегу моря, в устье реки) [Лотман, 1984, с. 31].

⁹ См., например, характерные заголовки печатных материалов: [Екатеринбург — город на 7 холмах, 2020; Огненный гид из Екатеринбурга, 2019; Семь челябинских холмов, 2009; Хворостова, 2010].

бурга и Челябинска не все так просто. С одной стороны, для обоих действительно характерно некое срединное положение на карте России: на границе Европы и Азии (Екатеринбург), на границе Урала и Сибири (Челябинск), на пересечении торговых и транспортных путей, на горах (между небом и землей). С другой стороны, ни в том, ни в другом случае невозможно говорить о естественности зарождения населенных пунктов — скорее, наоборот. Для топографии обоих городов характерны прямые линии и геометрические формы: улицы в историческом центре словно вычерчены по линейке, в отличие, например, от улиц Москвы и других российских городов, образовавшихся в допетровское время. А в городской архитектуре заметное место отведено конструктивизму. В результате можно говорить о типе города «на перепутье» в прямом и переносном смысле. И это, безусловно, стоит считать одной из граней уральской идентичности. На наш взгляд, она проявляется в максимальном синкретизме, в мозаичности форм и стилей, науки и мифологии, хозяйственной деятельности, социокультурных проявлений и проч. Такой город становится непохожим ни на что иное, но при этом стремится вместить в себя все сразу по максимуму и одновременно идти своим путем. Разумеется, такой тип городского самосознания не мог не отразиться в урбанонимии и в семиотике пространства. Посмотрим, как именно эта черта проявилась в названиях топографических объектов Екатеринбург и Челябинска.

В отношении **природно-географических особенностей** предметом особой гордости каждого из городов является то самое «пограничное» расположение. В Екатеринбурге о близости условной границы Европы и Азии напоминает название *жилых башен «Евразия»*. В Челябинске есть торговый комплекс с аналогичным названием — *«Европа-Азия»*, а условная граница между Уралом и Сибирью топографически маркирована *автодорогой «Меридиан»*, проходящей практически через центр города. Кроме того, на проспекте Ленина в Челябинске установлен монумент с надписью *«Урал-Сибирь»*. Добавим, что «пограничное», промежуточное расположение Челябинска нашло отражение еще в его неофициальном названии конца XIX — начала XX века — *«Ворота в Сибирь»*. Современные народные

топонимы обоих городов отражают их претензии на «столичный» статус: Екатеринбург (центр Уральского федерального округа) в народе и нередко — в СМИ называют «*Столицей Среднего Урала*», а Челябинск — «*Столицей Южного Урала*».

Любопытно, что, несмотря на географическую принадлежность к Азии, в обоих областных центрах активно продвигается имидж европейских, развитых, инновационных городов. Об этом свидетельствуют, например, названия деловых кварталов и центров, в которых семантически подчеркивается западный вектор развития: *торгово-деловой центр «Европа»*¹⁰, ТРЦ «Гринвич», БЦ «Манхэттен» и др. (Екатеринбург); ЖК «Манхэттен», *торгово-деловой комплекс и отель «Маркштадт»* (Челябинск). Мультикультурность подчеркивают также названия с использованием латиницы: БЦ *Summit*, ТЦ *Corteo Fashion Mall*, ТЦ *SILA VOLI* и др. (Екатеринбург); *офисный центр Greenplex*, БЦ *Newton*, ЖК *Fenix de Luxe* и др. (Челябинск). Культурные коннотации «западности» поддерживают имена с заимствованным компонентом «сити» в значении 'деловой центр города': *квартал «Екатеринбург-Сити»*, ТЦ «Сити Центр», ТЖК «Форум Сити» (Екатеринбург); БЦ «Челябинск-СИТИ» (Челябинск). В сходном смысловом аспекте работают названия, в состав которых входят свежие западные заимствования с коннотациями «элитности», роскоши: «Атриум **Палас Отель**», ТЦ «Гермес **Плаза**» и др. (Екатеринбург); БЦ «Аркаим **Плаза**», *офисный центр Rekkom Palace* и др. (Челябинск).

В урбанонимии обоих городов закономерно представлена география соответствующих областей и Урала в целом. Однако в Екатеринбурге большинство доминантных урбанонимов связаны именно с Уралом, но не с региональной географией: *улица Уральская*, *станция метро «Уральская»*, *гостиница «Большой Урал»*, *памятник «Седой Урал»* и др. В Челябинске тоже встречается немало названий, в составе которых фигурирует слово «Урал», иногда с некоторой конкретизацией, касающейся южной части региона: *гостиница «Южный*

¹⁰ Между прочим, топографического объекта с названием «Азия» в Екатеринбурге нет.

Урал», ТРК «Урал», памятник «Сказ об Урале» и др. В то же время в названиях ряда центральных и магистральных улиц Челябинска региональная география более конкретизирована (по сравнению с аналогичными объектами Екатеринбурга): *улица Каслинская* (от г. *Касли* Челябинской обл.), *мост Троицкий* (от г. *Троицк* Челябинской обл.), *проспекты Свердловский* (от г. *Свердловск* — названия, которое носил Екатеринбург в советское время, и одноименной области) и *Краснопольский* (от с. *Краснополе* Свердловской обл.).

Наиболее очевидной особенностью уральского рельефа является гористая местность. Разумеется, горы и холмы встречаются и в черте городов-миллионников (вспомнить хотя бы версии о 7 холмах). В Екатеринбурге из наиболее ярких проявлений горного рельефа прежде всего отметим *Вознесенскую горку*, *Метеогорку*, *Уктусские горы* и *лесопарк «Каменные палатки»* (последний получил такое название благодаря причудливым наслоениям горных пород). В рельефе Челябинска выделяется *гора*, или *урочище*, «*Монахи*», а также так называемая «*Золотая гора*», где расположен мемориал жертвам сталинских репрессий. Горный рельеф проявился и в названиях рукотворных топографических объектов в обоих городах: *микрорайон* и *отель «Московская горка»*, *микрорайон* и ЖК «*Шиишимская горка*» и др. (Екатеринбург); *микрорайон* и ЖК «*Вишневая горка*», ТРЦ «*Горки*», ТК «*Синегорье*» и др. (Челябинск). Дополнительно названия зданий в таких случаях нередко обыгрываются визуально. Например, в логотипе *отеля «Московская горка»* в Екатеринбурге угадываются очертания гор; аналогичная особенность характерна и для внешнего облика ТК «*Синегорье*» в Челябинске: форма здания напоминает горы синего цвета¹¹.

Уральские горы издавна славятся своими полезными ископаемыми, в том числе драгоценными, полудрагоценными и поделочными камнями, что не могло не отразиться и в урбанонимии. Топонимический ландшафт обоих мегаполисов изобилует годонимами «каменной» тематики, однако большинство таких улиц и переулков

¹¹ Неясно, имеет ли данный объект номинативную связь с одноименным поселком в Магаданской области, но, по замыслу архитекторов, пирамиды, встроенные в здание торгового центра, должны напоминать Уральские горы [Синегорье, 2012].

вынесены на периферию: например, в обоих городах встречаются улицы *Аквамариновая*, *Агатовая*, *Алмазная*, *Бирюзовая*, *Гранитная*, *Рубиновая*, *Янтарная*, *Яхонтовая* и др. В «урбанонимическом каркасе» заметное место отведено названиям зданий, скверов и других объектов, напоминающим о различных полезных ископаемых, как правило, об уральских самоцветах. Например, в Екатеринбурге выделяются здание *бытового комбината «Рубин»* (название-историзм, хорошо известное горожанам), ЖК *«Аквамарин»*, *спортивно-оздоровительный комплекс «Локомотив-Изумруд»*, *горная порода «Родонит»* (в Историческом сквере) и др. В Челябинске можно отметить *сквер «Сад камней»*, *конгресс-отель «Малахит»*, *ТРЦ «Алмаз»*, *ТК и вещевой рынок «Изумруд»* и др. Как и в случае с горным рельефом, минеральная тематика нередко визуальнo обыгрывается во внешнем облике зданий. Например, здание ЖК *«Аквамарин»* в Екатеринбурге отделано стеклом синего цвета, а здание *спорткомплекса «Локомотив-Изумруд»* выкрашено зеленой краской.

В зарождении и жизни обоих городов решающую роль сыграли реки: в Екатеринбурге — *Исеть*, в Челябинске — *Миасс*. Однако в «урбанонимическом каркасе» внимание главной реке уделяется лишь в первом случае. Энергия воды позволила в 20-е годы XVIII века запустить механизмы Екатеринбургского железоделательного завода, вокруг которого в дальнейшем разросся город. Именно это место, которое теперь называется *Историческим сквером*, а в народе — *Плотинкой* — из-за плотины — гидротехнического сооружения, положившего начало заводу, считается колыбелью Екатеринбурга. Не удивительно, что целый ряд екатеринбургских урбанонимов содержат номинативную отсылку к Исети. Так, в центральной части города выделяются *гостиница «Исеть»*¹² и *башня «Исеть»*¹³. На периферии стоит отметить названия таких крупных топографических объектов, как *Верх-Исетский район*, *Верх-Исетский завод*, *Верх-Исетский бульвар* и *микрорайон Нижне-Исетский*. Роль реки в жизни Екатеринбурга подчеркивается и в социокуль-

¹² Это здание серповидной формы в центре Екатеринбурга является уникальным памятником архитектуры конструктивизма.

¹³ Самый высокий небоскреб Екатеринбурга.

турных практиках повседневности. В частности, в последние несколько лет ежегодно в середине лета проводится праздник — День Исети (иногда его называют «Исетьфест») [В Екатеринбурге устроят фестиваль..., 2022]. Мероприятие организуется группой местных энтузиастов, но неизменно привлекает внимание горожан. Праздник включает множество разнообразных мероприятий: от лекций и экскурсий до творческих мастер-классов и театрализованных перформансов, причем основной акцент делается на экологию и заботу о речной экосистеме.

Интересно, что урбанонимия уральских городов так или иначе напоминает и об утраченных водных объектах. В Челябинске, например, крупная магистраль *улица Игуменка*, соединяющая южную часть города с центром и переходящая затем в автодорогу «Меридиан», названа в честь одноименной реки, которая в ходе строительных работ была почти полностью спрятана под землю. В Екатеринбурге подобные примеры тоже есть. Из наиболее крупных можно отметить *Основинский парк* (от небольшой речки *Основинки*, которая раньше протекала через Пионерский поселок — ныне микрорайон Пионерский). Остальные же в «урбанонимическом каркасе» менее заметны, так как в основном относятся к небольшим объектам: например, *улица, переулок* и *ЖК Мельковские* напоминают о речке *Мельковке*, некогда протекавшей в центре города, но затем в ходе городского строительства тоже спрятанной под землю.

Помимо рек, в урбанонимии обоих городов нашли отражение и озера. Согласно социологическому исследованию идентичности в Челябинском регионе, проведенном К. В. Киселевым и А. Ю. Щербаковым, в отношении природы респонденты «выделяют прежде всего два типа ресурсов: озера и горы. Причем озера доминируют» [Киселев, Щербаков, 2013, с. 109]. Как правило, в пространстве города топографические объекты, в названиях которых упоминаются озера, тяготеют к соответствующим водоемам. В Челябинске наблюдается именно такая картина: *переулок Первоозерный* находится вблизи озера *Первое*, а *Смолинский сквер* — рядом с озером *Смолино* и т. п. В Екатеринбурге, что интересно, ситуация совершенно иная. Здесь рядом с озером *Шарташ* расположен только микрорайон

Шарташский, в то время как *улица Шарташская*, *железнодорожная станция Шарташ* и *Шарташский рынок* находятся в других частях города.

Особого внимания заслуживает упоминание лесных массивов и природно-лесной тематики в целом. Эта особенность больше свойственна урбанонимии Челябинска. Прежде всего уникальным компонентом городского пространства является так называемый *Городской бор* — большой реликтовый сосновый лес, расположенный прямо посреди города и огибаемый рекой Миасс. Кроме того, в центре Челябинска есть несколько урбанонимов, в которых нашли отражение лесные массивы и заповедники области: *улица Ильменская* (от названия Ильменского государственного заповедника) и *ТРК «Таганай»* (от названия Национального парка «Таганай»).

Таким образом, в «урбанонимическом каркасе» Челябинска и Екатеринбурга природно-географическим особенностям локальной и региональной идентичности отведено заметное место. И уже на этом этапе прослеживается специфика каждого из городов. Екатеринбург предстает более европейски ориентированным, «столичным», элитарным, судя по количеству и разнообразию соответствующих названий. Челябинск, напротив, номинативно и топографически больше связан с природой. Кроме того, в доминантной урбанонимии этого города больше конкретизирована административная география региона. В названиях Екатеринбурга чаще происходит обращение к Уралу в целом, что скорее всего объясняется статусом этого города как центра Уральского федерального округа.

В то же время природно-географическая тематика является хоть и заметной, но не ключевой для доминантных урбанонимов обоих городов. Она бесспорно уступает по количеству коммеморативным названиям, которые в большинстве случаев присваиваются крупным топографическим объектам: районам, микрорайонам, улицам, площадям, паркам и скверам. Прочие же имена смещаются на периферию городского пространства либо используются для называния зданий и жилых комплексов, которых в центре довольно много.

Ведущую роль в семантическом поле идентичности Екатеринбурга и Челябинска играет разного рода **историческая коммеморация**. Подчеркнем, что речь идет именно об именах, вписанных в локальную, региональную и национальную историю. Названия, хранящие память о деятелях науки, образования, искусства, спорта и др., будут рассмотрены отдельно — в контексте номинативной темы «социокультурные практики и культура повседневности».

В обоих городах значительная доля исторических меморативов — наследие советской эпохи. Для наглядности: в Екатеринбурге эти названия находятся на первом месте по количеству, а в Челябинске — на втором. Значительная часть названий сохраняет память о местных и региональных героях революции и Гражданской войны, например: *улицы Азина, Антона Валека, Вайнера, Малышева, Шейнкмана; памятник И. М. Малышеву* и др. — в Екатеринбурге; *улицы Братьев Кашириных, Елькина, Могильникова, Сони Кривой, Цвиллинга; памятник С. М. Цвиллингу* и др. — в Челябинске. Однако преобладают все же урбанонимы, которые для советского времени квалифицировались как имена «всесоюзного масштаба» (*улицы Ленина, (Карла) Либкнехта, (Карла) Маркса, Энгельса, Куйбышева, Комсомольская, Красноармейская, Советская, 8 Марта*; многочисленные памятники *В. И. Ленину* и т. п.), которые несколько «обезличивают» городской облик¹⁴.

Интересно, что в Екатеринбурге советское наследие хранят имена многих крупных объектов: районов (*Кировский, Ленинский, Октябрьский, Орджоникидзево, Чкаловский*), микрорайонов (*Комсомольский, Пионерский*), площадей (*площадь 1905 года, Октябрьская площадь, площадь Парижской Коммуны, площадь Дзержинского, площадь Коммунаров, площадь Кирова, площадь Первой Пятилетки* и др.), парков и скверов (*сад им. Энгельса, парк им. 50-летия Советской власти, парк XXII Партсъезда, сквер им. Джавахарлала Неру* и др.). В Челябинске аналогичных урбанонимов гораздо меньше: *районы Калининский, Ленинский и Советский; площади Революции*

¹⁴ В этот перечень специально включены только названия, имеющиеся в обоих городах. Тем самым подчеркивается масштаб «обезличивания».

и *Павших Революционеров*¹⁵; сквер «Алое поле», сквер *Площади Революции* и сквер *Профсоюзов*. В этом городе большинство советских меморативов являются годонимами либо названиями памятников.

Заметное и почетное место в коммеморативной урбанонимии Екатеринбурга и Челябинска занимают названия, увековечивающие подвиг советского народа, в том числе и местных героев, во время Великой Отечественной войны. В Екатеринбурге к этой номинативной подгруппе относятся, например, названия *улиц Маршала Жукова*¹⁶, *Черняховского*, *Фронтовых Бригад* и *Победы*; *площадей Обороны*, *Мотоциклистов* и *площади имени Уральского добровольческого танкового корпуса*; многих памятников: *памятники маршалу Г. К. Жукову на коне и на автомобиле*, *стела «Екатеринбург — город трудовой доблести»*; *монумент «С чего начинается Родина»*; *памятник детям войны*; *памятник воинам Уральского добровольческого танкового корпуса* и др.; некоторых зданий: *Дом обороны ОСОАВИАХИМ*.

Для Челябинска история Великой Отечественной войны также имеет огромное значение, что проявилось в специфике городской номинации. В ходе войны Челябинск получил неофициальное имя *Танкоград* благодаря производству танков Т-34 на Челябинском тракторном заводе. Эта страница героического прошлого южно-уральского города нашла отражение в названиях одной из магистральных улиц — *улицы Героев Танкограда* — и мемориала «*Челябинск-Танкоград — город трудовой доблести*».

В то же время, в отличие от Екатеринбурга, герои, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной, гораздо чаще представлены «в лицах»: *улицы Гончаренко*, *Доватора*, *Кузнецова*, *Марченко*, *Овчинникова*, *Худякова* и др. Встречаются, конечно, и годонимы

¹⁵ Бывшая Казарменная площадь, где в 1918 году нескольких челябинских революционеров (В. И. Могильникова, Д. В. Колущенко, М. А. Болейко и др.) зарубили шашками белочехи, захватившие город. Именами всех упомянутых в скобках революционеров был также назван ряд других объектов Челябинска).

¹⁶ Маршал Г. К. Жуков, между прочим, несколько лет жил в Свердловске (так Екатеринбург назывался в советское время) после окончания Великой Отечественной войны.

с коллективной или событийной коммеморацией: *проспект Победы, улицы Молодогвардейцев, Танкистов, 40-летия Победы* и др. Однако их меньше, чем индивидуальных меморативов. Для Екатеринбурга эта тема пока содержит перспективы к развитию.

В Челябинске тематика подвига советских солдат поддержана и визуально — монументальной репродукцией знаменитой фотографии «Комбат» на одном из жилых зданий на перекрестке улицы Молодогвардейцев и проспекта Победы (рис. 1, иллюстрации к главе расположены на цветной вкладке после с. 102). Добавим, что это место стало для челябинцев значимым топографическим ориентиром, судя по тому, что в народе оно получило особое название — «*Мужик с пистолетом*».

История Великой Отечественной войны и память о ней прочитываются в названиях челябинских парков и скверов: *сквер имени летчика Е. Овчинникова*¹⁷, *сквер добровольцев-танкистов, сад Победы, сквер Защитников Отечества, бульвар Славы* и др. Более того, нередко в этих парках и скверах присутствует особая атмосфера памяти, благодаря объектам, посвященным подвигу уральцев в Великой Отечественной войне. Например, в *саду Победы* встречаются коммеморативные объекты с названиями: «*Воинам-автомобилистам*», «*Труженикам тыла*», «*Защитникам морских рубежей*», «*Пограничникам Южного Урала*» и др. Аналогичное пространство создано и на *бульваре Славы* в самом центре Челябинска.

Другой значимый урбанонимический «ансамбль» в южно-уральском мегаполисе, поддерживающий эту же номинативную тематику, расположен вокруг *Ленинградского моста*. В самом этом названии и в семиотике пространства, окружающего мост, увековечено мужество жителей блокадного Ленинграда, а также специалистов, эвакуированных из Северной столицы на Урал в 1941–1942 годах и ковавших победу на челябинских заводах. Возле моста установлен памятник в виде арки с надписью «*Ленинградский мост*», а в ее нише располагается барельеф — копия памятника «Медный всадник» —

¹⁷ Е. В. Овчинников, уроженец Челябинской области, героически погиб в 1943 году.

символа Санкт-Петербурга. Вероятно, этот образ выбран, чтобы передать идею преемственности поколений. Барельеф представляет собой произведение каслинского чугунного литья — уникальной технологии, усовершенствованной уральскими мастерами и заслужившей мировое признание. Мемориал включает и несколько памятных знаков, посвященных эвакуированным специалистам и блокадникам, а также *Капсулу с землей города-героя Ленинграда*. Общую номинативную тематику поддерживает и расположенный по соседству с мостом *торговый центр «Ленинградский»*.

Множество других памятников и арт-объектов в центре Челябинска посвящены безымянным героям войны и труженикам тыла. Отметим лишь наиболее крупные и значимые: *памятник павшим в Великой Отечественной войне «Вечный огонь»*; *стела «Город трудовой доблести»*; *памятник добровольцам-танкистам*; *памятник «Подвиг»*; *памятник «Поклон тебе, сестричка!»*; мемориал *«Скорбящие матери»*; арт-объект *«Орден Победы»* и др.

В целом эта героическая страница отечественной истории оказалась более ярко, отчетливо и разнопланово вписанной в урбанонимический ландшафт Челябинска. Здесь чаще встречаются целые урбанонимические кластеры, хранящие память о героях-уральцах, причем в самом центре города.

В то же время в Екатеринбурге, кроме обращения к истории Великой Отечественной войны, в «урбанонимическом каркасе» прослеживается военно-историческая тема. В центральной части города довольно крупный «кластер» названий сгруппирован вокруг *Окружного дома офицеров и Штаба Центрального военного округа: площадь Советской Армии, комплекс памяти «Черный тюльпан»* (посвящен солдатам, погибшим в Афганистане и Чечне), *памятник В. Ф. Маргелову*¹⁸, *памятник военным контрразведчикам*, а также более 20 военных машин, танков и орудий, которые производились на Урале. Таким номинативным способом Екатеринбург, являющийся центром Уральского федерального округа, подчеркивает этот административный статус и в отношении военных сил.

¹⁸ Советский военачальник, командующий ВДВ, генерал армии.

Еще одна героическая веха советской истории — освоение космоса — тоже занимает почетное место в урбанонимическом портрете Екатеринбурга и Челябинска. Как правило, в самом центре города улицы с такими именами встречаются редко, чего нельзя сказать о крупных магистралях ближней периферии: *проспект Космонавтов, улицы Гагарина и Титова* в Екатеринбурге; *улицы Гагарина, Комарова и Академика Королева* в Челябинске. Дополнительно в центре «столицы Южного Урала» есть несколько других урбанонимов с индивидуальной коммеморацией: *ЦПКиО им. Гагарина, ТРК «Гагарин Парк», клубный дом Gagarin residence*. Близко к центру расположен также *детский парк им. В. В. Терешковой*, в котором космическая тематика семиотически усиливается благодаря *скульптуре «Космонавт» и памятнику Валентине Терешковой*. В другой части города, на *улице Гагарина*, установлен бюст первому космонавту. Екатеринбургский топонимический ландшафт тоже достаточно богат на подобные названия, правда, они чаще посвящены космической теме в целом: *киноконцертный театр «Космос», светомузыкальный фонтан «Созвездие» и жилые высотки «Антарес»*. Кроме того, вдоль *проспекта Космонавтов* образовался целый «ансамбль» имен торговых центров с космической тематикой: *ТЦ «Космос», торгово-офисный центр «Меркурий», ТЦ «Белка» и «Стрелка»*.

Названия, отражающие местную досоветскую историю, в обоих городах отступают на второй план по сравнению с советскими меморативами. В то же время эти имена и называемые ими объекты максимально индивидуализируют пространство города, придают ему уникальность. Чаще всего индивидуальная коммеморация проявляется в названиях особняков и других сооружений, принадлежавших местным купцам, мещанам, заводовладельцам и другим состоятельным горожанам: *дома купцов Агафуровых, дом Н. И. Севастьянова, усадьба Расторгуева-Харитонова, усадьба Тарасова, усадьба А. А. Железнова, мельница Борчанинова* и др. (Екатеринбург); *дом купца Архипова, особняк купца Хованова, особняк С. Г. Данигера, магазин Ахунова* и др. (Челябинск). Реже обращение к досоветской истории прослеживается в названиях парков и скверов: *сквер Агафуровых, Харитоновский парк, плодовый сад Казанцева, сад Нурова*;

иногда — в названиях памятников и современных жилых комплексов: *памятник В. Н. Татищеву и В. И. де Геннину*¹⁹, ЖК «Де Геннин» (Екатеринбург). Коллективная коммеморация дореволюционного времени встречается в единичных случаях: *памятник первому строителю города, памятник 37-му пехотному Екатеринбургскому полку*²⁰ и др. (Екатеринбург); *памятник Основателям Челябинска, мемориальный знак участникам Отечественной войны 1812 года* (Челябинск).

Если обратиться только к годонимам, то в названиях центральных и магистральных улиц Челябинска можно заметить любопытные черты местного своеобразия. Например, встречается *улица Бейвеля*, названная в честь челябинского городского головы начала XX века. А. Ф. Бейвель изначально работал в Челябинске врачом, активно занимался общественной деятельностью, затем ушел в политику и очень много сделал для благоустройства города: строительство общественных зданий, мощение улиц, проведение электричества, телефонной связи и водопровода и др. Тем самым А. Ф. Бейвель снискал большое уважение жителей города и целых три раза переизбирался на пост городского головы. В Челябинске сохранился даже памятный бальзамический тополь, привезенный из-за границы и посаженный лично А. Ф. Бейвелем, чьим увлечением было растениеводство.

Примечательны также *улицы Переселенческая и Переселенческий Пункт* в центральной части Челябинска. История этих названий восходит к концу XIX века, когда была построена Самаро-Златоустовская железная дорога и многие безземельные крестьяне из европейской части России двинулись на Урал и в Сибирь в поисках заработка. Челябинск стал на их пути перевалочным пунктом [120 лет Челябинскому переселенческому пункту, 2012]. Из-за столь масштабной миграции населения при станции Челябинск был создан специальный переселенческий пункт, который включал строения для временного жилья, административное здание, больницу,

¹⁹ Памятник основателям города.

²⁰ Полк был сформирован еще в конце XVIII века и существовал до 1918 года.

баню, кухни-столовые и др. Часть сооружений сохранилась до сих пор (несколько зданий переселенческой больницы и баня). В этих же местах проходят две упомянутые улицы, а по соседству с ними расположен *сквер Переселенческий*. В итоге так нетривиально — через мемориализацию социально-исторических процессов — в урбанонимии Челябинска подчеркивается его «пограничное», «срединное» положение на карте России.

Наиболее крупным и значимым историческим кластером в центре Екатеринбурга является *Исторический сквер*, где целый ряд названий напоминает о горнозаводском прошлом города: *барельеф «Рождение города»*, *памятник первому строителю города*, *памятник В. Н. Татищеву и В. И. де Геннину*. Дополнительно ряд названий в этом же пространстве подчеркивает историческую самобытность, хоть и не являются меморативами — *Водонапорная башня*²¹, *Капсула времени*.

Другой важный для истории Екатеринбурга урбанонимический «ансамбль» напоминает о последних днях императорского семейства Романовых в Екатеринбурге в 1918 году. В состав этого кластера входят *Храм-на-крови*, построенный на месте бывшего дома инженера Ипатьева, где был произведен расстрел; прилегающий к нему участок *улицы Толмачева*²², переименованный в *Царскую улицу*; *памятник семье Николая II, Храм Николая Чудотворца*, находящиеся рядом с Храмом-на-крови; *Святой квартал*, вмещающий все названные топографические объекты.

Исторический антураж создается и в пространстве главных пешеходных улиц Екатеринбурга и Челябинска: *Вайнера* и *Кирова*²³ соответственно. Примечательно, что обе изначально были торговыми и в значительной мере сохранили такой статус до наших дней. Их топонимический ландшафт, помимо имен исторических

²¹ Эта башня в настоящее время является одним из символов Екатеринбурга.

²² Н. Г. Толмачев — участник двух революций и Гражданской войны, член Уральского обкома партии, с большой долей вероятности участвовал в принятии решения о расстреле царской семьи.

²³ Эти улицы не являются полностью пешеходными, но на них есть пешеходные участки разной протяженности.

зданий, как правило, купеческих особняков, магазинов и доходных домов, изобилует названиями скульптурных композиций. Не все эти урбанонимы являются меморативами, однако их семантика и облик называемых ими топографических объектов передают атмосферу XIX — начала XX века и органично дополняют историческую коммеморацию. В Екатеринбурге это скульптуры «Банкир и автомобилист», «Друзья»²⁴, «Коробейник», памятник Е. М. Артамонову²⁵; в Челябинске — скульптуры «Городовой», «Пожарный», «Погонщик верблюдов»²⁶, «Профессиональный нищий», «Художник» и др.

В целом подобные кластеры напоминают «островки истории» в пространстве крупных современных городов. Это весьма ценно с точки зрения сохранения культурно-исторического наследия и местной идентичности, особенно в условиях быстрорастущего мегаполиса, где таких самобытных «островков» становится все меньше из-за точечной застройки.

Территориальная идентичность в городской номинации постсоветского времени характеризуется прежде всего стремлением соединить историю и современность, дореволюционные события с реалиями XXI века. Причем эта особенность реализуется не только номинативно, но и в семиотике пространства. Например, в деловом квартале «Екатеринбург-Сити» в непосредственной близости друг от друга расположились деловой дом «Демидов» и «Ельцин-центр». Так, отдаленное прошлое, воплощенное в имени династии уральских заводчиков Демидовых, символически сблизилось с периодом 1990-х годов, который ассоциируется с именем Б. Н. Ельцина, начавшего свою политическую карьеру в Свердловске. В Челябинске яркий пример подобного симбиоза эпох встречается в урбанонимическом ландшафте сквера «Алое поле», где по соседству можно встретить

²⁴ Скульптура изображает кузнеца-философа А. Лысякова и его четвероногих друзей — собаку и лошадь.

²⁵ Изобретатель велосипеда.

²⁶ Эта скульптура весьма символична для Челябинска, так как на его гербе со времен Екатерины II был изображен верблюд, который символизирует торговые пути, которые с давних пор проходили через город в разных направлениях.

памятник-мавзолей В. И. Ленину и памятник царю-освободителю императору Александру II, аллею пионеров-героев и аллею финансистов. Еще более явственно эта тенденция проявляется в топонимах: в Екатеринбурге улица Бориса Ельцина пересекается с проспектом Ленина, а в Челябинске улицы Советская и Российская проходят всего лишь в двух кварталах друг от друга.

Таким образом, с точки зрения исторической составляющей урбанонимического портрета, образы Екатеринбурга и Челябинска во многом схожи. Особенно это характерно для урбанонимической коммеморации советского периода. Заметное различие здесь касается, пожалуй, лишь темы Великой Отечественной войны. Эта веха советской истории оказались более насыщенно и многообразно раскрыта в челябинской урбанонимии. Дореволюционное и постсоветское время представлено в урбанонимии уральских мегаполисов скорее общими тенденциями, которые также во многом схожи. Нюансы в этих меморативах оказались не столь существенными для передачи местной идентичности.

Специфика хозяйственной деятельности является весьма заметной характеристикой в образе каждого из городов, а наиболее отчетливо видны черты, связанные с промышленностью, торговлей и транспортом. Однако в каждом случае урбанонимические портреты городов не лишены своеобразие.

Урал издавна славится своей промышленностью, и сейчас в Екатеринбурге насчитывается более 200 промышленных предприятий разного размера [Заводы Екатеринбурга...], а в Челябинске — около 300 [Заводы и промышленные предприятия Челябинска...]. Крупные заводы в обоих городах служат семиотическими центрами притяжения, в ориентации на которые происходит номинация близлежащих топографических объектов. Соответственно, эти названия активно развивают заводскую номинативную тему.

В первую очередь в топонимическом ландшафте обоих городов выделяются имена масштабных пространственных объектов, говорящие о промышленном характере хозяйственной деятельности: *районы Металлургический и Тракторозаводский, микрорайоны Градский Прииск, Мебельный, Сельмаш и др. (Челябинск); микрорайоны*

Уралмаш, Эльмаш, Вторчермет, ЖБИ, Компрессорный, Химмаш, Аппаратный и др. (Екатеринбург).

Что касается годонимов, то в Екатеринбурге крупнейшие их скопления расположены в Верх-Исетском районе, вокруг Верх-Исетского завода, а также в микрорайонах Уралмаш и Эльмаш. В частности, здесь немало названий крупных улиц, напоминающих о рабочих профессиях: *улицы Металлургов и Токарей* на ВИЗе, *Машиностроителей* — на Уралмаше, *Фрезеровщиков* — на Эльмаше. Интерес представляют также годонимы, хранящие память о выдающихся рабочих либо их династиях: *улица Лоцмановых* на ВИЗе, *улицы Лукиных, Корепина* и *Стахановская* на Уралмаше. Наконец, нередко встречаются названия улиц, передающие промышленную тематику в целом: *улица Заводская* на ВИЗе, *улица Индустрии* на Уралмаше. В Челябинске подобных «индустриальных кластеров» тоже немало, и для них характерны те же тенденции в номинации, что и в Екатеринбурге. Например, в Металлургическом районе Челябинска названия крупных магистралей посвящены рабочим профессиям: *улицы Сталеваров и Монтажников, шоссе Металлургов*. А имена более мелких улиц напоминают о технологиях промышленного производства: *улицы Валовая, Доменная, Прокатная, Мартеновская* и др.

Усиливают промышленный лейтмотив урбанонимических ансамблей в обоих городах названия парков и скверов: *парк Турбомоторного завода* на Эльмаше, *летний парк «Уралмаш»*, *парк «Эльмашевский»* и др. (Екатеринбург); *парк культуры и отдыха «Металлург» им. Тищенко*²⁷, *сквер ЧМК* рядом с Челябинским металлургическим комбинатом и др. (Челябинск). Существенно усиливают промышленную палитру названия зданий, причем не всегда функционально связанных с промышленностью: *«Белая башня»*²⁸, *дворец культуры УЗТМ, центр культуры «Эльмаш»* и др. (Екатерин-

²⁷ О. И. Тищенко в советские годы сделал карьеру от простого рабочего до заместителя главного инженера ЧМЗ.

²⁸ Бывшая водонапорная башня завода УЗТМ (Уральского завода тяжелого машиностроения, сокращенно «Уралмаш»).

бург); спортивный комплекс «Металлург», дом работников завода «СТАНКОМАШ», дворцы культуры ЧМК и ЧТПЗ и др. (Челябинск).

Завершающим акцентом в промышленном урбанонимическом портрете обоих городов можно считать названия и облик скульптурных композиций и арт-объектов. Так, «сердце» Екатеринбурга — уже упомянутый Исторический сквер — весьма прихотливо и обильно украшено старинными заводскими механизмами и гигантскими звеньями чугунных цепей по обеим сторонам моста через р. Исеть. Объект называется *«Разорванные цепи пролетариата»*, а в народе — *«Фиги»*, см. рис. 2. Кроме того, совсем недавно на набережной Верх-Исетского пруда в Екатеринбурге появился еще один любопытный объект под названием *«Индустриальный младенец»* (рис. 3). Скульптура представляет собой гигантскую голову младенца, переплавленную из металлолома, и вызывает весьма противоречивые оценки горожан.

Если обратиться к топонимическому ландшафту Челябинска, то он не отстает от Екатеринбурга, а, возможно, даже опережает в плане названий объектов стрит-арта и скульптур промышленной тематики. Индустриальный колорит облику города придается не только названиями классических произведений монументальной и жанровой скульптуры (например, скульптуры *«Доменичик»* и *«Инженер»*, памятник металлургам *«Союз труда и науки»* и др.), но и благодаря целому ряду имен арт-объектов в стиле авангарда: инсталляция *«Железное искусство»* (рис. 4, 5), металлический арт-объект *«Ч»* (рис. 6), скульптура *«Венер»* (в народе — *«Железный человек»*, *«Железный капут»*, *«Гермафродит»* — рис. 7)²⁹ и др. Внешний вид последних навеивает воспоминания о неофициальном эпитете, которым в СМИ окрестили этот южноуральский город — *«Суровый Челябинск»*³⁰ [Совсем не суровый..., 2022].

²⁹ Изначально скульптура стояла в центре Челябинска [Топ-20 малоизвестных арт-объектов Челябинска, 2016], но дальнейшая ее судьба не совсем понятна.

³⁰ Этот эпитет можно применить и к Челябинской области в целом, образ которой «формировался как образ территории “непрекращающегося военного эксперимента”, источника глобальных потрясений, экологических и прочих катастроф: Кыштымская авария (“Маяк”, Теча, Муслумово), Карабаш, солдат Сычѳв,

В Екатеринбурге названия и облик многих объектов уличной скульптуры дополнительно формируют образ технократического города наряду с промышленным: *памятник клавиатуре, фонтан «Машина времени» («Спираль времени»), скульптура «Сердце Урал-маша»* в виде металлического сердца с шестеренками внутри и др.

Кроме промышленности, экономически значимыми для обоих уральских городов являются торговая сфера и финансы. В Челябинске торговля была доминирующим видом хозяйственной деятельности на ранних этапах его истории. Однако со временем она утратила ведущую роль в экономике города, уступив место промышленности. Это заметно и по составу доминантных урбанонимов города, среди которых очень мало имен торгово-финансовой тематики: *ТК «Гостинный двор», конгресс-холл «Центр Международной Торговли Челябинск», аллея финансистов* в сквере «Алое Поле», историческое название бывшего *Здания Госбанка* (ныне объект культурного наследия местного значения) и др.

В то же время любопытная черта в облике современного Челябинска — обилие арт-объектов, изображающих верблюдов, что объясняется официальной символикой города: верблюд изображен на его гербе. Кроме уже упомянутой *скульптуры «Погонщик верблюдов»* на улице Кирова, в Челябинске насчитывается еще как минимум три арт-объекта, изображающих это животное, причем все они находятся в пределах нескольких кварталов друг от друга. Некоторые скульптуры поражают своим нетривиальным внешним видом (рис. 8).

Развитие хозяйственной деятельности Екатеринбурга шло практически в противоположном направлении по сравнению с экономикой Челябинска. Изначально город был преимущественно промышленным, но к настоящему моменту заметное место в его экономике заняли торговля, финансы и предпринимательство. Специфика его доминантной урбанонимии подтверждает эту особенность. В частности, «урбанонимический каркас» города изобилует

поселок Роза, утечка брома в Челябинске, Чебаркульский полигон, «Торнадо», падение бомбардировщика Су-24, метеорит и т. д.» [Щербаков, 2014, с. 69].

названиями, соотносимыми с предпринимательством, торговлей и банками. Сюда относятся неофициальные на сегодняшний день исторические названия зданий дореволюционных банков: *здание Сибирского торгового банка, здание конторы Екатеринбургского государственного банка*; советских финансовых и деловых организаций: *Дом контор, Второй дом контор, здание Центральных сберкасс, здание Уралснабсбыта*; а также имена некоторых современных банков: *Главной офис СБЕР*, в народе называемый «Око Саурана» из-за светящейся в темноте круглой зеленой эмблемы на крыше. Встречаются и урбанонимы, напоминающие о коммерческом прошлом того или иного места, например, ТЦ «*Мытный двор*»; имена новых скверов: *аллея в честь 100-летия финансовых органов Свердловской области* и спортивных сооружений: «СКБ-Банк Арена». Наконец, торгово-финансовый антураж в центральной части Екатеринбурга создается благодаря множеству названий скульптурных композиций, как правило, расположенных рядом с торговыми центрами, магазинами и банками: *памятник Галамартовне* возле ТРЦ «Гринвич»; *памятник «Уральский предприниматель»* — рядом с Уральским государственным экономическим университетом и прямо посреди мини-рынка уральских сувениров под открытым небом.

Поскольку оба уральских города расположены на пересечении множества транспортных путей, в их урбанонимический портрет отчетливо вписана транспортная тематика, в особенности железнодорожная. Первый в России паровоз был спроектирован именно на Урале, на Нижнетагильских заводах, отцом и сыном Черепановыми. Неудивительно, что в обоих городах есть несколько памятников паровозу, в том числе модели Черепановых — в Екатеринбурге.

Как правило, названия железнодорожной тематики относятся к топографическим объектам, которые тяготеют к вокзалам. В Екатеринбурге наиболее крупный кластер расположен вокруг станции Екатеринбург-Пассажирский в составе *микрорайона Вокзальный Железнодорожного района*. Здесь в семиотике пространства можно найти множество имен разноплановых объектов: *улицы Вокзальная и Стрелочников, Дворец культуры железнодорожников, Управление Свердловской железной дороги, памятник паровозу Черепановых*,

памятник воинам-железнодорожникам, жанровые скульптуры «Проводница», «Пассажиры», «Станционный смотритель» и др.

В центре Челябинска подобное тематическое скопление тоже есть, но оно больше растянуто в пространстве вдоль железнодорожного полотна и включает *улицу Железнодорожную, Водонапорную башню, памятник революционерам-железнодорожникам «На новый путь», памятник «Паровоз С-157-24»*. Кроме того, целый ряд объектов с железнодорожной тематикой разбросаны в других местах Челябинска: *микрорайоны Переездный и Локомотивный, физкультурно-спортивный комплекс «Локомотив», памятник «Паровоз Красный коммунар», памятник «Электровоз ВЛ22М-287» и др.*

Другие виды транспорта также представлены в доминантной урбанонимии обоих городов. В Екатеринбурге, например, встречаются названия авиационной тематики: *улицы Самолетная и Реактивная, ТЦ «Дирижабль», модель учебно-тренировочного самолета «Як-50» на крыше здания бывшего Дома обороны «ОСОАВИАХИМ»; имена, связанные с автомобильным (улица Автомагистральная) и водным транспортом (скульптура «Корабль жизни» на набережной Верх-Исетского пруда). В топонимическом ландшафте Челябинска нашли отражение воздушный транспорт: мемориальные объекты *Самолеты Аэро Л-29 «Дельфин», арт-объект «Самолет»; и автомобильный транспорт: декоративная композиция «Машинка».**

Таким образом, доминантная урбанонимия обоих уральских городов подтверждает их индустриальный статус, но в облике Екатеринбурга в дополнение к промышленности отчетливо звучит тема торговли, финансов и предпринимательства. В Челябинской номинативной палитре эти черты остались практически без внимания. Что касается транспорта, то в этом отношении урбанонимия обоих городов акцентирует их значимое положение «на перепутье», а также подчеркивает роль Урала в развитии железных дорог.

Будучи крупными городами, расположенными на пересечении торговых и транспортных путей, Екатеринбург и Челябинск в значительной степени **полиэтничны**. Согласно официальной статистике, в составе населения Екатеринбурга наиболее широко представлены

русские (90,65 %), татары (3,54 %) и украинцы (0,87 %), в меньшей степени другие национальности [Население Екатеринбурга]. В населении Челябинска разнообразия больше: русские (83,8 %), татары (5,36 %), башкиры (4,81 %), украинцы (1,48 %), казахи (1,05 %) и ряд других национальностей [Население Челябинска].

Неудивительно, что полиэтничность нашла заметное отражение в урбанонимии обоих городов. Правда, в челябинских топонимах прослеживается явная тенденция к индивидуальной коммеморации, то есть упоминанию имен выдающихся людей — представителей малых народов: *улица Салавата Юлаева*³¹, *сквер Габдуллы Тукая*³², *сквер им. Мусы Джалиля*³³, *памятник разведчику Исхаку Ахмерову*³⁴, *бюст Х. М. Юсупова*³⁵ и др. Очевидно, что город гордится своей полиэтничностью, демонстрируя ее буквально «в лицах».

В Екатеринбурге, напротив, названия, относящиеся к этой номинативной группе, скорее «обезличены» (преобладает коллективная коммеморация), и их заметно меньше, по крайней мере в центральной части города и среди значимых топографических доминант в других районах: *сквер семей народов Урала «Уральская мозаика»*, *сквер Дружбы народов* и др. При этом в обоих упомянутых скверах полиэтническая тематика дополнительно обыгрывается в семиотике пространства. В *сквере Дружбы народов* установлен памятный знак «Екатеринбург — дом 160 народов», а также *бюст М. М. Джалиля* и арт-объект в виде огромной книги с надписью «А. С. Пушкин» на корешке. Это, по всей видимости, должно отразить полиэтничность литературного творчества в России. В *сквере семей народов Урала «Уральская мозаика»* установлена стела с изображением дерева — символа семьи, рода. Другой арт-объект в этом же месте

³¹ С. Юлаев — башкирский национальный герой и поэт-сказитель, сподвижник Е. Пугачева.

³² Г. Тукай — татарский народный поэт, литературный критик, переводчик.

³³ М. Джалиль — татарский (советский) поэт и журналист, военный корреспондент.

³⁴ И. А. Ахмеров — советский разведчик, по национальности татарин.

³⁵ Х. М. Юсупов — башкирский (советский) борец, основатель южноуральской школы дзюдо в Челябинске.

представляет собой каменную плиту, на которой высечено слово «семья» на 52 языках.

Кроме того, полиэтническая тематика номинативно поддерживается названиями религиозных сооружений в центральной части обоих городов: *синагога* и *мечеть Махалля* в Челябинске; *синагога* и армянская *церковь святого Карапета* в Екатеринбурге. Интересно, что во всех случаях внешний облик зданий отражает этнокультурный колорит (см. рис. 9–12).

Таким образом, дань уважения этническому многообразию отдается в урбанонимии обоих уральских городов.

Важную роль в урбанонимическом портрете обоих городов играет **социокультурная специфика** в широком смысле. Как правило, центр всякого города является средоточием культуры, местом реализации его социокультурных практик. Екатеринбург и Челябинск не стали исключением. Эта номинативная тема буквально пронизывает все топографическое пространство центральной части уральских мегаполисов и менее концентрированно, как бы «эхом», откликается в других районах. Поскольку в культурном плане эти города весьма многомерны, мозаичны и даже отличаются некоторой пестротой, остановимся на ключевых номинативных темах, урбанонимически подсвеченных наиболее ярко: 1) искусство; 2) наука и образование; 3) религия; 4) спорт.

В «урбанонимическом каркасе» Екатеринбурга социокультурный лейтмотив является одним из основных. Более того, образ Екатеринбурга культурного — это, по сути, отдельная картина, со своими нюансами и оттенками. Поэтому наметим эту часть урбанонимического портрета города в самых общих чертах.

Литературная грань екатеринбургской идентичности формируется прежде всего годонимами, посвященными писателям, в том числе уральским, и литературным критикам: *улицы Бажова, Мамина-Сибиряка, Белинского, Тургенева, Пушкина, Гоголя, Горького, Добролюбова, Чернышевского*. Все эти улицы расположены в центре и параллельны друг другу, а нередко следуют на карте друг за другом, формируя представление о Екатеринбурге как о высококультурном городе.

Образ Екатеринбурга читающего создается и в «*Литературном квартале*», где текстовые (в том числе онимические) и полисемiotические знаки сливаются друг с другом, смешиваются, создавая единый неподражаемый колорит. Среди старинных особняков XIX века, где расположены литературные музеи «Литературная жизнь Урала XIX века», «Литературная жизнь Урала XX века», «Объединенный музей писателей Урала» и «Музей Ф. М. Решетникова»³⁶, можно встретить и памятники писателям, например *памятник А. С. Пушкину*, и арт-объекты книжной тематики: *инсталляция «Уральский народный букварь»*. Кроме того, встречаются и весьма оригинальные текстовые формы, посредством которых в современный культурный фонд вовлекаются значимые имена прошлого. Речь идет о плакатах с портретами и цитатами российских и советских писателей: А. С. Грибоедова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. Н. Островского, Ф. М. Достоевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. П. Бажова, А. Л. Барто, Д. И. Хармса и др. Эти плакаты дополнены изображениями, по форме напоминающими дорожные знаки, с аллюзиями к художественным произведениям, некоторые примеры см. на рис. 13–15. По сути, этот формат городской коммуникации близок по жанру к интернет-мемам. В результате создается особый укромный уголок искусства в самом центре бурлящего жизнью мегаполиса.

Литературная номинативная тематика в этой части городского ландшафта дополняется еще несколькими названиями близлежащих объектов: *сквер Литературный, улицы Лермонтова и Николая Никонова*³⁷.

Екатеринбург может похвастаться не только насыщенной литературной средой, но и богатой музыкальной жизнью, причем музыка здесь присутствует самая разная: от классики до рока. Урбанонимически это подчеркивается в некоторых годонимах: *улица Владимира Высоцкого*; в названиях памятников и арт-объектов: *памятники П. И. Чайковскому, Владимиру Мулявину, группе The Beatles, Майклу Джексону, Стена памяти Виктора Цоя*; и про-

³⁶ Русский писатель 2-й половины XIX века, уроженец Екатеринбурга.

³⁷ Н. Г. Никонов — уральский писатель.

чих городских топонимах: *сквер Авета Тертеряна*³⁸, БЦ «*Высоцкий*» и др.

Топонимический ландшафт Екатеринбурга пестрит отсылками и к другим видам искусства, среди которых особенно заметны живопись (*улицы Серова, Сурикова, Репина; ЖК «Вернисаж», ЖК «Кандинский»*), архитектура (*бульвар Архитектора Малахова*³⁹, *сквер имени Константина Бабыкина*⁴⁰, ЖК «*Татлин*»⁴¹), массовое искусство (*памятник братьям Люмьер, памятник Г. Букину*⁴²) и т. д. Таким образом, укрепляется представление, что в Екатеринбурге уживаются разные формы и виды искусства, создавая уникальный симбиоз, многоцветный и многомерный.

В урбанонимическом облике Челябинска культурная составляющая тоже отчетливо прослеживается, хоть и с меньшим размахом. Здесь, в отличие от Екатеринбурга, несколько меньше улиц, посвященных искусству: *улицы Пушкина, Бажова, Руставели, Горького, Татьянической*⁴³ и др. Причем все это топонимы литературной тематики. Есть в Челябинске и крупные урбанонимические «ансамбли». Так, например, заслуживает упоминания *площадь Искусств*, названная так потому, что на ней расположены Театр оперы и балета и концертный зал. В этом пространстве мы найдем монументонимы, поддерживающие указанную номинативную тему: *памятники М. И. Глинке и С. С. Прокофьеву*. Визуально музыкальная тематика этой части городского пространства усили-

³⁸ А. Р. Тертерян — армянский советский композитор. В начале 1990-х годов он давал мастер-классы в Уральской государственной консерватории. Скончался композитор тоже в Екатеринбурге в 1994 году.

³⁹ М. П. Малахов — один из крупнейших архитекторов Екатеринбурга начала XIX века.

⁴⁰ К. Т. Бабыкин — российский и советский архитектор, спроектировавший многие здания в Екатеринбурге (Свердловске), в том числе здание Управления Свердловской железной дороги, рядом с которым находится сквер, названный его именем.

⁴¹ В. Е. Татлин — живописец, родоначальник конструктивизма.

⁴² Гена Букин — герой российского телесериала «Счастливы вместе», по сюжету он работал продавцом обуви в одном из торговых центров Екатеринбурга.

⁴³ Л. К. Татьяничева — челябинский поэт, писатель, журналист, общественный деятель XX века.

вается с помощью граффити с изображением С. С. Прокофьева на трансформаторном шкафу, расположенном рядом с памятником тому же композитору (рис. 16).

Другой крупный кластер урбанонимов, транслирующих номинативную тему искусства, находится в районе *площади Театральной*. К ней примыкает *городской сад им. А. С. Пушкина*, семиотическое пространство которого пронизано литературно-сказочной тематикой. Помимо нескольких монументонимов, посвященных самому А. С. Пушкину, здесь можно встретить названия арт-объектов, напоминающие о его сказках: *фонтан «Золотая рыбка»*, *арт-композиции «Балда»*, *«Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»*, *«Шамаханская царица»*, *«У разбитого корыта»* и проч. Некоторые имена соотносятся и с другими произведениями А. С. Пушкина: *скульптурная композиция «Скамья Татьяны Лариной»*, *арт-композиция «Метель»*. Многие арт-объекты сопровождаются табличками с четверостишиями из соответствующих произведений поэта, что создает семиотическую многомерность этого фрагмента городского пространства.

Пушкинская тема в центральной части Челябинска звучит весьма отчетливо. Рядом с городским садом имени поэта находится ЖК «Парк Пушкинский», а примерно в квартале от этого сада проходит *улица Пушкина*, на которой расположен БЦ «Пушкинский». Интересно, что эта улица упирается прямо в *сквер им. композитора Петра Чайковского*, в котором установлен *бюст П. И. Чайковскому*. Вполне возможно, что эта особенность номинативного соседства не случайна: в своем творчестве П. И. Чайковский неоднократно обращался к произведениям А. С. Пушкина.

В целом в челябинской урбанонимии, как и в екатеринбургской, нашли отражение разные виды искусства: живопись (ЖК «Леонардо»); музыка (*скульптурная композиция «Джаз»*, *граффити «Портрет В. Высоцкого»*, *барельеф «Уральский Диксилэнд Игоря Бурко»*); театр (*Театральная площадь*); литература (*сквер «Литературный»*, *памятник Дон Кихоту*); массовое искусство (*скульптура «Будь в кадре»*).

Екатеринбург и Челябинск как областные центры и крупные города заинтересованы в привлечении высококвалифицированных

специалистов. Поэтому им очень важно поддерживать имидж города, в котором процветают образование и наука. Нередко образовательная тематика находит отражение в названиях топографических объектов, расположенных рядом со зданиями высших учебных заведений. Так, в Екатеринбурге большинство названий, соотносимых с наукой и образованием, сгруппированы вокруг Уральского федерального университета. Изначально этот микрорайон строился как городок высших технических учебных заведений и получил соответствующее название — *Втузгородок*. Здесь проходят улицы *Академическая*, *Библиотечная*, *Студенческая*, *Софьи Ковалевской*, *Лобачевского* и др. В Челябинске подобное скопление урбанонимов обнаруживается вокруг главного здания Южноуральского государственного университета: *памятник студенту*, *сквер Студенческих отрядов* и два *переулка Институтских*. Другим центром притяжения урбанонимов образовательной тематики в Челябинске является Челябинский государственный университет, рядом с которым проходит *Университетская набережная*, а возле самого ЧелГУ можно найти *Философский сад камня* и *памятник Профессору*.

С темой образования неразрывно связана номинативная тема науки, которая в первую очередь прослеживается в названиях некоторых городских районов. В Екатеринбурге это новый район *Академический*, где в годонимах последовательно запечатлены имена отечественных академиков: *проспект Академика Сахарова*, *улицы Академика Вонсовского*, *Академика Ландау*, *бульвар Академика Семихатова* и др. В Челябинске есть район *Курчатовский*, но там подобных урбанонимических «ансамблей» не встречается. Однако заметное скопление названий научной тематики есть рядом с тем же Южноуральским государственным университетом: *площадь Науки*, *памятник академику И. В. Курчатову*, *торговый комплекс «Курчатов»* и необычный арт-объект «*Альберт Эйнштейн*», представляющий собой известное изображение ученого с высунутым языком, выложенное на тротуаре плиткой разных оттенков. Столь частое упоминание имени И. В. Курчатова в челябинской урбанонимии объясняется тем, что знаменитый ученый-физик родился на территории Симского завода, ныне относящейся к Челябинской обла-

сти. По аналогии в названиях городских объектов Екатеринбурга нередко происходит обращение к имени А. С. Попова — уральского изобретателя радио. В частности, можно встретить *улицу, сквер, памятник*, посвященные А. С. Попову.

Семиотика пространства в центре Екатеринбурга дополнительно создает атмосферу, приглашающую к философским размышлениям. Этому способствуют такие названия, как *мурал «Манифест о свободе и несвободе», инсталляция «Точка зрения»* (сама композиция выполнена в форме большого многомерного глаза) и т. п. Такого рода урбанонимы дополняются текстами новых жанров городской коммуникации. Например, на крыше одного из зданий на набережной Исети смонтирована надпись *«Кто мы, откуда, куда мы идём?»*, а в одном из парков есть арт-объект, представляющий собой своеобразную цитату: *«Относись ко мне с любовью! Жизнь»*. В этих разноплановых текстовых формах, включенных в семиотику городского пространства, проскальзывает и тема «перепутья», и стремление уральского города идти своим, ни на что не похожим путем.

Если обратиться к другим областям культуры, значимую роль в жизни российских городов на постсоветском этапе стала играть религия. В топонимическом ландшафте обоих уральских городов ее место весьма заметно. Преобладают экклезионимы — названия различных религиозных сооружений, большинство из которых были построены с нуля или восстановлены после распада Советского Союза: *Свято-Троицкий кафедральный собор, Вознесенское архиерейское подворье, Александро-Невский Ново-Тихвинский женский монастырь, синагога, церковь христиан-адвентистов Седьмого Дня, Первая объединенная методистская церковь* и др. (в Екатеринбурге); *храм благоверного князя Александра Невского, Свято-Симеоновский кафедральный собор, кафедральный собор Рождества Христова, мечеть Махалля, синагога* и др. (в Челябинске). Эта номинативная тематика урбанонимов пересекается с темой полиэтничности и подчеркивает уважительное отношение к разным культурам и верованиям.

Наконец, в социокультурном облике двух городов выделяется еще одна заметная черта — насыщенность спортивной жизни.

Более ярко она выражена в урбанонимии Екатеринбурга, нежели Челябинска. Названия спортивной тематики в топонимическом ландшафте обоих городов тяготеют к местам, где расположены разного рода спортивные сооружения. В Екатеринбурге это прежде всего *Дворец игровых видов спорта* (ДИВС), вокруг которого организовался ансамбль из следующих топонимов: *Олимпийская набережная*, *спортивный комплекс «Динамо»*, *сквер им. Канделя*⁴⁴, *улица Физкультурников* и *скульптурная группа «Уралочке посвящается»*. В последнем случае имеется в виду название нового объекта городского пространства, изображающего нескольких волейболисток екатеринбургской команды «Уралочка» с их знаменитым тренером Н. В. Карполем. Центром другого крупного спортивного кластера выступает *Дворец спорта* с прилегающей к нему одноименной аллеей и памятниками *Воинам-спортсменам Урала и хоккеистам клуба «Локомотив»*, а также стелой *«Я люблю хоккейный клуб «Автомобилист»»*.

В центре Челябинска тема спорта очерчена названиями: *дворец спорта «Юность»*, *легкоатлетический комплекс им. Е. Елесиной*⁴⁵, *скульптура «Руки, мячик и кепка»*, *декоративное сооружение «Ключика и шайба»* и др. Однако своеобразие челябинского спорта раскрывается в урбанонимах, посвященных теме дзюдо: *Центр олимпийской подготовки по дзюдо Челябинской области им. А. Е. Миллера*⁴⁶, *арт-объект «Чемпион дзюдо»*, *бюст Х. М. Юсупова*.

Таким образом, с точки зрения искусства и культуры, урбанонимический облик Екатеринбурга и Челябинска весьма многослоен и разнообразен, однако в целом наблюдаются схожие тенденции в городской номинации. Некоторые черты своеобразия прослеживаются, пожалуй, лишь в номинативных темах «литература» и «спорт».

В качестве завершающего штриха к урбанонимическому портрету каждого из городов скажем несколько слов о неофициальной,

⁴⁴ А. Е. Кандель — советский и российский баскетболист и баскетбольный тренер.

⁴⁵ Советская и российская прыгунья в высоту, олимпийская чемпионка, родилась в Челябинске.

⁴⁶ Главный тренер сборной Челябинской области по дзюдо.

или народной урбанонимии⁴⁷, транслирующей обиходно-бытовой срез городской речевой коммуникации.

В Екатеринбурге для народных топонимов характерны стилистические коннотации, указывающие на нежно-шутливое (*Харитоновский парк* — *Харитоша*), либо грубоватое, фамильярно-панибратское отношение (*микрорайон Старая Сортировка* — *Сортига*) горожан к Екатеринбургу. Немало здесь и вымышленных персонажей: *Гэндальф* (памятник «Седой Урал», изображающий длинноволосого старика с мечом в руке), *Гоблин* (дом № 17 на ул. Энгельса), *око Саурана* (головной офис СБЕР) и др. Таким образом создается некий несерьезный образ города, местами — гротескный, местами — шутливый, ироничный.

Что касается неофициальных топонимов Челябинска, то большинство из них работают на формирование имиджа «сурового», даже несколько зловещего города: *Могильниковская* (улица Могильникова); *Воровская* (улица Воровского); *Мясо* (р. Миасс); *Стеклорез* (перекресток проспектов Победы и Свердловского, топоним восходит к названию уже не существующего магазина, расположенного в этом месте); «*Морг*» (район у медгородка, по улице Варненской); *Гермафродит* / *Железный человек* / *Железный капут* (арт-объект «Венер»); *Калибр* (район улицы Худякова между перекрестками с улицами Лесопарковой и Энтузиастов — название возникло из-за расположенного здесь одноименного торгово-выставочного комплекса). В этом отношении Челябинск заметно отличается от Екатеринбурга.

Итак, что же получится, если собрать воедино урбанонимический портрет каждого из уральских городов-миллионников? Оба города предстают перед нами крупными промышленными центрами, ориентированными на развитие науки, образования и культуры. Для обоих характерны некоторые «столичные» замашки и некое срединное положение, «на перепутье». При этом с точки зрения исторической коммеморации как в Екатеринбурге, так и в Челя-

⁴⁷ Подробнее о неофициальной урбанонимии говорилось в гл. 3 и 4 первого раздела.

бинске до сих пор отчетливо звучит голос советского прошлого. Однако, если присмотреться, урбанонимический облик каждого из них включает немало особенностей.

Екатеринбург предстает перед нами эклектичным, мозаичным, многоликим. Это город-карнавал, город тысячи масок. Здесь из-за благообразного фасада классической культуры и православной религии прорываются всполохи авангарда и андеграунда, неклассической музыки и житейской философии, иных верований и представлений о мире⁴⁸. Это город, где рядом со старинными деревянными усадьбами соседствуют небоскребы. Здесь умеренно, но не чрезмерно подчеркивается полиэтничность. При этом, расположенный в Азии, Екатеринбург всеми силами стремится показать свою европеизированность, инновационность, элитарность. География региона представлена в «урбанонимическом каркасе» Екатеринбурга с размахом: меньше локальных особенностей, больше отсылки к Уралу в целом. При этом здесь видится меньше природы, но больше технологий, судя по названиям топографических объектов. Это город, покоривший природную стихию, загнавший под землю мелкие речушки и вырастивший на их месте леса многоэтажных домов. Контрасты проявляются и в хозяйственной номинативной теме «столицы Среднего Урала». Изначально промышленный город-завод, Екатеринбург со временем превратился в мегаполис, где наряду с промышленностью заметную роль играют финансы, торговля и предпринимательство. Таким образом, с точки зрения своего урбанонимического портрета, Екатеринбург — это во всех смыслах город «на перекрестке дорог», который устремляется одновременно во все стороны, причем очень активно.

Челябинск, в отличие от своего северного соседа, более единообразен и последователен. Это город, который чтит традиции и твердо стоит на ногах. Здесь несколько более отчетливо, чем в Екатеринбурге, звучат лейтмотивы Великой Отечественной войны. Южноуральский мегаполис последователен и конкретен в акценти-

⁴⁸ В этой связи можно вспомнить inferнальное прозвище, которым окрестили Екатеринбург столичные СМИ: «город бесов».

ровании своей полиэтничности. В то же время контрасты не чужды и Челябинску. Во-первых, он отодвинул в сторону свой изначально торговый приоритет в пользу усиления промышленности. Вторым важным и, пожалуй, наиболее яркий контраст — это симбиоз промышленности и природной среды. В местном топонимическом ландшафте последовательно передается ценность сохранения природных богатств, но при этом подчеркивается и промышленный статус города.

В целом, несмотря на значительное сходство двух уральских городов, Челябинск представляется более солидным, серьезным, «суровым» (по определению, данному в СМИ) и менее карнавальным, эклектичным, чем Екатеринбург. Челябинск более ориентирован на локальное и региональное, Екатеринбург — на общеуральское и глобальное; Челябинск больше тяготеет к конкретике в номинации, Екатеринбург — к обобщениям. В результате, несмотря на многие схожие черты, эти две уральских «столицы» выглядят весьма своеобразными, у каждой свой колорит, свои приоритеты развития и своя неповторимая атмосфера.

Разумеется, весьма непросто урбанонимически передать все нюансы территориальной идентичности. Городские топонимы лишь намечают основные черты местной уникальности, а отдельные аспекты могут вообще оказаться вне фокуса внимания, прежде всего из-за ограниченного количества самих топографических объектов. В то же время особенности локальной и региональной идентичности очень важно учитывать в муниципальной топонимической политике. Это позволит избежать диссонанса городской номинации с представлениями жителей о своем городе и подчеркнуть уникальность городского пространства для его гостей. Обратимся более подробно к вопросам и перспективам муниципальной топонимической политики в следующем разделе монографии.

Рис. 1. Репродукция фотографии «Комбат» на стене одного из челябинских зданий [Топ-10 неофициальных названий..., 2016]

Рис. 2. Часть скульптурной композиции «Разорванные цепи пролетариата» в Екатеринбурге [Фиги, Объекты, Памятники, Екатеринбург, 2010]

Рис. 3. Скульптура «Индустриальный младенец» в Екатеринбурге [«Индустриальный младенец» на берегу пруда]

Рис. 4. Фрагмент инсталляции «Железное искусство» в Челябинске [Иван Тряпицын — Железное Искусство, 2019]

Рис. 5. Фрагмент инсталляции «Железное искусство» в Челябинске [Иван Тряпицын — Железное Искусство, 2019]

Рис. 6. Арт-объект «Ч» в Челябинске [Топ-20 малоизвестных арт-объектов Челябинска, 2016]

Рис. 7. Скульптура «Венер»
[Чурбан железный быстро заржавел..., 2014]

Рис. 8. Один из верблюдов Челябинска рядом
с Театром драмы [Уникальный бронзовый верблюд..., 2015]

Рис. 9. Синагога в Челябинске
[Челябинская синагога]

Рис. 10. Мечеть Махалля в центре Челябинска
[Мечеть Махалля 129]

Рис. 11. Синагога в Екатеринбурге
[Екатеринбургская синагога]

Рис. 12. Церковь святого Карапета в Екатеринбурге
[Церковь Святого Карапета]

Рис. 13. Плакат в «Литературном квартале»
Екатеринбурга [Петухов, 2018]

Рис. 14. Плакат в «Литературном квартале»
Екатеринбурга [Петухов, 2018]

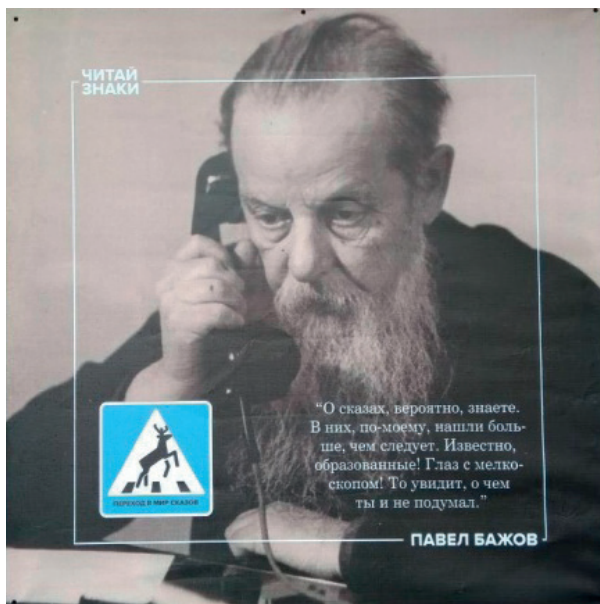

Рис. 15. Плакат в «Литературном квартале»
Екатеринбурга [Петухов, 2018]

Рис. 16. Граффити на трансформаторном шкафу
[Роспись шкафа у памятника Прокофьеву]

Раздел 3

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Глава 1. Муниципальная топонимическая политика как научная проблема

Официальные урбанонимы участвуют в реализации хозяйственно-экономической деятельности. Местонахождение компаний, учреждений, организаций, местожительство граждан, расположение зон специальной промышленной, коммерческой, спортивной или досуговой активности, размещение дорог и транспортных путей и т. д. — все без исключения адресные описания требуют использования топонимов. В свою очередь, наличие адреса необходимо для регистрации прав собственности на объекты владения как для юридических, так и физических лиц. Таким образом, городские топонимы оказываются вовлеченными в весьма широкий круг общественных отношений. Отсюда проистекает прямая заинтересованность субъектов муниципального управления в том, чтобы городская территория была обеспечена надлежащим в количественном и качественном отношении сводом топонимических обозначений.

Однако утилитарные задачи не ограничивают более широкой прагматики урбанонимического означивания. Городские топонимы справедливо оцениваются как часть символического капитала [Замятин, 2003], знаки виртуального пространства памяти и духовного опыта. Системная работа по их упорядочиванию и рациональному развитию урбанонимического фонда традиционно составляют еще одну важную грань управления топонимическим общественным

достоянием. Это направление соотносится с понятием «топонимическая/урбанонимическая политика».

Феномен топонимической политики имеет сложное устройство: в нем объединяется целый комплекс аспектов — организационно-управленческих, правовых, социальных, культурных, лингвистических. Эта синкретичность и многоплановость объективно обуславливает открытый характер вопросов, связанных с научно-теоретической детализацией самого феномена и с обоснованием подходов к механизмам его реализации.

Термин «топонимическая политика» отсутствует в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [Подольская, 1978, 1988]. Его нет и в известных нам зарубежных словарях ономастических терминов. В то же время, несмотря на отсутствие лексикографических дефиниций, словосочетание «топонимическая политика» используется в ряде гуманитарных исследований, которые затрагивают разные аспекты интерпретации связей человека и места, человека и ландшафта, духовной и социальной стороны освоения и преобразования человеком геопространства. Понятие топонимической политики не подвергается в этом случае специальной расшифровке или теоретическому объяснению, но включается в истолкование социальных явлений, которые связаны с топонимическим означиванием и с восприятием топонимов в общественном сознании.

В гуманитарной географии (предметная область которой пересекается с так называемыми культурной географией, географией человека, социокультурной географией, общественной географией, гуманистической географией) топонимическая политика упоминается в контексте трансляции культурного опыта как культурно-символьная деятельность по передаче ценностных смыслов и сохранению историко-культурного наследия [См.: Букин, Букина, 2009, с. 187; Демьянов, Рыженко, 2016].

Критическая гуманитарная география, и критическая топонимика как ее частное направление, часто обращаются к оценочному осмыслению социально-политической роли топонимов и, соответственно, к политическому подтексту топонимического наречения

[Azaryahu, 1990, 1997; Alderman, Inwood, 2013; Drozdowski, 2014; Light, 2004; Light, Young, 2014; Light, Nicolae, Suditu, 2002; Peake, Sheppard, 2014; Rose-Redwood, 2006, 2008, 2011 и др.]. Ключевое слово «политика» в значении «политическая сфера общественной жизни» в значительной мере определяет тематическое своеобразие работ, сосредоточенных на критическом анализе топонимических практик. Топонимическая политика в них представляется прежде всего как дискурс власти, манифестируемый в актах топонимического наречения и/или переименовании в целях реализации интересов властных элит и/или в духе текущей политической конъюнктуры.

Так, по мнению израильского специалиста Мишеля Азарьяху, с идеями которого связывают начало развития критической географии, присваивая себе право наделять пространственные объекты коммеморативными топонимами, власть берет на себя функцию переписывания истории и внедряет выгодные для себя приоритеты [Azaryahu, 1990, p. 52]. Коммеморативные имена, введенные императивным путем в названия улиц, закрепляют официально одобренную версию истории в городском пространстве и через свой семиотический потенциал вводят идеологические основы текущего правящего социально-политического порядка в сферы социальной коммуникации [Azaryahu, 2009, p. 465]. Закономерно, что наиболее ярко «топонимический» дискурс власти, репрезентированный в коммеморативных топонимах, являет себя в периоды бурных политических преобразований, смены политических режимов и масштабных социальных изменений.

В работах Д. Олдермана, продолжившего развитие идей критического анализа топонимических практик, появляется тема символического сопротивления топонимической власти [См.: Терентьев, 2016, с. 6] и понятия политик наименования и переименования, политик памяти и забвения, политик пространства и шкалы [См.: Alderman, 1996, 2000, 2002, 2003, 2008a, 2008b, 2013].

В русле критической социологической интерпретации топонимических практик продолжаются и некоторые исторические, политологические и собственно лингвистические исследования конца

XX — начала XXI столетия. Вопросы топонимической политики сосредоточиваются в них в основном на проблемах переименования по политическим мотивам либо номинации как манифестации неких политических посылов. Наиболее обсуждаемая проблематика — это замена топонимов на постсоветском пространстве, в странах Центральной и Восточной Европы, а также странах Латинской Америки и постколониальной (для юга континента — постапартеидной) Африки [Crețan, Matthews, 2016, David, 2013; Drozdowski, 2014; Light, 2004; Manatsha, 2014; Murray, 2000; Myers, 1996; Neethling, 2016; Odaloš, 1995, 1996; Palonen, 2008; Rose-Redwood, 2011; Rose-Redwood, Alderman, Azaryahu, 2017; Vuolteenaho, Ainiala, 2009 и др.].

В целом можно сказать, что усилия представителей гуманитарной географии, критической географии, политологии, социологии, культурологии концентрируются на одних и тех же точках приложения — знаковой социально-политической и историко-культурной нагрузке топонимов. И то, и другое оценивается с точки зрения положительного либо отрицательного влияния на общественное сознание, на формируемый образ места в его политических коннотациях либо культурной специфике. Соответственно, политика топонимической номинации представляется как «способ топонимического производства пространства в культурных или политических ландшафтах» [Басик, 2018в, с. 56].

И российская гуманитарная география (термин, укоренившийся в отечественном тезаурусе) и западная гуманитарная критическая география (термин англоязычных научных работ), нередко совпадая в полипарадигмальной методологии и в частных темах исследований, стараются расширить горизонт своих изысканий и в равной степени демонстрируют экспансию в другие предметные области. Например, предпринимаются попытки через топонимический материал и номинативную политику обратиться к вопросам маркетинга территорий и обсудить образ территории в коннотациях, работающих на ее восприятие в аспекте туристического маркетинга [Medway, Warnaby, 2014; Mühlhäusler, Nash, 2016]. Из отечественных работ репрезентативна в этом отношении статья О. А. Полюшкевич

«Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска). В работе одновременно затрагиваются вопросы переименования по политическим мотивам и задачи топонимической номинации, которая призвана нобилизировать образ Иркутска в целях повышения его туристической привлекательности [Полюшкевич, 2017].

Исключительно важный ракурс оценки топонимической политики намечен в работах, посвященных процессам наименования и переименования на территориях с полиэтническим населением и сосуществованием двух и более языков. Здесь тема топонимической политики корреспондирует с более масштабной категорией языковой политики и более широким полем деятельности, которая осуществляется на государственном либо региональном уровне [Teutsch, 2016]. В российских политологических наблюдениях особую остроту эта проблематика получает в отношении территорий бывших республик СССР, а ныне самостоятельных национальных государств, где языковая, а вслед за ней и топонимическая политика могут приобретать нетолерантный характер в отношении топонимов, сформировавшихся на языке/языках нетитульных наций [См.: Алейников, 2014].

На феномен топонимической политики выходят исследования, выполненные логике развития современной ономастики, которая уже давно заявила курс на углубление социолингвистической и лингвокультурологической проблематики. Так, двигаясь в сторону сближения с социологией языка, ономастика делает попытки осмыслить топонимическую политику в связи трансляцией этнокультурной и локальной идентичности. Появляются работы, где выбор официальных форм городских топонимов в ситуации смешанного, полиэтнического состава населения оценивается в качестве лексической манифестации этнокультурной ситуации, с одной стороны, и как отражение установок власти, в чьем ведении находится политика и практика наименования и переименования городских объектов — с другой [Felecan, 2015; Галактионова, 2016; Коныратбаева, Тусупбекова, 2016; Разумов, Горяев, 2020].

Почему именно урбанонимы как особая разновидность топонимов чаще всего выводятся в настоящее время на первый план научной рецепции¹?

Во-первых, это изменения в политическом ландшафте Восточной и Центральной Европы, Средней Азии, Кавказа, Африки, Латинской Америки; демократизация социальной жизни в ряде стран, изменивших вектор своего политического развития; вхождение стран в новые политические и экономические союзы, сложное сопряжением процессов глобализации и стремления к национальной, этнической самобытности; реформативное языковых ситуаций в связи с изменением статусов сосуществующих языков и рост конфликтности в ряде многоязычных ситуаций — эта геополитическая тектоника породила общественный запрос на топонимическую перестройку, практические номинативные действия и, соответственно, их научное обсуждение.

Во-вторых, официальные урбанонимы обладают высокой степенью вовлеченности в массовую коммуникацию (публицистическую, художественную, просветительскую и т. д.) и коммуникацию деловую (административную, правовую, хозяйственную), и уже это обстоятельство сообщает им свойство языкового материала, попадающего в зону риска при радикальных изменениях внешней среды, — они в числе первых подвергаются ревизии и преобразованиям под влиянием внешних причин, например, действия установок на политические «чистки» истории или приоритеты государственной языковой либо культурной политики.

Во-третьих, урбанонимический «мейнстрим» во многом обусловлен новым взглядом на городские топонимы как знаки городского текста (а точнее, гипертекста), которые помогают разворачивать

¹ Красноречивый пример тому — активное обсуждение урбанонимического материала на международных ономастических конференциях 2017–2019 годов: «XXVI International Congress of Onomastic Sciences» (2017. Debrecen, Hungary), «The 4th International Conference on Onomastics: Name and Naming» (2017. Baia Mare, Romania), «The 2nd Ostrava Onomastic Meeting Event» (2018. Ostrava, Czech Republic), где соответствующий контент составил плотно скомпонованное тематическое направление.

историко-культурную информацию о локациях в познавательных нарративах для внешних аудиторий и самих жителей. Отсюда, например, проистекает введение урбанонимов в контекст научных рассуждений об образе территорий и его аксиологическом истолковании.

В-четвертых, урбанонимы стали неотъемлемой частью современной маркетинговой коммуникации для бизнеса и потому вошли в обсуждение вопросов, связанных как с лингвистической стороной брендинга, так и с лингвистической экологией. В числе таких вопросов участие топонимов в коммодификации пространства, их использование в рекламировании и продвижение локаций, влияние новых топонимов на позитивное развитие или, напротив, на деструкцию сложившихся топонимических ландшафтов и так далее.

Наконец, в-пятых, урбанонимы, осмысляемые сквозь призму субъективного восприятия человеком городской пространственной среды и особенностей его самочувствования, позволяют по-новому взглянуть на психологию «переживания» атмосферы города и его отдельных мест и, в частности, оценить значимость таких параметров, как относительная устойчивость топонимического свода, удобство для «прочтения» (понимания ракурса интерпретации) городского ландшафта, трансляция черт, которые придают уникальность портрету города.

Подводя итоги нашего обзора, нельзя не признать, что выход на вопросы урбанонимического означивания через научный аппарат разных гуманитарных исследований способствует наращиванию представлений о «власти» символических знаков над общественным сознанием и об инструментальной функции топонимов в формировании картины мира в ее политическом и социокультурном фрагментах, равно как и в укреплении чувства причастности человека к физическому и духовному пространству определенной территории.

Однако указанные направления в развертывании научного дискурса о городской топонимии и топонимических практиках, решая собственные задачи, не создают целостного представления о феномене урбанонимической политики как созидательной, сложной и стратегически важной топонимической деятельности, в поле

которой пересекаются многочисленные общественные запросы. Критический географо-социологический анализ не выходит на уровень конструктивных предложений. Семиотический «текстовый анализ» города раскрывает особый угол зрения на его вербальное знаковое пространство, но не переводит результаты в плоскость практической работы по топонимическому означиванию. Оценка роли урбанонимов в геобрендинге ограничивается рассмотрением задач коммерческой выгоды и мало объясняет возможные выгоды населения и, соответственно, участия муниципальной власти в реализации интересов населения.

Таким образом, несмотря на солидный научный бэкграунд в интерпретации урбанонимии и урбанонимического наречения, есть разрыв между потребностями в концептуальном рассмотрении топонимической политики, что важно для перспективного урбанонимического планирования и рационального урбанонимического строительства, и дефицитом необходимых теоретико-методологических разработок.

Глава 2. Топонимическая (урбанонимическая) политика: понятие, структура, нормативные основы и принципы реализации

В трактовке явления топонимической политики мы будем исходить из содержания самой деятельности (официальное присвоение именных обозначений пространственным объектам) и понимания слова «политика» в широком значении, которое связано со стратегическим управлением в любой сфере общественной жизни: «общее руководство для действий и принятия решений, которое облегчает достижение целей» [Мескон, Альберт, Хедоури].

Такой подход к интерпретации топонимической политики позволяет на начальном этапе вывести ее смыслового поля других «политик» и сосредоточиться на объяснении, которое связано с главной функцией топонимов — функцией адресной или, точнее, координатной.

Рассматриваемая как вид руководящей, управленческой деятельности, топонимическая политика имеет свои функциональные цели и задачи. Главная из них заключается в том, чтобы обеспечить деловую, хозяйственную жизнь общества в масштабах страны, региона или населенного пункта знаками, которые маркируют объекты, выделенные в природном и/или искусственном, созданном либо преобразованном человеком ландшафте. Именно исходя из основной, координатной семиотической нагрузки топонима правомерно говорить о том, что основная цель топонимической политики заключается в обеспечении потребностей социума в достаточном количестве топонимов, необходимых для навигации в пространстве при осуществлении любых видов полезной социальной активности.

Поскольку управление сложными социально-хозяйственными системами есть функция власти, топонимическая политика относится к зоне ответственности государственной власти, в чье ведение входит организация и регулирование общественной жизнедеятельности людей (в целях ее упорядочивания, сохранения, преобразования), следовательно, управление топонимической политикой не может осуществляться вне правового поля, установленного законодательством. Таким образом, еще одна характеристика топонимической политики представляет ее как вид легитимной, институализированной деятельности, которая выполняется уполномоченными субъектами права.

В Российской Федерации основа для осуществления топонимической политики заложена в федеральном законодательстве. Базовым документом выступает Закон от 17 октября 1997 года № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов», который, в свою очередь, дополнен рядом указов и постановлений. Закон определяет общие правила в отношении процедур присвоения наименований географическим объектам и переименования географических объектов, а также содержит установления в части нормализации, употребления, регистрации и учета топонимов.

Топонимическая политика имеет дело с так называемыми официальными топонимами — именами, которые предназначены, в пер-

вую очередь, для использования в сфере деловой коммуникации. Такие топонимы, вне зависимости от того, были ли они созданы в ситуации именованного нового объекта или выбраны из набора некоторых вариантов, бытующих в употреблении, для закрепления в качестве основных фиксируются в текстах предписательного характера. На первом этапе это тексты административных документов (указов, постановлений). Далее их дополняют тексты нормативные, нормативно-справочные, нормативно-технические, к которым относятся реестры, классификаторы, карты, атласы, справочники, словари, адресные книги и т. д.

В материальный окружающий человека физический ландшафт официальные топонимы также вносятся в письменных формах, но через малые текстовые жанры — указатели, вывески, адресные таблички. В правилах их составления, оформления и применения в равной степени способна проявлять себя топонимическая политика. Здесь от ее последовательности или, напротив, неупорядоченности и небрежности будут зависеть качества коммуникативной среды для пространственной ориентации — наличие или отсутствие барьеров в ее «прочтении» и однозначном понимании. В городской среде это отчетливо демонстрируют ситуации с достаточным или, напротив, недостаточным для навигации количеством уличных табличек, с унифицированным либо спонтанным переводом урбанистических названий на иностранный язык или на контактный язык.

Тесная связь топонимической политики с нормативной стороной употребления топонимов позволяет характеризовать ее как деятельность кодифицирующую — упорядочивающую и систематизирующую. И поскольку она направлена на системное продуцирование новых топонимов либо коррекцию уже существующих на основе сформулированных подходов, правил и регламентов, то неотъемлемыми содержательными процессами являются стандартизация топонимических обозначений, выработка и уточнение норм оформления, перевода на другие языки и т. д.

Суммируя приведенные характеристики, можно сказать, что топонимическая политика представляет собой сложную по структуре деятельность, обладающую своей организационно-целевой

стороной, принципами и правилами реализации и практическим воплощением.

Рассматриваемая в статическом аспекте, топонимическая политика есть совокупность правовых, организационных, научных, методических, информационно-коммуникационных оснований, которые обеспечивают концепцию и регламенты присвоения топонимов, а также нормы их употребления в сфере социальной деловой коммуникации.

В аспекте динамического топонимическая политика — это сама практика присвоения официальных топонимов пространственным объектам, которая осуществляется уполномоченными субъектами права.

Однако поскольку результаты топонимической политики напрямую выходят в сферу широкой общественной жизни, не менее значимой для топонимической политики оказывается связь с другими видами «политик»: языковой, национально-этнической, культурной, идеологической. Это актуальная гуманистическая, социокультурная часть управленческой работы по топонимическому означиванию. От ее реализации зависит то, что относится к сфере сохранения, культурного наследия, поддержания и развития национально-этнической, региональной и/или локальной идентичности. В этой связи весьма показательным, что в Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» уже введено общее программное положение не только об учете, но и о «сохранении наименований географических объектов как составной части исторического и культурного наследия народов Российской Федерации» [Федеральный закон № 152-ФЗ].

Законы РФ распределяют зоны ответственности в присвоении географических названий. Урбанонимы, которые маркируют объекты, находящиеся в собственности муниципалитетов, муниципальных объединений и городских округов, относятся к сфере полномочий органов местного самоуправления, поэтому соответствующая политика топонимического означивания в аспекте управленческой деятельности подразумевает «право и реальную способность муниципалитетов регламентировать публичные, социально значимые

дела и управлять муниципальной собственностью, в том числе землею и природными ресурсами, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения» [Федеральный закон № 131-ФЗ].

Итак, урбанонимическая политика как разновидность политики топонимической представляет собой нормативно-правовую руководящую и управленческую основу, определенный механизм ее осуществления и собственно практические действия. Создание долгосрочных программ топонимической деятельности, основанных на сформулированной концепции муниципальной топонимической политики, является урбанонимическим планированием, а их реализация — урбанонимическим строительством.

Основными законодательными документами для осуществления топонимической (урбанонимической) политики являются следующие:

— Федеральный закон от 17 октября 1997 г. № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» [Федеральный закон № 152-ФЗ];

— Федеральный закон 28 декабря 2013 г. № 443-ФЗ «О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [Федеральный закон № 443-ФЗ];

— Постановление Правительства РФ от 19 ноября 2014 г. № 1221 «Об утверждении Правил присвоения, изменения и аннулирования адресов» [Постановление Правительства РФ № 1221];

— Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный закон № 131-ФЗ];

— уставы муниципалитетов (муниципальных образований, городских округов и т. п.);

— локальные нормативные акты о порядке присвоения названий топонимическим объектам на территории, находящейся в ведении органов местного самоуправления.

В реализации региональной топонимической политики важная роль принадлежит институализированным экспертным сообществам — топонимическим комиссиям или топонимическим комитетам, которые создаются при местных органах самоуправления. Именно они коллегиально выполняют функции консультирования власти и вынесения рекомендаций по присвоению топонимов либо переименованию и, по сути, должны являться теми посредническими инстанциями, которые обеспечивают взаимодействие власти и заинтересованных групп городской общественности.

С одной стороны, на топонимические комиссии возлагается ответственность за выработку и реализацию топонимической политики с учетом ее перспективных целей. С другой стороны, топонимические комиссии призваны выполнять функции фильтра, который в номинативной деятельности должен предотвращать перекосы в пользу отдельных социальных акторов — чиновников, игроков бизнеса, заинтересованных в своем пиаре организаций, практикующих политиков, гражданских политических или религиозных активистов, в пользу интересов самого города как субъекта хозяйственной деятельности и одновременно сложного по своему функционалу социального организма. Говоря о социальной стороне топонимических практик, нужно помнить, что ни лоббистское давление отдельных стейкхолдеров, ни уличная демократия не могут дать системного и продуктивного подхода к топонимической политике — это могут обеспечить лишь знания и опыт, основанные на специальных компетенциях. Поэтому для топонимических комиссий чрезвычайно важны и коллегиальность выносимых решений, и объединение интеллектуального капитала профессионалов в области муниципального управления, градостроительства, архитектуры, урбанистики, лингвистики, истории, краеведения, культурологии, и других направлений, значимых для глубокого понимания городского развития. Интеграция компетенций членов комиссий и выработка единой, независимой от лоббизма позиции служат первичным залогом продуктивной работы.

Широкий спектр задач обуславливает необходимость определения общего подхода и принципов, на которых целесообразно

проводить практическую деятельность по топонимическому означиванию. Каждый орган муниципального самоуправления на этом направлении проявляет свободу в принятии собственных решений. Однако не стоит упускать из виду, что для построения эффективной муниципальной топонимической политики необходима глубокая проработка не только процедурных регламентов и некоторых правил присвоения названий, но и определение базовых содержательных оснований для топонимической номинации. Исключительно важными представляется в этой связи корреляция топонимической политики с целой группой процессов, относящихся к управлению и развитию территории — с общей стратегией развития города и стратегией пространственного его развития, с политикой в области социальной и культурной жизни. Таким образом, в контексте стратегического управления первую очередь возникает вопрос о разработке концептуальной основы топонимической политики в виде долговременных программ, способных обеспечивать системную, последовательную и рассчитанную на перспективу работу. Неотъемлемым компонентом таких программ должны быть ясно сформулированные цели, задачи и ценностные ориентиры топонимической политики, в опоре на которые должны определяться приоритетные направления и механизмы реализации.

Поскольку каждый муниципалитет создает в этом случае свои программные документы (законы, программы, положения, концепции) [См., например: Закон города Москвы № 40–70; Петербургская топонимическая программа, 1991; Положение города Владимира; Концепция по присвоению наименований... города Перми и др.], содержание базовых установлений может различаться. В этой связи сравним тексты Закона «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» (далее — ЗМ) и Положения «О порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования “город Екатеринбург”» (далее — ПЕ) [Закон города Москвы № 40–70; Положение о порядке присвоения наименований... «город Екатеринбург»] и рассмотрим информацию, относящуюся к содержанию собственно номинативной работы.

Если в ЗМ манифестирована установка на единство городской политики в области наименования территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы (ст. 5), то в программном документе администрации города Екатеринбурга оно отсутствует.

В этом информационном блоке, посвященном требованиям к присваиваемым именам, прописываются общие установления относительно содержательных подходов к номинации и оформлению названий. Сходными для обоих документов является формулировки критериев о соответствии присваиваемых названий «словообразовательным, произносительным, стилистическим нормам современного русского литературного языка» [ЗМ, ст. 7; ср. ПЕ гл. 2, ст. 7]. В равной мере в текстах уделяется внимание степени различия названий: в частности, указывается, что топонимы не должны повторяться и/или быть идентичными до степени смешения.

Далее в текстах обоих документов мы можем наблюдать специфицированное содержание. Характерной особенностью ЗМ является артикулирование установок, которые связывают топонимическую политику с политикой в области сохранения историко-культурного наследия:

— «название улицы независимо от величины именуемого объекта должно отражать факты историко-культурного развития района, поселения, города, государства» [Закон города Москвы, 1997];

— топонимы должны соответствовать особенностям ландшафта города. При их наименовании в качестве основы используются названия населенных пунктов (в том числе деревень, сел, старинных слобод), урочищ, холмов и лесов, рек, ручьев, озер и прудов, вошедших в границу города Москвы [ЗМ, ст. 9].

Помимо того, в ЗМ задекларирована связь топонимической (урбанонимической) политики с принципиальными установками, значимыми именно для топонимических, «координационных» обозначений. В частности, обозначены необходимость учитывать общие закономерности топонимического называния и специфику исторически сформированной топонимической системы города Москвы:

— «топонимы должны отражать наиболее существенные индивидуальные характеристики улицы как объекта наименования;

- название улицы должно органически включаться в существующую городскую топонимическую систему. При именовании новых улиц не допускается образование топонимов, нарушающих исторически сложившуюся топонимическую систему города Москвы;

- название улицы должно быть мотивированным и заключать в себе необходимый объем топонимической и пространственно-ориентированной информации;

- наименование района, поселения и административного округа города Москвы должно соответствовать историческим, географическим и градостроительным особенностям территориальной единицы города Москвы» [ЗМ, ст. 9].

Еще одно существенное положение ЗМ — правила присвоения коммеморативных названий. Они прописаны ясно и непротиворечиво:

«Присвоение имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан Российской Федерации и иностранных граждан может производиться только новым улицам и по истечении 10 лет со дня смерти указанных лиц, за исключением случаев, когда такое присвоение рекомендовано Президентом Российской Федерации и (или) Мэром Москвы» [Там же].

В ПЕ также намечена связь основ топонимической политики с социокультурным аспектом в жизни города, его историческим прошлым и сложившимся историко-культурным наследием. В документе, в частности, говорится о том, что «присвоение названий производится с учетом исторических и культурных традиций муниципального образования “город Екатеринбург”» [ПЕ].

Однако из формулировки не ясно, о традициях какой именно сферы деятельности идет речь. Какие именно «традиции муниципального образования» должны быть выявлены для того, чтобы можно было им следовать в номинативной деятельности?

В ПЕ сделана попытка уточнить требования к информационной стороне топонимической номинации: «Присвоение названий производится с учетом функционального назначения, месторасположения, основных топонимических ориентиров и наименований других топонимических объектов МО “город Екатеринбург”» [ПЕ].

Можно было бы предполагать за этой формулировкой некую установку на необходимость учитывать в номинативных действиях градостроительные особенности фрагмента территории, к которой относится называемый объект, статус объекта, его ландшафтное и топонимическое окружение. Однако это только одна из версий в расшифровке предложения, которое допускает отнюдь не единственную трактовку.

В отдельном пункте ПЕ содержит формулировки целей присвоения названия топонимическим объектам. «Присвоение названий топонимическим объектам осуществляется в следующих целях: 1) ознаменование исторических событий; 2) увековечивание памяти выдающихся государственных и общественно-политических деятелей, защитников Родины, деятелей науки и культуры, благотворителей, лиц, имеющих заслуги перед отечеством и муниципальным образованием; 3) отражения географических, национальных, бытовых, природных и других особенностей проживания населения на территории муниципального образования “город Екатеринбург”» [ПЕ].

Если следовать такой логике целей, то оказывается, что присвоение топонимов осуществляется не как удовлетворение общественных потребностей в топонимических обозначениях для объектов городской территории, а в первую очередь для номинативной «артикуляции» и символического закрепления в топонимах неких «месседжей», выраженных словами «ознаменования», «увековечивания», «отражение особенностей проживания населения». В такой трактовке урбанонимическую номинацию легко приравнять к средствам PR в дискурсе власти, но сложно соотносить с рациональной и комплексной урбанонимической политикой, поскольку не выделены ее объективные цели.

Подводя промежуточный итог, можно заключить, что в Законе города Москвы можно усмотреть черты концептуальных основ именно топонимической политики, поскольку намечены основные подходы к урбанонимической номинации в связи с закономерностями и ценностями топонимического наречения.

В тексте Положения о порядке присвоения названий топонимическим объектам города Екатеринбурга концептуальная основа

для муниципальной топонимической политики пока представлена недостаточно. Ее заменяет сумма некоторых установлений, которые на сегодняшний день не вполне согласованны с назначением топонимического означивания. Недостаточно внятно также представлено видение урбанонимической номинации в связи с историко-культурным наследием самого города и его ролью в жизни региона и страны. Не ясно, какие черты определяют уникальность города и его доминирующие характеристики в прошлом. И одновременно не выражено понимание, каким может быть топонимический образ города в связи перспективами развития и преобразованием Екатеринбурга в открытый город, включенный в широкие международные связи.

Таким образом, неполное понимание сути муниципальной топонимической политики, равно как и дефицит методик ее разработки, может на местах приводить к сбоям и непоследовательности в ее осуществления, к работе в формате принятия оперативных решений без перспективного плана на системную проактивную деятельность. В итоге и без того непростой процесс обновления городских топонимиконов осложняется номинативными ошибками и неудачными решениями.

Примеров тому достаточно в опыте разных городов. К неудачным решениям стоит отнести, в частности, попытки топонимического украшения, подобные художественному китчу, когда малозначительные объекты получают «величественные» названия, производные от лексики, чья семантика связана с грандиозными масштабами, или от широко известных имен с богатым культурным семантическим фоном, см. названия *улица Галактика*, *улица Галилея* для элементов улично-дорожной сети в периферийной части города с частной застройкой (Екатеринбург).

Вызывает тревогу практика «подыскивания» улиц или других топонимических объектов, куда можно было бы методом «точечной застройки» внедрить очередное мемориальное название, заявку на которое получила топонимическая комиссия. Устойчивый в массовом сознании стереотип о единственно респектабельном способе коммеморации в виде посмертного топонима уже создает проблемы

топонимическим комиссиям. И весьма симптоматично, что один из флагманов отечественного опыта в разработке урбанонимической политики Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга специально комментирует свою позицию по данному вопросу:

«Топонимическая комиссия не является “комиссией по увековечиванию”: в Положении отсутствуют задачи по поиску подходящего места на карте для топонима в честь той или иной личности, а также по определению масштаба ее заслуг. Учитывая особую роль топонимии в создании уникальной городской культурной общности, допускается присвоение “увековечивающих” названий только в честь выдающихся личностей, каким-либо образом связанных с конкретным местом (предприятием, учреждением) Санкт-Петербурга.

Отсутствие актуальной возможности для присвоения названия “в честь” конкретной выдающейся личности или возвращение ценного исторического названия вместо “увековечивающего” не следует расценивать как оскорбление памяти выдающейся личности. Прижизненное топонимическое увековечивание не допускается. При принятии топонимического решения следует исходить из того, что конкретное название присваивается навсегда, рекомендуется соблюдать 20-летний мораторий на посмертное топонимическое увековечивание, за исключением названий предприятий (учреждений), избегать политической злободневности» [Основные принципы деятельности...].

Опуская подробный обзор состояния муниципальной топонимической политики в городах-миллионниках Российской Федерации, отметим, что в настоящее время наиболее разработанной, последовательной и полной является платформа топонимической политики в Санкт-Петербурге. Топонимической комиссией северной столицы подготовлен целый пакет документов, содержащих концептуальные, методические, нормативно-организационные установления. В текстах под названиями «Основные принципы деятельности Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в области наименования и переименования объектов городской среды, государственных предприятий и учреждений Санкт-Петербурга»

и «Петербургская топонимическая программа» информативно, ясно и логично сформулированы цели муниципальной топонимической деятельности и подходы к ее осуществлению. Определяется главный принцип, согласно которому Комиссия предлагает подходить к оценке содержательной и функциональной специфике городских топонимов:

«Краеведческий принцип наименований определяет основное назначение топонима — быть указателем, ориентиром на местности, давать адрес, отражать характерные признаки местности, ее топографию, достопримечательные места и объекты.

Традиции петербургской топонимики должны бережно поддерживаться и развиваться в современной городской среде. Названия, по традиции отражая характерные особенности того или иного места, являются ценными свидетелями формирования и развития города.

На стыке прикладной и историко-культурной роли городской топонимии находится ее коммуникационная функция: “язык города”. С одной стороны, городские названия поддерживают постоянное общение жителей и гостей города в настоящем времени, с другой стороны, предоставляют возможность мгновенно обратиться к различным периодам городской истории, обеспечивая культурную коммуникацию как с современниками, так и с предками (а в будущем — и с потомками). Таким образом, топонимия играет огромную роль в формировании и развитии уникальной культурной общности города, выполняя объединяющую функцию» [Основные принципы деятельности...].

Исключительно ценный опыт, на наш взгляд, заключается в стремлении разработчиков соединить стратегию топонимического означивания с исторически сложившимся культурным кодом города и стилистикой его архитектурно-планировочного образа. Принцип ансамблевости выступает здесь общей семиотической доминантой и успешно реализуется в обосновании практических решений:

«При формировании топонимического ансамбля “с чистого листа” <...> должна присутствовать тематическая связь с местностью

или географическим направлением, при этом названия должны быть по возможности разнообразными. Недопустимо присвоение названий “по произволу”, без учета контекста городской культурной среды» [Там же].

Еще одним достоинством программных документов Санкт-Петербургской топонимической комиссии является наличие подробных методических рекомендаций, объясняющих оценку конкретных форм, которые выбираются для топонимического означивания. Приведем лишь один фрагмент из методических комментариев, который полезен, на наш взгляд, как по содержанию, так и по логике изложения для разработчиков таких материалов:

«Учитывая особую роль “уличной” топонимии в повседневном общении горожан, а также тот факт, что название улицы как часть адреса является частью личного пространства человека, при присвоении наименований адресообразующим элементам улично-дорожной сети необходимо обращать особое внимание на удобство произношения и закономерности обиходного употребления названий. Не допускается присвоение названий адресообразующих элементов с использованием аббревиатур, инициалов, дат и годовщин.

“Уличный” топоним не должен быть громоздким (не более двух слов в основной части). При этом для основной части наименования предпочтительной является традиционная для Санкт-Петербурга форма прилагательного в именительном падеже, в том числе и при присвоении “увековечивающих” названий.

Наименование улицы в честь выдающегося деятеля в форме прилагательного не следует расценивать как неуважение к его памяти. В случае невозможности или неудобства образования отфамильного прилагательного допускается присвоение “увековечивающего” названия улицы в форме родительного падежа существительного или словосочетания, управляемого существительным. При этом не всякая фамилия является “топонимически приемлемой” с учетом требований к удобству произношения и обиходного употребления “уличных” топонимов.

Необходимо учитывать также сложившиеся в Санкт-Петербурге традиции по использованию статусных частей “уличных” топонимов, которые являются важной частью культурных особенностей петербургской топонимии. Так, в Петербурге исторически почти не употребляются “тупики”, а “проезды” обычно используются при присвоении наименований в промышленно-деловых зонах. Присвоение новых наименований с использованием порядковой нумерации допускается в основном для промышленных кварталов. Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга последовательно выступает за восстановление возможности присвоения наименований с традиционными для Петербурга статусными частями “дорога”, “линия» [Основные принципы деятельности...].

В контексте современной жизни города реализация муниципальной топонимической политики связана с еще одним блоком вопросов. Эти вопросы касаются трансляции сведений о топонимической деятельности в публичную сферу. Если принимать во внимание курс на обновление социальной жизни, то здесь должны, на наш взгляд, работать как минимум два принципа: принцип открытости деятельности и принцип информационной достаточности.

Принцип открытости. Предполагает выстраивание системы информационного взаимодействия с городской общественностью и отдельными целевыми группами. Пример такого подхода демонстрирует Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга. У Комиссии есть свой официальный сайт — портал, где размещается актуальная и достаточно обширная информация, в том числе база топонимов Санкт-Петербурга, Положение о Топонимической комиссии Санкт-Петербурга, Регламент работы Топонимической комиссии, Основные принципы деятельности комиссии, Порядок и правила присвоения наименований улицам, садам и паркам Санкт-Петербурга, Протоколы заседаний и другое [Топонимический портал...].

Разумеется, само по себе наличие электронной площадки в Интернете не отменяет полностью риски по возникновению конфликта «топонимических интересов» между разными социальными акторами. Но открытый характер информации от Топонимической

комиссии позволяет публично представить как общую основу для последовательных действий, так и аргументацию по поводу вынесения конкретных решений

Принцип информационной достаточности. Говоря об информационной достаточности для обеспечения топонимической политики, мы в первую очередь имеем в виду пополнение и расширение фонда методических материалов, которые должны помогать оценке контекста деятельности в совокупности нормативно-правовых, деловых, пространственно-ситуационных и других параметров для выполнения обоснованных и рациональных номинативных действий. Потребность в методических материалах диктуется самой жизнью.

Глава 3. Краеведческий и имиджевый подходы к политике урбанонимического означивания

Согласно законодательству, право органов муниципального самоуправления на урбанонимическую номинацию распространяется только на те объекты, которые находятся в муниципальной собственности. К таковым относятся не только традиционные элементы дорожно-транспортной сети и фрагменты территорий, но и такие объекты городской среды, как рынки, объекты капитального строительства учебного, культурного, спортивного общественного назначения, подлежащие ведению муниципалитетов. На объекты частной, коммерческой собственности правила Положений о присвоении урбанонимов не распространяются. Из этого следует, что, например, жилые комплексы любого масштаба, которые возводятся частными девелоперами, получают свои коммерческие имена по желанию самих застройщиков. Как и значительная часть коммерческих урбанонимов, названия жилых комплексов выполняют маркетинговые задачи — они призваны работать на благоприятный имидж объекта, способствовать его продвижению и формированию стоимости. Насколько согласуются названия коммерческой застройки с окружающим топонимическим ландшафтом — тема отдельно-

го разговора. Как указывает С. Н. Басик, с отсылкой к [Alderman, 2008], «топоним как высоколиквидный символический капитал для девелоперов, инвесторов, официальных органов управления может представлять собой элемент “символического насилия” для местных жителей, различных общественных активистов и других заинтересованных групп населения» [Басик, 2018а, с. 65]

От того, как трактуются большие цели муниципальной топонимической политики, зависят на местах ее идеология и практика. Но если обобщить черты преобладающих на сегодня решений в обновлении топонимиконов в городах Российской Федерации, то будет выделяться тренд, который можно назвать курсом на регионализацию. Он самым очевидным образом просматривается в стремлении в большей степени связать номинации с местным культурным наследием, с региональной историей, социальными реалиями и природным окружением. Поскольку такой подход проводится достаточно последовательно и он заявлен в программных документах, допустимо обозначить его как стратегию в осуществлении топонимической политики.

Тот факт, что историко-краеведческий подход, или принцип историко-культурной обусловленности, ясно формулируется в документах и закладывается в основу урбанонимического строительства, исключительно важен, — это залог поддержания символического капитала территории. Вместе с тем его не стоит трактовать буквально: декларирование культурных ценностей в «идеологии» топонимической политики отнюдь не означает, что игнорируются утилитарные функции урбанонимов и не используются в полном арсенале существующие модели номинации.

Принцип историко-культурной обусловленности урбанонимов реализуется в разных направлениях топонимической работы. С одной стороны, он выступает общим ориентиром в случаях ре-номинации и возвращения на карты городов прежних названий, отражающих уникальность городской истории и самобытность ее лингвистического материала (наиболее успешный опыт такой частичной реконструкции историко-культурного ландшафта продемонстрировали Москва и Санкт-Петербург).

С другой стороны, принцип историко-культурной обусловленности городских топонимов позволяет в большей степени связать номинацию новых городских объектов с региональной и/или локальной историей. Это подтверждают факты отражения местной идентичности в новых урбанонимах (о чем подробно рассказывалось в разделе 2 настоящей монографии). Об этом красноречиво говорят заголовки и материалы научных текстов, посвященных социологии топонимических практик на территории национальных республик, см.: «Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа», «Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа», «Идентичность и память в топонимической политике Чечни» [Тхакахов, 2018, 2019а, 2019б, 2019в] и др. Идентичность и память расцениваются в данном случае как две взаимосвязанные категории, неизменно взаимодействующие друг с другом.

Однако восприятие локальной идентичности не всегда ограничивается информацией о региональной самобытности и может выходить на уровень более широких оценок относительно включенности территории в культурные контакты и связи, что закономерно отражается в урбанонимической номинации. Такой подход мы находим в части практических решений Топонимической комиссии Санкт-Петербурга. Сошлемся на комментарии краеведа, топонимиста, члена Бюро Топонимической комиссии Петербурга и автора «Большой топонимической энциклопедии Петербурга» Андрея Борисовича Рыжкова:

«В своей деятельности долгие годы — лет 30, практически с самого зарождения комиссии в современном формате, — мои коллеги руководствовались принципами культурно-исторической привязки в широком смысле. Эти основы были базовыми для практических решений. Например, на севере Петербурга есть четкая культурная тематика, поэтому несколько лет назад там появился сквер Чингиза Айтматова. Хотя Айтматов <...> имел мало отношения к Петербургу. Но там рядом — улица Руставели, какая-то тематическая привязка есть. Впрочем, в основном старались соблюдать еще и привязку по отношению к Петербургу» [Топонимист о том...].

Таким образом, внимание к историко-культурному контексту можно назвать одним из доминирующих принципов, которым руководствуются члены топонимических комиссий, и его значение для работы над урбанонимическим портретом города трудно переоценить.

Однако, как показывает современная номинативная практика, воспроизводство элементов истории нередко идет по пути ограниченного выбора. В частности, это проявляется в усиленном смещении акцентов на названия дореволюционной эпохи, своего рода ретрономинацию. Так, в русле установки на возрождение и укрепление Русской православной церкви на карты городов приходят урбанонимы, производные от названий храмовых сооружений (и, заметим, повторяющиеся уже в силу того, что все-таки пределен и сам список мотивов именования православных храмов). Усиленно эксплуатируется коммеморативная номинация, с тем отличием от советского времени, что теперь местные инициаторы продвигают в топонимии имена «местных» героев и нередко, к сожалению, действуют в логике аргументации «уважаемый человек — нужно какую-нибудь улицу назвать».

Вместе с тем исторический топонимический материал может дать почву для новых лингвокреативных решений. Речь в данном случае идет не о переписывании уже существующих названий, а об оценке номинативных возможностей прежнего топонимического и микротопонимического материала в приложении к новым объектам означивания. Удачное в этом отношении решение было предложено в Екатеринбурге для *улицы Опалихинской*. Некогда улица относилась к периферийной части города, затем в ходе строительного развития территории была включена в планировку нового микрорайона Заречный, хотя и претерпела при этом изменение своих очертаний. Урбаноним *улица Опалихинская* основывается на исторической связи с действительно бытовавшими на этой территории названием *Опалиха*. Уточняя детали, нужно сказать, что старое название, во-первых, варьировалось, а во-вторых, служило одно время для обозначения нескольких соположенных объектов: *Опалихой* и *Опалихинскими* назывались улочки вблизи Верх-Исетского

железодельного завода (до 1920-х годов он к Екатеринбург административно не относится). В конце XIX — начале XX века никаких официальных «Опалихинских» на планах территории нет, а есть лишь номерная улица 7-я Закутилова. В 1921 году ее переименовали в улицу Каляева. А в 1988 году при развитии территории нового городского микрорайона утраченное ранее название Опалихи получило вторую жизнь на карте города.

О внимании к сложившимся в прошлом традициям именования пространственных городских объектов свидетельствует опыт создания и присвоения имен не только российскими, но и зарубежными топонимическими комиссиями. Лаймуте Балоде, в частности, пишет о возродившейся в Риге традиции связывать урбанонимы с именами локальных, в том числе малых, топообъектов: «Сегодня в Риге существует явная тенденция к созданию новых годонимов на базе имен локальных топообъектов, даже названий усадеб (улица Bikšēres, улица Dzirnezera)» [Balode, 2012, p. 9].

Исследователи чешской урбанонимии Я. Давид и П. Маха, описывая создание новых названий улиц для района Хошляльковице (бывшая сельская местность, с 1976 года часть г. Острава, с 1990 года — самостоятельный район Остравы), приводят в пример именотворческий проект Рудольфа Шрамека, эксперта по географическим названиям: его позиция состояла в том, чтобы новые урбанонимы не содержали никаких «почетных» наименований и как можно ярче отражали характер самого места. Рудольф Шрамак создал названия улиц по старым местным названиям, таким как *Aleje, Mezi Fences, Rynky, Vrbiny, Za Hřbitovem*, а также урбанонимы, основанные на характере самого места, — *Dlážděná, Ořechová, Příkrá*. В результате был предложен уникальный набор имен, который отражает местные номинативные традиции [David, Mácha, 2014, p. 53–54].

Историческая микротопонимия и созданные в народном речевом обиходе модели топонимического называния рассматриваются как трансляторы лингвокультурного опыта, и можно в целом констатировать проявление сходных, параллельных тенденций в возросшем интересе специалистов разных стран к региональному

и локальному языковому материалу как к возможному источнику для новой номинации.

Таким образом, исторический путь и культурное, в том числе языковое, наследие территории служат весомым основанием для работы над новой урбанонимией. Однако закономерен вопрос: достаточно ли только этого для работы над языковым портретом города в аспекте его динамики и планов развития?

Жизнь больших и малых городов сегодня включена в контекст новой эпохи с ее новыми социальными и культурными реалиями. Меняются модели жизнедеятельности и стереотипы социального взаимодействия.

С одной стороны, на преобразование городской культуры оказывают влияние стремительно развивающиеся информационно-коммуникационные процессы: увеличение роли медиа, символических и имиджевых технологий, виртуализация социальных контактов. С другой — в условиях рыночной экономики города начинают конкурировать между собой за финансы, проекты, человеческие ресурсы, а бизнес, в свою очередь, заявляет о своих интересах в освоении городских территорий. Третье немаловажное обстоятельство — развитие идей новой урбанистики, пропагандирующей курс на повышение комфортности городской среды. Город-завод или город-приложение к производствам ушли в прошлое, и на смену им приходят новые концепции, в соответствии с которыми города должны становиться более «дружелюбными» к своим жителям — удовлетворять их потребности в гармонизации и удобстве среды обитания.

В области лингвистического ландшафта города можно обозначить по меньшей мере две группы факторов, выступающих движущими силами для модернизации концептуальной топонимической политики:

1. Социально-экономические факторы, диктующие необходимость вовлечения российских городов в маркетинг территорий, что, в свою очередь, неразрывно связано с планомерной работой по созданию сильного имиджа, с формированием притягательности и престижа, с продвижением локации и ее привлекательных сторон [Князева, Бондаренко, 2016, с. 36].

2. Общественный запрос на внедрение новых принципов застройки, на увеличение доли публичных пространств и малых рекреационных территорий, на повышение качества городской среды и т. д. Это влечет за собой комплексный подход к планировочным, инфраструктурным, архитектурным и дизайнерским решениям. «Именно создание целостного облика города, даже многостилевого и многообразного, важно для возникновения определенного чувства гармонии и уюта в человеческой душе» [Вотинов, 2013, с. 224].

Одним из перспективных направлений для обсуждения возможных концепций урбанонимического планирования и урбанонимического строительства является, на наш взгляд, движение в сторону внедрения категорий геобрендинга, и в частности категории имиджа территории.

Обосновывая предлагаемую позицию, обратимся прежде всего к уточнению содержания, которое мы будем вкладывать в понятие «имидж» в контексте задач развития городских топонимиконов и осуществления проспективной топонимической деятельности.

Термин часто комментируется в научной и профессиональной литературе по маркетингу территорий. Существующие подходы к раскрытию его понятийного содержания допустимо представить в трех обобщенных версиях:

1) Имидж места трактуется с позиций воспринимающих субъектов как некий снятый образ, совокупность впечатлений, представлений, мнений, см. например: «Имидж города представляет собой совокупность убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу его особенностей. Это субъективное представление о городе может формироваться вследствие непосредственного личного опыта (например, в результате проживания на его территории) или опосредованно (например, со слов очевидцев, из материалов СМИ и т. д.)» [Важенина, 2006, с. 83].

2) Имидж места характеризуется с точки зрения ресурсов, которые имеются у территории, см.: «Объективная составляющей имиджа территории — это совокупность конкурентных преимуществ и недостатков. Они определяются особенностями отраслевой

специализации территории, наличием экспортного потенциала, территориальным расположением, транспортной освоенностью, уровнем развития социальной сферы, состоянием производственного потенциала, сложившимся уровнем инвестиционной активности и многими другими факторами» [Попова, Григорьева, Морозова, 2015, с. 6].

3) Имидж места рассматривается как один из инструментов маркетинговых коммуникаций применительно к территории и, соответственно, как рациональный и последовательно формируемый образ, в создании которого используются СМИ, PR и реклама. Имидж города предполагает «целенаправленное создание определенного образа с помощью различных стратегий и в разных контекстах, который не всегда совпадает с реальностью, при этом немаловажная роль отводится средствам массовой информации» [Там же, с. 6].

Приведенные подходы к истолкованию понятия «имидж территории» дополняют друг друга, демонстрируя в этом сложном феномене переплетение стихийно складывающегося и намеренно создаваемого. Но именно последняя, «инструментальная», трактовка имиджа территории как перспективной модели его выгодного позиционирования представляет, с нашей точки зрения, интерес при обсуждении вопросов топонимического означивания, которое осуществляется сейчас в обстоятельствах новой экономической и социокультурной реальности.

Топонимическая номинация, работающая на создание привлекательного образа места, рассматривается в исследованиях по социально-экономической и культурной географии в привязке к экономической составляющей и явлению коммодификации (повышению стоимости) пространства при брендировании территорий [Басик, 2018a; Karimi, 2016; Ligth, 2014; Light, Young, 2015; Masuda, Bookman, 2018; Medway, Warnaby, 2014; Naming Rights..., 2019; и др.].

Лингвистическая сторона топонимического имиджирования как технологии формирования семиотически связанного образа локаций и участие в этом процессе топонимов в качестве вербальных знаков, которые направляют восприятие в заданном смысловом

ракурсе, пока мало оценены. Однако в практическом поле можно найти примеры успешного применения именно комплексного имидж-билдинга мест. Мы покажем эти примеры, объединяя направления имиджирования, и поясним попутно некоторые исторические традиции, на которые оно опирается.

***Урбанонимические микротексты, основанные
на актуализации условно-символических
коммеморативных мотивов мотива в восприятии места***

Коммеморативное именование — очень хорошо известная и ставшая почти штампом семантическая модель российской урбанонимии. Нередко дополнительными невербальными формами к коммеморативным урбанонимам выступают памятные доски и памятники (obelisks, стелы, скульптуры). Их символическая нагрузка в сочетании с именем пространственного объекта служит отправной точкой соотнесенного с локацией сообщения о человеке или событии. Такого рода комплексы традиционны, например для оформления площадей, где произведение монументальной скульптуры и название места работают сообща на его смысловое наполнение.

Однако условно-символическая коммеморация стала по-новому эксплуатироваться в брендинге фрагментов территории. Возьмем в качестве иллюстрации семиотическое решение пространственного комплекса, включающего бизнес-центр «Высоцкий» в Екатеринбурге.

Название бизнес-центра имеет двойную мотивацию: один из лексических мотиваторов — прилагательное «высокий» — связано с характеристикой 54-этажного здания (до 2015 года небоскреб являлся самым высоким зданием не только в Екатеринбурге, но и во всей России за пределами Москвы); второй мотиватор — это антропоним, фамильное имя Владимира Семеновича Высоцкого, чьим горячим поклонником является владелец центра девелопер А. Гавриловский. Имя и образ легендарного барда составили основу «сюжета», который связывает пространственный микротекст: в самом здании расположен музей В. С. Высоцкого, а в пространственной близости

от Центра установлены два памятника. Один из них — бронзовый памятник Владимиру Высоцкому и Марине Влади — располагается возле гостиницы «Большой Урал», где В. Высоцкий останавливался во время гастролей. Фигуры этой скульптурной композиции выполнены в естественных человеческих пропорциях, а сами герои представлены в камерной сюжетной композиции — В. Высоцкий играет на гитаре, М. Влади сидит рядом с ним.

Второй памятник открыт летом 2018 года на площадке перед небоскребом, он посвящен песням В. Высоцкого. Памятник сделан в виде катушки с киноплёнкой. На девятиметровой стальной ленте размещены строки из песен барда, но памятник любопытен тем, что предусматривает обратную связь — цитаты на ленте можно менять, в соответствии с событиями в городе и стране. Откликнувшиеся на событие журналисты сразу же окрестили памятник «говорящим» [В Екатеринбурге открыт..., 2002].

Можно лишь добавить, что и тема, и образ В. Высоцкого применительно к локации небоскреба, не только манифестированы в пространственной знаковой символике — они активно используются для создания PR-текстов. Так, СМИ освещали обращение владельца центра к семье Высоцких о разрешении присвоить небоскребу имя барда. В 2011 году информационное поле дополнили сообщения о специально приуроченном к открытию небоскреба предпремьерном показе фильма «Высоцкий. Спасибо, что живой», о приезде на церемонию открытия почетного гостя Никиты Высоцкого. Позднее достоянием общественности стали новости о каждом пополнении экспозиции музея Высоцкого, об установке и открытии памятников, об отзывах М. Влади и проч.

В целом кейс «*Высоцкого*» показывает возможности целенаправленной разработки мифодизайна наименованного пространства — оно последовательно окружается тематическими событиями, и ему посвящаются тексты массовой коммуникации. В итоге мемориальный сюжет не застывает в статических знаковых формах, а всякий раз «оживает» в динамике актуальной коммуникации, вовлекая аудиторию во взаимодействие.

Развитие общей номинативной темы в годонимах и ойкодомонимах одной пространственной зоны

Истоки для этого приема просматриваются в двух номинативных традициях. Одна из них — метонимический перенос, часто используемый при образовании топонимов от имен соположенных пространственных объектов. Эта традиция сформировалась в народной топонимии применительно к сельскому и природному ландшафту и нашла продолжение в истории городских ономастиконов, в первую очередь при образовании названий улиц, переулков и площадей от имен расположенных в их пределах храмов.

Вторая традиция относительно недавнего происхождения, она утвердилась преимущественно в урбанонимии XX века и представляет собой применение ансамблевого, или блочного, принципа для названия территориально соположенных объектов. Близкие друг к другу улицы, названные по принципу реализации общей номинативной темы (например, в честь писателей, художников, ученых, революционных деятелей или военачальников и героев Отечественной войны), — явление, широко распространенное при означивании городского ландшафта в предыдущую, советскую эпоху.

Нельзя не отметить, что тематические блоки урбанонимов реализуют одновременно и символическую, и навигационную функции. Соотнесенные с общей номинативной темой, они эксплицируют значимую символную линию в урбанонимическом портрете города. В свою очередь, наличие ассоциативной связи между названиями помогает восприятию объектов как находящихся в пространственной близости и таким образом способствует ориентации на местности.

Прием по сей день не потерял своей актуальности, однако сейчас мы можем наблюдать его распространение на новый урбанонимический материал.

В урбанонимическом спектре постсоветского периода появился новый вид ойкодомонимов — это названия жилых комплексов (далее ЖК). Поскольку ЖК являются объектами коммерческой застройки, создание соответствующих ойкодомонимов не регулируется правилами муниципальной топонимической политики и всецело подчинено задачам маркетинга. Закономерным следст-

вием продвиженческих задач становится ярко выраженная имиджевая нагрузка — имена должны работать на образ объекта вне зависимости от того, насколько они гармонируют или, напротив, диссонируют с окружающими названиями улиц, переулков, парков и т. д.

Однако тенденции к усилению зональной привязки и «вживлению» новых ойкодомонимов в урбанонимический контекст проявляются в фактах обыгрывания исходного топонимического материала. Ойкодомонимы в этом случае интегрируются в окружающий урбанонимический ландшафт, дополняя и развивая его, а строительные и архитектурно-планировочные решения, в свою очередь, работают на синкретичный образ локации, который представлен в совокупности вербальных и невербальных знаковых форм.

Интересный пример тому — ЖК «*Квартал Художников*» (Екатеринбург). Комплекс построен между улицами, которые носят имена художников — *улица Айвазовского* и *улица Серова*.

Живописная тема, заданная названиями плоскостных объектов, нашла продолжение в концепции застройки и проявилась как в архитектурном решении самого здания, так и во внутреннем пространстве, в дизайне его интерьеров. В подъездах разместились «галерея» портретов художников — В. Серова, А. Саврасова, И. Шишкина, И. Айвазовского, И. Левитана, А. Куинджи. В каждом подъезде размещен портрет художника и его изречение.

Таким образом, ключевой мотив — тема живописи, отраженная в мемориально-символических годонимах, — получила развитие в идее содружества живописи и архитектуры и реализовалась в полисемиотическом локальном микротексте.

Аналогичный вариант образно-символьного обыгрывания первичного урбанонима реализован в локации ЖК «*Малевич*» (Екатеринбург). Комплекс расположен в пределах *улицы Маяковского* и *переулка Трамвайного*. Имя Владимира Маяковского стало отправной точкой и связующим звеном для развития темы художественного авангарда. Тема поддерживается в названии объекта — «*Малевич*», напоминая еще об одном ярком представителе русского авангарда, зачинателе суперматизма Константине Малевиче.

Авангардная стилистика акцентированно представлена в дизайне зданий: пять зданий, каждое из которых выполнено в своем цвете, актуализирует ассоциации с формами абстрактного искусства в геометрии фасадов. Тема продолжается во внутреннем пространстве подъездов — холлов и гостевых зон. Здесь в каждом доме обигрывается какое-либо из стилистических течений авангарда: в красном доме это стилистические формы конструктивизма, в желтом доме реализуется стилистика лофта, в зеленом — экостиль, в оранжевом — фьюжн, в синем — хай-тек.

Нужно сказать, что для истории Екатеринбурга (бывшего Свердловска) архитектурный авангард представляет собой исключительно значимую культурную тему. В 20–30 годы XX века в городе были реализованы смелые конструктивистские проекты, и по сей день на его территории сохраняется самое большое в мире собрание шедевров архитектуры конструктивизма. Таким образом, «сюжет», по-новому манифестированный в полисемиотическом комплексе из урбанонимов и пространственных форм, не только создает образ места, но и органично вплетается в портрет города, поддерживая одну из граней его культурный кода.

В этой части нельзя не вспомнить, что комплексная образная проработка пространства хорошо известна в отечественной традиции, например в отношении таких объектов, как станции метрополитена. Как правило, название станции и внутреннее ее убранство выдерживаются в едином образном и стилистическом ключе, причем именно урбаноним управляет тем, в каких художественных формах будет выполнено архитектурно-дизайнерское решение.

В случае рассмотренных ойкодомонимов мы имеем аналогичную ситуацию: название становится смысловым ядром для образной семантики всего пространственного объекта, который воспринимается в совокупности его архитектурного, планировочного и дизайнерского решений. Единственная поправка заключается в том, что объект размещается не под землей, как станции метрополитена, а в наземном ландшафте.

В целом же новый интегративный подход к зонированию локации как семантически и семиотически связанного фрагмента тер-

ритории позволяет не только сформировать ее целостный имидж, но и посредством символьных форм расставить смысловые акценты на значимых для города темах.

Использование комплексного образного номинативного решения для имиджирования микрорайонов и районов

Создавая новые стратегии развития в интересах пространственной социально-экономической реструктуризации городского ландшафта, девелоперы и крупные инвесторы используют географические названия для создания тематического урболандшафта [Басик, 2018а, с. 64]. В этом случае, если девелопмент заинтересован в создании целостного образа пространства, единая концепция означивания может распространяться на все линейные объекты и элементы планировочной структуры застраиваемых районов и микрорайонов. Имиджевый подход к топонимическим практикам, в свою очередь, диктует необходимость сотрудничества и сотворчества представителей коммерческих компаний и топонимических комиссий.

Удачный пример такого взаимодействия можно привести, сославшись на опыт Санкт-Петербургской топонимической комиссии. В ходе совместной работы с представителями «*Лахта Центра*» — многофункционального комплекса в Санкт-Петербурге на берегу Финского залива — был реализован современный и продуктивный подход к формированию топонимического имиджа территории.

Согласно проекту, на территории комплекса располагается штаб-квартира группы «Газпром» и обстраиваются концептуальные общественные пространства: открытый амфитеатр, пешеходная набережная, обзорная площадка, концертный зал-трансформер, детский научно-образовательный центр с планетарием, панорамные рестораны и галереи. Территория «*Лахта Центра*» позиционируется как «новый центр города, который воплощает стратегический принцип перспективного развития Санкт-Петербурга — полицентричность; реализует новую модель взаимоотношений пространства и человека, формирует городскую среду нового уровня» [«Лахта Центр»].

Работа по созданию и отбору урбанонимов осуществлялась следующим образом. Стартовый корпус названий был получен путем открытого опроса горожан на платформе интернет-газеты «Бумага». Далее был отобран список топонимов, максимально комфортных, универсальных, ранее не использовавшихся, однозначных для понимания русскими и иностранцами. В итоге были утверждены названия: *Высотная улица*, *Воздушная улица*, *Водная улица* и *Открытая набережная*. Принцип ансамблевости, которого придерживается Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга, безусловно, выдержан. Названия, хотя и несколько отвлеченные от свойств самой территории, тем не менее позволяют обыгрывать ее как ультрасовременное пространство, вписанное в природный ландшафт. Так это комментируют сами стейкхолдеры:

«Предлагаемые варианты названий являются абстрактными ассоциативными понятиями, связанными с характеристикой комплекса, его локацией и эмоциональным восприятием. Формирование такого рода топонимического комплекса станет одним из элементов программирования среды под различные события, в том числе сезонные проекты (например, музыкальный фестиваль), которые могут превратить территорию комплекса с его улицами и набережными в пространство театра, музыки и художественной среды в целом» [Топонимисты вооружились принципами].

Подобный подход к топонимическому означиванию, на наш взгляд, имеет хорошие шансы на перспективу. Брендирование локаций составляет один из трендов в маркетинге территорий, и есть все основание полагать его дальнейшее развитие. Повышает ли технология брендинга, одним из ключевых компонентов которой является нейм, стоимость объекта? Безусловно, да. Работает ли брендинг на создание имиджевого, нематериального капитала локации? Да, это также не подлежит сомнению. Однако управление восприятием пространства в этом случае не замыкается исключительно в контуре коммодификации. Гармонизация урбанонимического ландшафта и придание ему целостности и семантической связности

в конечном счете способствует оптимизации урбанонимического имиджа всего города.

Имиджевая стратегия дает возможность в большей степени внедрять кластерный подход к именованию внутригородских объектов. Зонирование территории города на центр и периферию, на пространства деловой активности и рекреации, жилой застройки и промышленной и/или логистической деятельности, наконец, наличие микрорайонов с высотной застройкой и, напротив, малоэтажным строительством — все эти факторы не могут не учитываться при выборе названий и их семантической мотивировки.

Весьма знаменательно, что призыв обращать внимание на способность топонимов моделировать нужный образ и взаимодействовать с иными знаковыми формами в семиотике ландшафта уже прозвучал на круглом столе «Наименования городских объектов: право, медиа и национальная идентичность», организованном в 2018 году в рамках научной конференции Института языкознания РАН. В частности, в программном выступлении главного архитектора Института Генплана Москвы В. Р. Лутца наряду с высокой оценкой роли топонимов в формировании образа территории была артикулирована необходимость создавать смысловые слои топонимического каркаса города и акцентировать черты уникальности мест для усиления их ценностного восприятия [Топонимика формирует...].

Полностью принимая справедливость сделанных утверждений, мы полагаем, что рациональная работа по топонимическому имиджированию локаций может способствовать совершенствованию подходов, принципов и технологий выработки практических номинативных решений при развитии городских топонимических ландшафтов. Заявленная перспектива обуславливает проблему углубления лингвистического аспекта топонимического имидж-билдинга.

Чтобы перевести общетеоретические построения в плоскость технологии урбанонимического строительства, мы предприняли попытку разработать имиджевую концепцию для развития топонимического ландшафта Екатеринбурга, который в наибольшей степени открыт для нашего внутреннего наблюдения.

В своей биографии город прошел своеобразный виток от Екатеринбурга к Свердловску и вновь к исходному своему названию. Смена имен, со своей стороны, знаменует главные вехи в исторической динамике жизни города, его пространственного устройства и его среды. Давая общую оценку местной урбанонимии и в ее диахронических срезах [См.: Голомидова, 2023], нужно подчеркнуть, что традиции официального топонимического означивания были связаны с трансляцией особенностей города, который развивался:

- в дореволюционных период как город заводов и предпринимательства, занимающий важное географическое положение на границе Европы и Азии, располагающийся на торговых и транспортных путях;

- в советское время как индустриальный центр и столица научной, культурной и образовательной деятельности на Среднем Урале, крупный транспортный узел, соединяющий север и юг, восток и запад страны.

Если обратиться к современности, то, согласно «Стратегическому плану развития Екатеринбурга» и «Стратегической программе пространственного развития Екатеринбурга» [Стратегия пространственного развития..., 2018], город стремится стать одной из крупнейших в стране агломераций на позициях международного центра делового взаимодействия и транспортно-логистического узла, с диверсифицированной экономикой, самобытным культурным пространством и высоким уровнем развития человеческого капитала.

Принимая во внимание формулировки стратегических целей развития, можно заключить, что в топонимии современного Екатеринбурга должны не только продолжаться продуктивные темы, связанные с историческим кодом города, но и развиваться новые, соотносенные с образом Екатеринбурга XXI века. В его позиционировании сочетаются такие характеристики:

- международно узнаваемый центр деловых коммуникаций;
- город научной, научно-технической и производственной инноватики;
- город с динамично развивающимися сферами образования, культуры, искусства;

— город с креативной средой и высоким уровнем культурно-творческой активности жителей.

Объединение и учет всех показателей позволяет нам предварительно вывести список ключевых номинативных тем и предложить для акцентирования в топонимической номинации и, соответственно, для мотивации, направления, связанные:

- а) с научными достижениями;
- б) с инновационной деятельностью во многих секторах городской жизни;
- б) с открытостью города к международному сотрудничеству и международным культурным контактам;
- в) с креативной средой, искусством, разными видами творчества;
- г) с уральским колоритом, представленным как в природе Урала, так и в его историко-культурном наследии;
- д) с историей горнозаводского Урала и Урала промышленного.

Для работы над новой урбанонимией важно понимать, что ключевые темы не подлежат буквальной лексикализации — это лишь широкие содержательные направления, которые в номинации могут прорабатываться разными вариантами семантических и структурных топонимических моделей. Безусловно и то, что применение ключевых тем нужно соотносить особенностями назначения и использования территории. И уместное их воплощение просматривается прежде всего для создания топонимических ансамблей и решения задач топонимического имиджирования.

Обращаясь к текущему состоянию топонимического ландшафта Екатеринбурга, нужно отметить, что темы эти так или иначе уже представлены в урбанонимии, сформированной в разные годы, однако их репрезентация очень неравномерна, и трансляция ключевых мотивов ведется скорее стихийно, нежели последовательно. Однако курс на обновление заявлен. И, помимо усилий топонимической комиссии, драйвером все чаще стали выступать установки субъектов бизнеса, заинтересованных в наиболее выгодном представлении брендируемой территории. Приведем некоторые тому примеры.

В судьбе проекта престижного делового квартала под названием «*Екатеринбург-Сити*» (по аналогии с Лондон-Сити и «Москва-Сити») отразилось сразу несколько актуальных веяний.

Девелоперский проект «*Екатеринбург-Сити*» был начат в 2007 г., строительство продолжается до сих пор. В реализации проекта сочетаются интересы власти и бизнеса, и весьма примечательно, что названия высотных офисных зданий, планируемых и уже возведенных в деловом квартале, последовательно воспроизводят ключевые образы из представлений о городе в целом и о тех исторических деятелях, чьи властные полномочия и/или хозяйственная предприимчивость способствовали развитию территории: см. имена бизнес-центров «*Исеть*», «*Урал*», «*Татищев*», «*Де Геннин*», «*Екатерина*», «*Демидов*».

В обойме имен небоскребов, которые, по замыслу авторов проекта, должны сформировать высотную доминанту центра города, хорошо просматривается действие условно-символической номинации. С ее помощью прорисовывается исторический образ промышленного Урала и возвеличивается наследие дореволюционной деловой активности.

Однако весьма примечательно, что со временем под влиянием общественного мнения и, возможно, рыночных обстоятельств, девелопер изменил идею застройки. Отказавшись от возведения некоторых небоскребов, застройщик включил в проект особую зону притяжения для горожан — это сохраненные и реконструированные исторические особняки, а также исторические зеленые зоны. Представители компании таким образом комментируют это в СМИ:

«Теперь наша концепция предусматривает создание в Екатеринбург-Сити исторического кластера с сохранением зданий конца XIX века, в него хорошо впишется и сад Казанцева. В октябре должны быть утверждены охранные зоны — затем будем проектировать застройку» [УГМК полностью меняет...].

Поддержание историко-культурного фонда (старинных усадеб, парка) нельзя не оценивать как попытку гармонизации городской

среды. В исторических зонах традиционно складываются прогулочные и экскурсионные маршруты, и в случае «Екатеринбург-Сити» это дает надежду на то, что имидж места будет формироваться в том числе и посредством возвращения к жизни названий ретролокаций, в числе которых усадьба П. А. Антипина, усадьба и сад первого уральского садовода-селекционера Д. И. Казанцева, дом ювелира И. К. Афиногенова и др.

Возможно, обновление проекта будет способствовать далее преобразованию или замене объединяющего названия квартала, поскольку заимствованный компонент *Сити*, хотя и сочетается с небоскребами, все-таки мало репрезентативен для территории с включенным историко-культурным фондом.

Интересный кейс ребрендинга с грамотным и аккуратным преобразования прежнего названия в новое представляет работа команды одного из главных парков Екатеринбурга — *Центрального парка культуры и отдыха им. В. В. Маяковского*.

В качестве преамбулы нужно сказать, что парк имеет почти 90-летнюю историю, он начал работать еще в 1933 году, на протяжении многих лет был в достойном состоянии и соответствовал парковым стандартам своего времени, но в постсоветский период заметно обветшал и деградировал.

В 2019 году состоялось обсуждение концепции модернизации парка, организованное Управлением культуры администрации города Екатеринбурга и представителями архитектурного бюро «Svesmi». В серии круглых столов и дискуссий приняли участие представители власти, креативных индустрий, образования, бизнеса и предпринимательства, брендинговых и информационных агентств [Парк культуры нового типа].

Мы не будем заострять внимание на конкретных действиях по изменению инфраструктуры и досуговых парковых форм, но покажем, как проходило переформатирование имиджа объекта посредством ренейминга и моделирующих средств фирменного стиля.

Знаком перемен стало преобразование самого названия парка. Вместо прежнего многокомпонентного топонима *Центральный парк культуры и отдыха им. В. В. Маяковского* предложен лако-

ничный вариант — *парк Маяковского*. Одновременно произошла перестановка смысловых акцентов: мотивировочная семантика измененного топонима связана уже не столько с коммеморацией (исчез компонент «имени»), сколько с образом В. Маяковского как одного из выразителей идей авангарда в искусстве XX века. Почему звучал авангард, и почему именно так стала восприниматься фигура Маяковского?

Тема авангарда отвечает одному из культурно-исторических кодов Екатеринбурга (Свердловска). В 1920–1930-е годы на его территории было реализовано большое число строительных проектов в стиле конструктивизма — инновационного на то время архитектурного направления. Сегодня в городе сохранилось более 140 памятников конструктивизма (среди них здания и даже микрорайоны), что позволяет считать Екатеринбург архитектурным заповедником конструктивистского наследия [Знакомство с Екатеринбургом..., 2017].

Тема получила развитие в медийных текстах, блогинге, туристических нарративах, специальных научных и творческих событиях. В итоге сформировалась устойчивая характеристика в имидже Екатеринбурга и одно из слагаемых его бренд-потенциала. Добавим, что имиджевую значимость темы авангарда поддержал и топонимический нейминг в области коммерческой застройки, где появились жилые комплексы «Малевич», «Татлин», «Кандинский».

Создатели бренд-платформы парка Маяковского тему поддерживали, а для того чтобы укрепить нужный ракурс восприятия, использовали традиционные средства PR-продвижения — серию публикаций в СМИ с рассказами о проекте. Покажем значимый в смысловом отношении фрагмент одной из них:

«В основе нашей концепции — история парка, которую автор рассматривает как культурный код, который нашел свое отражение в оформлении парка. <...> В качестве логотипа парка осталась главная арка у входа, выполненная в стиле минимализма. Основными цветами выбраны красный, серый и черный, напоминающие нам об эпохе конструктивизма, в которую парк начал свою работу.

Дизайн лаконичный, отсылает к советскому стилю, русскому авангарду и конструктивизму, поэтому для Екатеринбурга он очень органичен» [Русский авангард...].

Любой брендинг (и брендинг места на составляет здесь исключения) всегда интегрирует разные средства и тексты коммуникации на одной семантической платформе. Поэтому не только измененное название — *парк Маяковского*, но и новый фирменный дизайн, и новый логотип, и мерч, и другие средства создания единого знакового потока работают на восприятие меняющегося парка. Топоним служит лишь одним из средств брендинга, хотя именно он помогает «собрать» всю информацию. И в случае *парка Маяковского* важно, что, дополняя материальную работу по переоборудованию и благоустройству территории, название усиливает формирование ее перспективного образа, который органично соединяет культурный опыт прошлого с настоящим и будущим.

Повышается ли социальная ценность территории при подобной реновации? Очевидно, да, поскольку парк не только удерживает, но и расширяет в перспективе свою целевую аудиторию. Он способен привлечь новых посетителей и прежде всего молодежь, которая заинтересована в современных досуговых формах и позитивно воспринимает новые стилистические решения и оригинальные визуальные образы.

Попутно нужно отметить, что переход от прямой коммеморации, которая уже слабо согласуется с представлениями о парке как месте отдыха и развлечений, к более «пластичной» в смысловом отношении условно-символической номинации, безусловно, соответствует задачам обновления номинативных подходов.

Позволим себе остановиться на такой значимой для Екатеринбурга теме, как наука и научно-техническое творчество. Екатеринбург считается одним из крупнейших научных центров страны, поэтому вполне закономерно, что тема науки начала развиваться в городской топонимии еще с советского времени и продолжает сохранять свою актуальность по сей день. Всего в Екатеринбурге, как отмечает Ю. А. Качалкова, существует более тридцати улиц, по-

священных деятелям науки, российским и зарубежным [Качалкова, 2013, с. 93–94]. В разных районах города есть названия, присвоенные в честь выдающихся академиков (см.: улицы *Академика Павлова*, *Академика Губкина*, *Академика Карпинского*, *Академика Шварца*). Есть названия, поддерживающие образ научно-образовательной среды (улицы *Профессорская*, *Студенческая*, *Институтская*); названия, соотнесенные с темой инженерно-технического творчества (*Инженерная*, *Новаторов*, *Инновационная*).

Тему науки для имиджирования столицы Среднего Урала, безусловно, нужно признать продуктивной — она сформирована историей города и соответствует его современной миссии. Поэтому весьма репрезентативно, что значительная территория новой застройки Екатеринбурга получила название «*микрорайон Академический*». В плане топонимического означивания здесь был применен принцип зонирования, и все наиболее значительные линейные объекты получили имена, сохраняющие память о заслуженных деятелях науки: *проспект Академика Сахарова*, *улица Академика Вонсовского*, *улица Академика Ферсмана*, *улица Академика Парина*, *бульвар Академика Семихатова*.

Обращаясь к историческим корням «академической» темы в екатеринбургской топонимии, нужно сказать, что она по-своему была предопределена основанием в 1932 году Уральского филиала Академии наук СССР (УфАН), при активном участии академика А. П. Карпинского, поэтому большинство ученых, в честь которых созданы упомянутые «академические» топонимы, имеют непосредственную связь с Екатеринбургом (Свердловском) и, шире, с Уралом по своей биографии, работе, научным интересам и контактам.

Однако есть на карте Екатеринбурга и такие «научные» имена, что соотносятся с деятелями зарубежной науки и зарубежными подвижниками научных изысканий (улицы *Никола Теслы*, *улица Амундсена* и др.). Отчасти это обусловлено историческим кодом города, в котором с XIX века шло формирование сильных научно-исследовательских и научно-просветительских традиций, отчасти — открытостью города и его интеграцией в международное культурное пространство.

Таким образом, в топонимических практиках Екатеринбурга есть результаты, работающие на обновлении вербального образа города. Но в то же время существующий в настоящее время топонимический «портрет» носит несколько размытый характер. Объективные причины того кроются в том, что городская топонимия (и Екатеринбург здесь не является исключением) складывается постепенно. В основной своей массе топонимы консервативны, они несут на себе приметы той эпохи, в которую были созданы, и не могут быть подвергнуты сплошной единовременной перестройке. Сложно перекраивать имеющийся топонимический материал, даже если какие-то названия в точки зрения дня сегодняшнего оцениваются как неудачные или семиотически неуместные. Не стоит забывать, что коррекция топонимии всегда влечет за собой проблемы вторжения в привычное для горожан топонимическое окружение, тянет за собой финансовые затраты на переделку всех навигационных и справочных материалов, а потому не должна осуществляться без весомых на то оснований.

Другое дело, если происходит материальные изменения самого пространства, например его перепланировка или реновация застройки. В этом случае появляются все условия для обновления топонимов, и целесообразно при создании новых названий действовать в логике целостного представления территории.

Обобщая преимущества внедрения в урбанонимическое строительство стратегии топонимического имиджирования, подчеркнем несколько просматриваемых перспектив:

- имиджевая стратегия позволяет уйти от частных интересов отдельных социальных субъектов и от политически подогретых споров о номинативной реституции, поставив во главу угла интересы самого города — живущего и обновляющегося;

- она соотносится с комплексным подходом к семиотике локаций, при котором топоним выступает ключом к «прочтению» образа пространства, созданного совокупностью наполняющих его объектов (пространственно-архитектурных форм, планировочных и дизайнерских решений) и обладающего своим смыслом — своей функционально-содержательной семантикой в городском «тесте»;

— понимание имиджа территории как модели, в которой соединяются ключевые характеристики города, значимые для позиционирования и развития, что позволяет использовать его в качестве одного из инструментов управления урбанонимическим строительством. При этом содержательной частью модели становятся черты региональной и локальной идентичности, которые продуктивны для представления города в целом и для «показа» отдельных его локаций. Таким образом, имиджевый подход позволяет связать прошлое со стратегией движения в завтрашний день и строить городской топонимикон, ориентируясь не только на историю, но и на образ и горизонты будущего.

Раздел 4

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ НЕЙМИНГ

Глава 1. Нейминг: от постановки проблемы до оценки результатов

Создание новых городских топонимов составляет значимую часть муниципальной топонимической политики. С одной стороны, этот процесс носит безусловно творческий характер, с другой — характеризуется высокой социальной ответственностью, поскольку общественное внимание к официальным городским топонимам значительно возросло. Проблемы наименования и переименования объектов городского пространства входят в злободневную повестку и нередко становятся поводом для резонансных общественных дискуссий. В спорах, которые разворачиваются в медийном поле, порой сталкиваются диаметрально противоположные точки зрения на одни и те же топонимические факты, высказываются оценки, существенно различающиеся у представителей разных возрастных групп, людей политически активных и равнодушных к политике, разделяющих конфессиональные убеждения и принципиально воздерживающихся от таковых. Взгляды на содержание и форму топонимов, на их культурный, исторический, социальный и эстетический потенциал, на целесообразные и нецелесообразные мотивы номинации у массовой аудитории далеки от единства, а вкусовые предпочтения — от однородности.

Традиционно номинативной стороне топонимического означивания уделяется внимание в ономаσιологических исследованиях городских топонимов [Качалкова, 2013; Мезенко, 2011 и др.],

в описаниях структурных и семантических моделей урбанонимов [Горланова 2006; Забелин, 2007; Пушкарева, 2013; Разумов, 2003; Суперанская, 1985 и др.]. Однако сама по себе научная информация о сформированных в языке «формулах» содержания и оформления урбанимов не обеспечивает безусловной эффективности их применения в практической деятельности топонимических комиссий. Есть трудности, которые кроются в самом процессе именотворчества и его организации.

Эти трудности возникают уже на этапе отбора производящей лексики для новых имен, поскольку круг слов, потенциально уместных для создания топообозначений, не безграничен — он объективно сужается как логикой восприятия пространственных объектов, так и сложившимися в языке традициями.

Другое обстоятельство, способное снизить качество результатов именотворчества, обусловлено действием человеческого фактора. В том случае, когда у членов топонимических комиссий отсутствует единое понимание стратегических целей топонимической номинации и решения принимаются по принципу оперативного реагирования на необходимость присвоить топонимическому объекту какое-то имя, мотивировочная деятельность может неоправданно сокращаться, а ее итоги, к сожалению, не всегда способны отвечать принципам уместности и гармоничного развития урбанонимического ландшафта.

Немало таких фактов, когда название «навязывается» ландшафту без учета его специфики и порождает диссонанс между мотивировочной семантикой топонима и характеристиками его денотата. Так, незначительные улицы, переулки, проезды с небольшим трафиком и отнюдь не великой значимостью для городской коммуникации волей склонных к украшательству номинаторов могут приобретать пафосные названия, чей коннотативный культурный фон значительно превосходит достоинства названного объекта. Красноречивый пример тому — *улица Шекспира* в Нижнем Новгороде. Улочка небольшая, необлагороженная, здесь нет ни значительных культурно-досуговых объектов, которые оправдывали бы приобретение столь глобального культурно коннотированного названия, ни архи-

тектурных изысков. Добавим, что так же фатально не везет имени Шекспира в приложении к улицам других российских городов: в Астрахани, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону улицы, названные в честь великого английского поэта и драматурга как на подбор маленькие, невзрачные и незначительные. И аналогичные номинативные казусы, увы, нередки.

Иной пример семиотической несогласованности — наличие явного семантического контраста в мотивировочной семантике соположенных топонимических объектов. Приведем в пример урбаноним *улица Рождественская* (Екатеринбург), которым был пополнен ряд названий для территории малоэтажной застройки, где уже существовали улицы *Овощная*, *Прохладная*, *Соловьиная*, переулки *Озерный* и *Молочный*. Не составляет труда заметить, что на относительно выделенной в планировочном и функциональном отношении территории доминируют названия с условной «природно-пейзажной» мотивировочной семантикой. Все они так или иначе ассоциируются с природными образами в городской жизни. Внезапное же вторжение в этот топонимический ансамбль конфессионально коннотированного топонима *Рождественская* производит впечатление семиотического сбоя. Как известно, конфессиональные урбанонимы традиционно появлялись вблизи религиозных объектов — соборов, храмов, монастырей. Но в нашем случае ничего подобного ни на самой улице *Рождественской*, ни и в ее окрестностях нет, и внешне красивое название, по сути, банализирует «высокую» конфессиональную тему, переводя ее на один смысловой уровень с «овощной» и «молочной».

Разумеется, далеко не всегда можно избежать столкновения разных мотивировочных «смыслов» в пределах общего пространства, особенно в тех случаях, когда номинаторам приходится заполнять «лакуны» в уже сложившемся, исторически сформированном топонимическом ландшафте. Но если есть возможность для подстройки под смысловую доминанту, выделенную в урбанонимах территории, то целесообразно действовать именно в ее русле.

На перекосы в номинативной практике влияет также инерционное давление номинативных привычек XX века и, в частности, активное вовлечение топонимов в акты прославления и почитания.

Коммеморативная номинация с чрезвычайной легкостью решает формальные задачи топонимического означивания. Типовая аргументация, как правило, сводится к схеме «это достойный человек, поэтому память о нем нужно увековечить в названии какой-нибудь улицы». Не удивительно, что нередко коммеморативная номинация применяется вообще вне каких-либо реальных связей с топонимическим объектом. Отсюда следует, что затраты на лингвокреативную работу будут минимальны, а «конвейерное производство» мемориальных названий можно без усилий поставить на поток. Но коммеморация, возведенная в ранг номинативного штампа, способна подавить собой все прочие топонимические модели и превратить в городские топонимические ландшафты в однообразные мемориальные списки. Именно поэтому вызывают тревогу некоторые местные инициативы, за которыми просматривается восприятие топонимов в качестве дополнительных мемориальных табличек. Так, в сентябре 2019 года депутаты Московской думы приняли поправки в законодательство Москвы — расширить базу объектов для топонимической коммеморации, включив в нее скверы и проезды, поскольку список имен из претендентов на увековечивание уже составляет длинную очередь.

Еще дальше продвинулся на ниве коммеморации городской Совет депутатов в Новосибирске, приняв в 2018 году решение увековечивать в городской топонимии имена выдающихся граждан при их жизни при условии, что у них есть звание Героя России или Героя СССР [Имена живых героев...].

Не подвергая сомнению необходимость общественного признания заслуг достойных людей, топонимическим комиссиям тем не менее необходимо учитывать существование других форм коммеморации и понимать последствия ее чрезмерного применения в топонимии.

Таким образом, прикладной аспект топонимической политики оказывается сопряженным со многими практическими вопросами, возникающими при создании и/или выборе новых названий.

Оптимизировать процесс изобретения собственных имен можно внедрение системного подхода, основанного на структу-

рировании комплекса деятельных усилий, на выдвижении ясных прагматических целей означивания и последовательной обработке экстралингвистической и языковой информации. Креатив, сочетающийся с алгоритмизированным характером исследовательской и оценочной работы, — такой путь в создании собственных имен, выгодно представляющих наименованные объекты, предлагает современный нейминг. Тесно связанный с понятием маркетинговых коммуникаций нейминг служит инструментом для управления восприятием и подчинен выбору наиболее эффективных способов передачи прагматических смыслов в имени собственном. Перспективы, которые открываются в связи с использованием этой технологии, позволяют выдвинуть предположение о включении в область ее применения топографических реалий городской территории. Поскольку исследовательская проверка таких возможностей еще не производилась, мы воспользуемся методом экстраполирования известных процедур нейминга на сферу топонимического означивания и попытаемся выявить их содержательную специфику. Но прежде остановимся на характеристике самого понятия «нейминг».

Термин *нейминг* (от англ. *naming* — именование) относительно недавно вошел в отечественный профессиональный лексикон. В 1990-е — начале 2000-х годов он укрепился в речи специалистов по рекламе и связям с общественностью, главным образом применительно к явлению брендинга и коммуникациям бренда. Используемый преимущественно в маркетинге коммерческой сферы, нейминг получил следующую трактовку: «процесс разработки названия бренда для компании, товара или услуги, важнейшая часть маркетинговой стратегии компании, неотъемлемая часть позиционирования бренда» [СТМ].

В свою очередь, *нейм* — имя собственное, созданное в результате нейминга, расценивается как важнейшая часть бренда, призванная в знаковой форме объединять и связывать его коммуникативное пространство.

Своим появлением термин обязан не научному лингвистическому дискурсу, а маркетинговой практике, поэтому ономастика долгое время предпочитала его «не замечать», обходясь в отношении

процесса рационального изобретения собственных имен привычными обозначениями *именование, наречение, именотворчество*. Не ставя под сомнение справедливость употребления последних, тем не менее необходимо отметить принципиальное отличие их содержания от содержания понятия «нейминг».

Каждый из указанных терминов может быть использован (иногда с теми или иными пояснениями) для называния рациональной именующей активности. Под именующей активностью мы будем полагать здесь речевое воплощение исключительно имени собственного. Во всех случаях это речемыслительное действие основывается на ментальной обработке определенной информации — на осмыслении свойств самого объекта, на определении мотива, который соответствует намерениям называющего субъекта, на выборе языкового материала для именного обозначения и т. д. В чем же тогда отличие от нейминга?

Нейминг обращает логическую основу номинации в структурированную технологию. За ней стоит последовательная цепочка операций, каждое из звеньев которой решает свою задачу с привлечением необходимых методов, а конечный результат всегда нацелен на управление тем, как воспринимается названный объект.

Поскольку имя собственное в данном случае выступает в качестве инструмента, который будет работать на нужное восприятие, то в русле нашего рассуждения вполне уместно привлечение термина «позиционирование». При некоторой вариативности его содержания в маркетинге, социологии, психологии с позиционированием связывают формирование желаемого образа в сознании воспринимающей (целевой) аудитории¹. Отсюда следует, что ней-

¹ Ср.: «Позиционирование — искусство формирования образа марки в воображении целевой аудитории таким образом, чтобы она как можно более выгодно отличалась от марок конкурентов, для чего используются как реальные, так и воображаемые ее характеристики» [Амблер, 1999, с. 133]; «Позиционирование осуществляется как процедура по ориентации интересов и ожиданий потребителей на восприятие и идентификацию, а также закрепление и усиление позитивного имиджа различных торговых марок, услуг, компаний, институтов, общественных и политических деятелей. В основе позиционирования лежит принцип сравнения (сопоставления), а также противопоставления по контрасту, когда внимание ау-

минг предполагает такое конструирование имени собственного, которое будет отвечать параметрам имиджирования объекта для создания необходимого впечатления и будет согласовано с задачами продвижения объекта в социальной среде. В свою очередь, это означает, что в технологии нейминга неизбежно будут задействованы исследовательские, аналитические, оценочные, креативные и проверочные методы, направленные как на обследование контекста деловой активности, в который предстоит интегрировать наименованный объект, так и на выявление интересов, вкусов, запросов, особенностей восприятия адресатной аудитории.

Таким образом, нейминг не ограничивается номинативной речетворческой активностью — ни собственно изобретением имени, ни выбором либо присвоением уже созданного обозначения. Точнее, нейминг, безусловно, включает указанные составляющие, но только в качестве некоторых компонентов весьма пространной технологической цепочки.

С опорой на общие представления о нейминге в сфере номинации коммерческих объектов [См.: Балахонская, 2016, с. 159–160] приведем их в сокращенном варианте:

- оценка обстоятельственного контекста для именования объекта продвижения;
- планирование имиджевых задач нейма (позиционирование);
- оценка существующих обозначений применительно к данному ряду объектов;
- определение возможных дифференцирующих признаков объекта продвижения, выгодных для него в плане дальнейшего восприятия и применения;
- выработка вариантов именного обозначения;
- тестирование полученных вариантов в аспекте выполняемых имиджевых задач и коммуникативной целесообразности²;

дитории направляется на объект, репрезентируемый далеко не всегда как самый лучший, но обязательно отличающийся от сходных с ним объектов того же класса» [Сарна, 2003].

² Сюда входит определение семантического потенциала имени по словарям, выявление фонетических и фоносемантических особенностей названия, опре-

- выбор финальных вариантов;
- тестирование на восприятие целевыми аудиториями;
- проверка на правовую чистоту (соответствие требованиям российского законодательства и иных нормативных документов) и соответствие лингвистическим нормам (языковая экспертиза).

Суммируя вышеизложенное в отношении нейминга, расставим акценты на существенных его характеристиках. Нейминг: а) представляет собой комплекс процедур, объединяющих исследовательскую, креативную и оценочно-аналитическую работу; б) выстроен в определенной логической последовательности; в) нацелен на управление восприятием объекта продвижения целевой аудитории; г) решает прагматические маркетинговые задачи.

Неймы — имена собственные и продукт нейминга — в ономастике получили различные терминированные обозначения: *рекламные имена* [Крюкова, 2004; Романова, 2007; и др.], *коммерческие имена* [Исянов, 2012; Кара-Мурза, 2008; Новичихина, 2004а; 2004б]. В первом случае смысловой акцент ставится на тесной связи нейма с рекламными текстами и реализацией рекламных задач. Хотя, возможно, более целесообразно было бы говорить не о сугубо рекламных функциях собственных имен, а о более широком спектре выполняемых ими задач имиджирования и продвижения. Современные подходы к управлению восприятием не позволяют ограничить связь неймов исключительно с рекламными текстами. Необходимо признать их интегрирование в тексты PR (которые значительно потеснили прямую рекламу в массовой коммуникации), ассоциативное соотнесение неймов с синкретичными «текстами» фирменного стиля и дизайна, использование в брендинге для символьного закрепления комплекса представлений, мнений, эмоционально-оценочных характеристик объекта в сознании представителей целевых аудиторий.

деление возможных ассоциативных связей имени (позитивных и негативных) по ассоциативным словарям и по результатам ассоциативного психолингвистического эксперимента, экспертное тестирование имени, тестирование методом фокус-группы.

Термин *коммерческие имена* представляется более убедительным в силу того, что очерчивает доминирующую сферу применения нейминга, а именно сферу коммерческой номинации. Она «представляет собой языковую номинацию учреждений и товаров, преследующую коммерческие цели» [Новичихина, 2004б, с. 4]. Термин «“коммерческая” применительно к данному виду именования мотивирован двумя причинами: во-первых, именуется коммерческий объект или товар, во-вторых, данное наименование преследует коммерческие цели — служит продвижению товара, услуги и т.п. на рынке» [Новичихина, 2004а, с. 165].

В настоящее время коммерческая номинация и связанный с нею нейминг составляют значительную долю именотворческой деятельности, направленной на выполнение задач маркетинговой коммуникации — продвижение, имиджирование, брендирование. Однако перспективен ли выход технологии нейминга за пределы коммерческой сферы? Думается, что да.

Невозможно игнорировать тот факт, что маркетинговые механизмы управления общественным сознанием и поведением внедряются во все сферы социально-экономической жизни. Маркетинговые действия оказываются значимыми в сфере работы органов государственного и муниципального управления, бюджетных учреждений, некоммерческих организаций, включая их политические, религиозные, общественные разновидности [Климова, 2013, с. 85]. При этом маркетинг все больше объединяется с менеджментом, и деловая практика доказывает продуктивность их интеграции на единой платформе при выстраивании отношений с различными аудиториями [Куц, 2003].

Именно целесообразность внедрения маркетингового подхода как основы для управленческих решений позволяет перенести научные и профессиональные представления о нейминге в интересующую нас область номинации городских топонимических объектов. И поскольку рекомендации по присвоению тех или иных городских топонимов входят в функционал топонимических комиссий, мы полагаем, что процедура нейминга может быть полезна для внедрения в творческую работу этих совещательных органов.

Глава 2. Методическая основа топонимического нейминга

Разговор о нейминге применительно к именам топографических городских объектов неизбежно выходит на вопрос о том, кто выступает заказчиком этой работы и в чьих интересах она должна производиться. Как следует из организационных оснований муниципальной топонимической политики, роль заказчика принадлежит органам муниципальной власти и местного самоуправления в лице уполномоченных субъектов административной деятельности, а заинтересованной стороной является сам город с его жителями. В интересах города и его деловой и социокультурной жизни и должен осуществляться нейминг.

Нейминг начинается с этапа исследования обстоятельственного контекста применительно к объекту именованию. Это доминативный, или преддоминативный, этап, в ходе которого осуществляется сбор и анализ разносторонней информации для выведения наиболее значимых номинативных мотивов и постановки задач дальнейшей номинации.

Какие данные могут быть аккумулированы на преддоминативном этапе? В первую очередь оказываются важными сведения о топографическом статусе самого объекта и территории его расположения.

Любой город объединяет пространственно-организованные, взаимосвязанные и освоенные территории, здания и сооружения, транспортную и инженерную инфраструктуры, природный компонент и среду общественной жизнедеятельности. Сложное сочетание природных и искусственных компонентов образует так называемый городской ландшафт, который характеризуется «способностью делиться на подсистемы; входить в системы высшего порядка (иерархичность); обладать прямыми и обратными связями; иметь непрерывное развитие и определенную организацию» [Черныш, 2012, с. 100]. От того, как вписан называемый объект в ландшафтную среду, какие реалии его окружают, с какими смежными объектами

он соотносится в логике пространственных и социальных связей, во многом могут зависеть мотивы номинации.

Наиболее очевидно работает на восприятие территориальной привязки объекта принцип ориентации. Если в пределах локации уже есть природный либо значимый культурный/социальный объект (или его возведение заложено в планах развития), то принцип ориентации может реализоваться в прямом либо ассоциативно связанном номинативном указании. Приведем в качестве примеров уже состоявшиеся номинативные решения, построенные на ориентирующем принципе и принятые в 2015–2018 годы. Топонимической комиссией Санкт-Петербурга для локаций в Пушкинском районе: *Механический проезд* назван в связи с тем, что здесь располагается новая площадка Механического завода; *Паровозная дорога* — проезд назван в связи с тем, что ведет вдоль железнодорожной линии в направлении станции Паровозный Музей; площадь *Египетские Ворота* наименована по архитектурному объекту XIX века «Египетским воротам».

Ориентирующий принцип может успешно реализовываться в номинативном связывании топографических объектов, расположенных на одной территории. Это позволяет использовать общую номинативную тему или сходные мотивы номинации, минуя поиски значимых реалий в пределах называемых топосов (тем более что таковые реалии могут отсутствовать), но соединяя в топонимический ансамбль семантически однотипные названия.

В Санкт-Петербурге на ансамблевом принципе обозначения делается акцент в городской топонимической программе. В ней, как мы уже отмечали ранее, говорится, что принцип формирования тематических ансамблей из городских топонимов является для Санкт-Петербурга исторически сформированной традицией [Основные принципы деятельности...]. Впрочем, ансамблевость свойственна не только топонимическому ландшафту Северной столицы, но и ее архитектурно-планировочным решениям, дворцовым и садово-парковым комплексам. Таким образом, создание урбанонимических блоков (соотнесенных по своей внутренней и внешней форме названий для соположенных объектов) можно

расценивать как часть исторического кода города и органичный компонент общей имиджевой характеристики. Например, названия топографических объектов, расположенных в пределах западной границы Василеостровского района и воплощающих на карте города морскую тематику и тему русского исследовательского мореплавания: *просп. Крузенштерна* — в честь российского мореплавателя И. Ф. Крузенштерна, возглавлявшего первую русскую кругосветную экспедицию; *ул. Лисянского* — в честь Ю. Ф. Лисянского, командовавшего шлюпом «Нева» в кругосветном плавании под началом И. Ф. Крузенштерна; *Вилькицкий бул.* — в честь А. И. и Б. А. Вилькицких, русских морских и полярных исследователей, выдающихся гидрографов; *ул. Чирикова* — в честь А. И. Чирикова, русского морского исследователя; *бул. Головнина* — в честь В. М. Головнина, русского мореплавателя и кругосветного путешественника; *ул. Челюскина* — в честь Семёна Челюскина, русского полярного исследователя; *Крузиный пер.* и *Паромный пер.* выходят к Морскому пассажирскому порту.

Продолжая разговор о предоминативном этапе проектирования топонимов, обратимся к иному виду актуальной информации. Разные части городской территории отличаются по своим функциональным доминантам. Прежде всего можно отметить существование центра и периферии. Центральная часть каждого города обладает своей спецификой. В одних случаях мы можем наблюдать исторически ценное ядро городского пространства, наполненное архитектурными и ландшафтными памятниками прошлого. В иных случаях это ядро дополняется административными постройками и бизнес-центрами, насыщается объектами культурной и досуговой деятельности. Правоммерно также говорить о существовании не одной, а двух и более зон концентрации общегородской жизни. Эти обстоятельства невозможно не учитывать при проектировании топонимов, поскольку введение новых названий при первичном именовании либо переименовании требует оценки их коммуникативного потенциала. Чем больше то количество людей, которое будет использовать топоним в своей деятельности, тем выше его коммуникативная значимость. Следовательно, тем серьезнее се-

мантическая и — шире — семиотическая нагрузка, которую несет имя собственное в трансляции городской специфики и образов городского пространства.

Например, в Москве в ходе переименований постсоветского времени, проведенных в основном в пределах Садового кольца, были возвращены колоритные названия, раскрывающие тему культурно-исторической глубины городского ландшафта:

— ул. *Пречистенка* (быв. *Кропоткинская*, 1921–1990 годы). Именована в 1658 году по указанию царя Алексея Михайловича в честь Смоленской иконы Пречистой Девы Марии, хранившейся в Новодевичьем монастыре;

— *Яузская ул.* (вместо Интернациональной, 1922–1994 годы). Этот пример, на наш взгляд, примечателен еще и тем, что возвращенное название вписалось в пространственно-именной континуум: улица выходит на пл. *Яузские Ворота*, и оба названия — *Яузская ул.* и *Яузские ворота* — реализуют общую метонимическую привязку к реке *Яуза*, одновременно хорошо работают на ориентирующие задачи и на целостный образ территории;

— ул. *Маросейка* (быв. *Богдана Хмельницкого*, 1954–1990 годы). Название известно с XVII века. Сформировалось по *Малороссийскому подворью* (здесь останавливались приезжавшие из Малороссии купцы, дипломаты, священнослужители) при фонетическом искажении звуковой формы. Название хорошо вписалось в окружающий топонимический ландшафт: рядом старинные названия — ул. *Покровка* и *Покровский вал*, пл. *Ильинские Ворота*, пер. *Армянский*, Бол. *Златоустинский* и Бол. *Спасоглинищевский*.

Существенно, что и ряд названий, присвоенных соседним улицам в послереволюционное время, также отражает реалии отдаленного прошлого:

— *Старосадский пер.* назван в 1922 году по располагавшемуся здесь с XV века урочищу *Старые сады* (великокняжеские сады, известные по документам 1423, 1488 годов);

— *Сверчков пер.* получил современное название в 1922 году по фамилии купца И. М. Сверчкова, на средства которого в 1695 году был выстроен ныне уничтоженный храм Успения Пресвятой Бо-

городицы на Покровке (ранее переулок назывался *Малый Успенский* — по тому же храму);

— *Потапский* пер. получил название в 1922 году в честь талантливое крепостного зодчего Петра Потапова, построившего в 1696–1699 годы храм Успения Пресвятой Богородицы на Покровке на средства купца Сверчкова (по имени которого назван соседний *Сверчков* пер.).

В целом в результате работы московской Топонимической комиссии была осуществлена не механистическая реконструкция прежних названий, а скорее актуализация с их помощью значимых культурно-исторических смыслов и выравнивание ретроспективной стороны топонимического ландшафта.

Имя не существует изолированно — в восприятии людей, использующих его в коммуникации, оно нередко соотносится с обликом объекта и его функциональной спецификой. Согласно функциональному принципу, планировочная структура города предполагает разделение на зоны с определенными доминантами. В таком аспекте выделяются:

- зоны жилой, общественно-деловой и многофункциональной застройки;
- предусматривается размещение объектов капитального строительства;
- территории с уже существующей застройкой и земли, на которых только предусматривается размещение объектов капитального строительства.

Все эти показатели уместно принимать во внимание при оценке обстоятельственного контекста, если действовать в рамках логики семиотического связывания пространства и топонимического имиджирования.

Обратимся в этой части к одному из примеров в опыте работы Совета по топонимике при Пермской городской думе. В 2008 году Совет присвоил новым улицам в микрорайоне Ива-1 названия: *Ильинская, Голдинская, Турбасовская, Богородская, Моравиновская, Томиловская и Потаповская*. Они вернули на карту города имена исторических улиц Мотовилихинского района, которые исчезли

в процессе сноса старых деревянных домов и появления новостроек. Специалист краевого центра охраны памятников Татьяна Ремизовская дала следующий комментарий к принятому номинативному решению: «Дело в том, что это спальный, окраинный микрорайон, часть его территории отведена под коттеджную застройку. Уже ясно, что здания здесь не будут отличаться особыми архитектурными изысками, а потому неправильно было бы называть улицы, скажем, громкими именами общественных деятелей. Поэтому и появилась идея дать нейтральные имена» [Цит. по: Смирнова, 2008].

На наш взгляд, предложенные имена более чем удачны: они не только нейтральны, но и выполняют две семиотические задачи: возвращение старых топонимов, во-первых, возвращение старых топонимов оживило историческую память места, а во-вторых, успешно обозначило функциональную специфику микрорайона.

В целом, как следует из практического материала, учет факторов внешнего контекста номинации — топографического статуса объекта, функциональной нагрузки локации, окружающего топонимического ландшафта в его современном и прошлом состоянии, планируемого коммуникативного диапазона нового топонима — способствует выведению целесообразных мотивов для именотворчества.

Изобретение вариантов именного обозначения составляет задачи следующего этапа. В его рамках производится выбор содержания и формы топонимов с объяснением причин актуального смысла номинации. Далеко не всегда эта творческая кухня открыта для стороннего наблюдения, но ее детали представляются полезными для обмена опытом в работе топонимических комиссий.

Приведем по этому поводу кейс из практики топонимической комиссии при администрации г. Екатеринбурга по созданию названий для улиц в пределах логопарка «Кольцово». Рабочие материалы, предварительно предоставленные в комиссию, можно трактовать как часть брифа к номинации. Они включают: а) топографический план местности и проект планировки территории; б) характеристику ее функционального назначения, инфраструктуры и хозяйствующих субъектов (арендаторов). В пояснительной записке к рабочим

материалам, в частности, говорится: «Логопарк “Кольцово” — один из крупнейших торгово-логистических центров Свердловской обл., общей площадью 84 га. Расположен в непосредственной близости от екатеринбургского аэропорта “Кольцово”, под “лепестком” развязки на Кольцовском тракте. В непосредственной близости — выезд на федеральные трассы и в центр города. Резидентами парка являются крупная российская мультиформатная продуктовая розничная компания, а также автотехцентры дорожно-строительной техники». В качестве ведущей темы топонимической номинации заказчик предложил обозначить роль центра в транспортно-логистической системе города и региона. Она получила разработку в следующих номинативных решениях:

— *ул. Стыковочная* (< стыковочный ‘осуществляющий стыковку, соединение частей, направлений’) — улица соединяет участки Екатеринбургской кольцевой автомобильной дороги. Название напрямую передает особенности и назначение объекта, лишено украшательности, соответствует техническому профилю всей прилегающей территории;

— *ул. Распределительная* (< распределительный ‘служащий для распределения’) — название отражает функции логопарка как части логистической инфраструктуры, соответствует техническому профилю всей прилегающей территории;

— *ул. Стратегическая* (< стратегический ‘основанный на стратегии — долгосрочном плане действий’) — название ассоциативно связано с перспективами развития территории;

— *ул. Технологическая* (< технологический ‘связанный с технологиями как рациональными способами и методами осуществления процессов’) — название отражает технический профиль территории и следование современным технологиям логистических систем.

При проверке проектных названий на семантическую уместность в экспериментальной фокус-группе названиям была дана преимущественно положительная оценка. При проверке названий на наличие на территории МО г. Екатеринбург аналогичных наименований для элементов дорожно-транспортной сети было установлено функционирующее обозначение улицы Техническая.

Из-за риска смешения урбанонимов проектное название «улица Технологическая» было отклонено.

Таким образом, сводя воедино информацию о технологической цепочке топонимического нейминга, укажем ее структурные звенья:

1. Исследовательский этап. Нейминг начинается с этапа исследования обстоятельственного контекста применительно к объекту именованию. Это доминативный этап, в ходе которого осуществляется сбор и анализ разносторонней информации для выяснения наиболее значимых номинативных мотивов и постановки задач дальнейшей номинации. Какие данные для топореалии могут быть аккумулированы на данном этапе? В первую очередь оказываются важными сведения о топографическом статусе самого объекта, его функциональной нагрузке и специфике территории расположения. Кроме того, нужную информацию о пространственном устройстве территории должны предоставить схемы генерального плана и эскизные проекты застройки, позволяющие представить местность в ее визуальных образах.

Историко-событийная информация и культурное наследие, шире – культурно-символический капитал территории, к которой будет принадлежать называемый топообъект, также входит в объем собираемого материала. Его ценность в качестве почвы для поиска мотивов номинации может быть подтверждена или опровергнута в процессе креативной разработки.

Лингвистической информацией, значимой на этом этапе, являются сведения о топонимах, которые маркируют расположенные рядом объекты на карте города, поскольку новые названия могут вступать в те или иные семантические связи и отношения. Например, дополнить или ассоциативно развивать уже заданные номинативные темы, формируя топонимические блоки или ансамбли, и таким образом зонировать пространство.

2. Следующий этап нейминга — этап собственно номинативный — заключается в изобретении вариантов топонимического обозначения. В его рамках производится выбор содержания и формы топонимов с объяснением причин и актуального смысла номинации. Желательно составление лонг-листа названий с пояснением

мотивации и преимуществ у каждого из предлагаемых вариантов по трансляции определенной прямой или образной информации.

3. Этап экспертной лингвистической оценки номинативных вариантов лонг-листа и сокращение его до финального варианта топонима или до шорт-листа с конечными обозначениями. На этом этапе производится оценка уникальности обозначения и исключаются названия, которые обнаруживают с уже существующими полное совпадение или сходство, создающее риски неразличения. Отсекаются названия, которые по тем или иным основаниям не отвечают задачам индивидуализации либо имиджирования объекта. Проверяется состав и порядок следования тех или иных компонентов в формуле обозначения на соответствие правилам, закрепленным в общих или локальных нормах.

Добавим, что при необходимости экспертная оценка языковых свойств полученных обозначений может быть дополнена тестированием в фокус-группах для уточнения особенностей восприятия новых топонимов целевой аудиторией.

4. Еще один этап технологической цепочки — экспертная оценка правовой чистоты предлагаемых для закрепления официальных топонимов. Она заключается прежде всего в проверке на соответствие нормам и регламентам, прописанным в местных положениях о топонимическом назывании, например в части соблюдения правил коммеморации.

Вопросы, на которые выходит нейминговая экспертиза, образуют достаточно пространный перечень. Назовем лишь некоторые актуальные направления специальных экспертных исследований:

- а) историко-культурная ценность возвращаемых старых топонимов;
- б) социокультурная значимость новых названий в аспекте создания имиджа объекта и портрета города в целом;
- в) семантическая уместность имени топографического объекта в связи с восприятием городского пространства;
- г) структурно-словообразовательные и фонетические свойства новых городских топонимов в перспективе включения их в языковую среду города и его речевую коммуникацию;
- д) соблюдение нормативных оснований и процедурных регламентов присвоения именных обозначений.

Безусловно, муниципальные топонимические практики во многом зависят от компетенций и профессионального капитала топонимических комиссий. На сегодняшний день можно наблюдать разноречивость в определении оценочных критериев для качества номинации — здесь каждый муниципалитет движется по своей траектории, к сожалению, часто осложняемой вмешательством субъективных факторов. И единственное решение видится лишь в перспективах сотрудничества топонимических комиссий — в обмене опытом, профессиональным видением, научными мнениями и выработкой согласованных рекомендаций по технологиям топонимического нейминга, включая его детализированную экспертную часть.

Глава 3. Проблемы переименования топографических городских объектов

Одним из процессов, протекающих в жизни городских топонимиконов, является *переименование* — «замена данного имени объекта другим» [Подольская, 1988, с. 106]. На наш взгляд, приведенное определение не совсем точно определяет суть этого явления, поскольку позволяет отнести к нему слишком широкий круг случаев изменения имен, в том числе и появление неофициальных вариантов названий (например, *Санкт-Петербург* — *Питер*, *улица Ворошилова* — *Варшава* и т. д.). С нашей точки зрения, переименование — это разновидность искусственной номинации, заключающаяся в замене одного имени собственного другим под влиянием экстраэкономических факторов в результате принятия специального номинативного акта органом исполнительной или законодательной власти.

Помимо термина *переименование*, в настоящее время иногда отмечаются единичные случаи употребления терминов *реноминация* [Ли Мулинь, 2016; Красина, Александрова, 2020] или *ренейминг* [Новичихина, 2014; Соколова, 2016; Балахонская, 2020]. Последний преимущественно встречается в работах по коммерческой номинации, однако теоретически возможно его использование и при

рассмотрении особенностей урбанонимической и ойконимической номинации.

Между наименованием нового объекта и переименованием уже существующего объекта имеются очевидные различия. Их в своей статье попытался выделить А. К. Матвеев: «Первонаименование, основываясь на топонимической системе, прежде всего обращает внимание на сам безымянный объект. Переименование, напротив, в первую очередь исходит из данных топонимической системы. Первонаименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения, причем процедура переименования более сложна и болезненна, что и демонстрирует практика современных российских переименований» [Матвеев, 2009, с. 100–101]. В перечисленных автором различиях справедливо подчеркивается сложность и болезненность любых изменений, практически всегда приводящих к возникновению онимических конфликтов [См.: Разумов, 2018], поскольку, как правило, свои защитники и сторонники находятся у любых названий. Дополнительные трудности процесса переименования обусловлены необходимостью учитывать окружающий урбанонимический ландшафт, поскольку новое название должно органично вписываться в уже существующую городскую среду. Например, в 2008 году на одном из заседаний Топонимической комиссии Ярославля рассматривался вопрос о переименовании *2-й Рабочей улицы* в *улицу Л. Г. Ефимова*, георгиевского кавалера, проживавшего на данной улице. Одной из причин отказа стало то, что данное изменение нарушило бы сложившийся топонимический ансамбль из трех улиц. До революции эти объекты носили названия *Передняя*, *Средняя* и *Задняя Крестовские улицы*, указывавшие на расположение рядом с территорией села Крест-Богородское. После революции они были переименованы в *Переднюю*, *Среднюю* и *Заднюю Рабочие улицы*, а в 1965 году урбанонимы из-за неблагозвучности трансформированы в *1-ю*, *2-ю* и *3-ю Рабочие улицы*. Таким образом, переименование одной из улиц нарушило бы существующий топонимический ансамбль, что привело бы к проблемам

в локализации оставшихся объектов и нарушило сложившуюся систему урбанонимов.

Рассмотрение любого переименования так или иначе должно учитывать три основных вопроса. По мнению А. К. Матвеева, это политический (шире — идеологический); экономический (финансовый), который его обеспечивает; и языковой (топонимический), который обуславливает вхождение, встраивание названия в топонимическую систему, его соответствие нормам языка и культурно-эстетическому идеалу, проще говоря, его удачность [Матвеев, 2009, с. 101]. В рассуждении мы коснемся всех обозначенных вопросов применительно к урбанонимии.

История переименования внутригородских объектов в нашей стране началась еще до революции. В конце XVIII века в России на смену слободскому пришел линейный принцип организации урбанонимического пространства, закрепивший название улицы в качестве основного адресного объекта города. Активное освоение окрестных территорий и присоединение многочисленных сел и деревень привело к появлению в черте населенного пункта большого количества одинаковых названий. Эта проблема стала особенно значимой в XIX веке в больших городах. А. Г. Владимирович и А. Д. Ерофеев в своей книге по истории названий Санкт-Петербурга отмечали, что «...в середине XIX века действительно в каждом районе образовались свои *Болотная, Госпитальная, Офицерская, Церковная, Кузнечная, Грязная улицы, Глухой переулок* (последних, правда, не одновременно, а за все время существования Петербурга насчитывалось 38 штук). И стало ясно: чтобы вконец не запутаться, надо их срочно во что-то переименовывать» [Владимирович, 2014, с. 119]. Как указано во вступительной статье к справочнику «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика: Полный свод названий за три века», «в 1857, 1858, 1859 гг. были изданы указы Сената, направленные на упорядочение системы названий и ликвидацию множества одноименных и безымянных улиц» [Городские имена..., 1997, с. 13].

Итак, в середине XIX века в столице Российской империи фиксируются первые массовые случаи переименования внутригородских

объектов. С этого времени, вероятно, и можно вести речь о рождении нового способа развития топонимического ландшафта³.

Уже в конце XIX века при переименовании используется коммеморация. Так, 20 ноября 1892 года *Никольская улица* в Санкт-Петербурге стала именоваться *улицей Глинки* в честь известного русского композитора [Городские имена..., 1997, с. 36]. Вслед за столицей переименования стали происходить и в провинциальных городах. В 1899 году, к столетию со дня рождения А. С. Пушкина, названия в честь поэта появились в Екатеринбурге, Иванове, Казани, Рыбинске, Самаре, Симферополе, Томске и ряде других населенных пунктах, в 1900 году — в Пскове и во многих из перечисленных городов урбанонимы были созданы в результате переименования.

После революции 1917 года переименования становятся массовыми, и далее они происходят на протяжении всего советского времени. В разные десятилетия XX века этот процесс протекал с различной интенсивностью: количество переименований зависело от изменчивости политической воли и активности присоединения пригородных территорий. Бывали в советский период и необычные исключения: в январе 1944 года в Ленинграде одновременно со снятием блокады был возвращен ряд знаковых для города исторических названий: *Невский проспект*, *Дворцовая набережная*, *Исаакиевская* и *Казанская площади*, *Марсово поле* и др.

Относительно массовым процесс возвращения исторических названий стал лишь на излете существования СССР в конце 1980-х годов. Он вновь был запущен в столице, но на этот раз это был уже не Санкт-Петербург, а Москва: в 1986 году на карту города возвратились первые три названия: *Метростроевской улице* вернули название *улица Остоженка*, *Фрунзенскому валу* — *Хамовнический вал*, станции метро «Лермонтовская» — «Красные Ворота». Заметим, что изначально предлагалось вернуть 25 названий, однако в процессе обсуждения чиновники разного уровня вычеркнули

³ Впрочем, первый случай насильственной смены названия внутригородских объектов произошел намного раньше: в 1658 г. царь Алексей Михайлович распорядился именовать *Чертольскую улицу Пречистенской*, однако это было единичное явление, не получившее далее широкого распространения.

из списка 22 названия. Дальнейшие переименования были произведены уже в начале 1990-х годов, их подробная история изложена в [Муравьев, 2006].

При изучении процесса переименований важно понимать мотивы, которыми руководствуются власти при смене названий. В настоящее время не существует единой, общепринятой типологии мотивов изменения названий. Наиболее близко к ее созданию подошел С. А. Никитин [Никитин, 2003], однако сделанные им наблюдения касаются преимущественно ойконимов. Мы попробуем предложить собственную типологию причин переименования внутригородских объектов, основанную на нашем многолетнем опыте изучения городов Российской Федерации.

Все существующие случаи переименований можно условно разделить на два основных типа. К первому типу относятся *переименования, обусловленные практической необходимостью*.

К практическим мотивам относится **устранение одноименности объектов**. Постоянное расширение территории городов, присоединение к ней сел и поселков может приводить к появлению в населенном пункте одинаковых названий. Как показывает наше исследование систем виконимов нескольких районов Ярославской области, среди названий сельских улиц часто встречаются топонимы *Центральная улица, Полевая улица, Лесная улица, Садовая улица, Заречная улица, Новая улица, Советская улица, Солнечная улица, Комсомольская улица* [Разумов, 2013, с. 146]. Соответственно велика вероятность, что любое из перечисленных названий может встретиться в селе или поселке, включенном в городскую черту. Например, по данным Т. П. Соколовой, после присоединения в 2012 году к Москве новых территорий в ней одновременно оказалось «одноименных *Лесных улиц* <...> более 40, *Луговых* — 25, *Полевых* — 22, *Березовых* — 16, *Вишневых* — 16 и т. д.» [Соколова, 2015, с. 254]. Устранить возникшую одноименность можно лишь с помощью переименования, что вполне логично делать в процессе включения новых территорий в городскую черту, так как жителям и предпринимателям присоединяемых территорий все равно приходится переоформлять многочисленные документы.

К переименованию объектов власти вынуждены прибегать и **при перепланировке городского пространства с целью упорядочения существующей адресной системы**. При переходе от одноэтажной деревянной к многоэтажной каменной застройке невозможно сохранить все ранее существовавшие названия. Перепланировка заводских территорий, ее использование под жилищную застройку, а также деление бывшего промышленного пространства на несколько самостоятельных адресных объектов приводит к необходимости смены того или иного названия.

Ко второму типу относятся *переименования, обусловленные изменением восприятия урбанонимов в обществе*. Подобные изменения названия носят субъективный характер, во многом зависят от воли местных, региональных или федеральных начальников, лоббистских возможностей крупного бизнеса, мнения влиятельных общественных и религиозных организаций.

Переименования объекта может производиться **для устранения неблагозвучных названий или их стилистической правки**. Данный мотив изменения урбанонимов применялся часто до революции. Я.З. Рачинский во вступительной статье к своему словарю указывает: «Только с середины XIX века городские власти стали время от времени переименовывать существующие улицы и по своему усмотрению давать названия новым. В частности, заменялись “неблагозвучные” названия: Вшивая горка была переименована в Швивую, а улица Варгунихина Гора, названная по кабаку “Варгуниха”, стала Воронухиной горой» [Рачинский, 2011, с. X]. Еще одним примером подобного переименования в Москве может служить *Староживодерный переулок*: «В 1891 г. оскорбительного названия переулок был переименован во *Владими́ро-Долгоруковскую улицу* по имени московского генерал-губернатора (в 1865–1891 годы) князя Владимира Андреевича Долгорукова» [Соколова, 2016, с. 142].

Примеры стилистической правки можно найти и в урбанонимических системах провинциальных городов. Например, в Рыбинске в середине XIX века название *Егорьевская улица* было изменено на *Георгиевская улица*. Уже после революции стилистической правке в этом городе подверглась форма меморативов, созданных до рево-

люции: *Пушкинская улица* стала *улицей Пушкина*, *Гоголевская улица* — *улицей Гоголя*. Аналогичную картину в 1920-е годы мы можем наблюдать и в других городах Российской Федерации — Волгограде, Рязани, Улан-Удэ и т. д.

Смена названия может быть обусловлена **общественно-политическими изменениями в жизни общества**. Данная причина реноминации объектов являлась основной предпосылкой для реформирования городских онимических систем России в течение всего XX века. Отправной точкой для них стала революция 1917 года, запустившая маховик переименований. Так, в Рыбинске в список улиц для переименования к дню празднования годовщины революции включены 22 названия, среди них как типичные для многих городов, так и более специфичные: *Бульварная улица* → *улица Красного Флота*, *Воздвиженская улица* → *улица Луначарского*, *Вишняя горка* → *Горка Максима Горького*, *Коммерческая улица* → *улица Свободы*, *Крестовая улица* → *проспект Ленина*, *Мологская улица* → *улица Бакунина*, *Спаская улица* → *улица Яна Гуса*, *Сенная площадь* → *площадь Стеньки Разина*, *Стоялая улица* → *Пролетарская улица*, *Театральная площадь* → *площадь Свободного Искусства* и др. [Списокъ улицъ и мѣстностей, 1918].

Переименование улицы может производиться **с целью увековечивания памяти о каком-либо человеке или событии**. В советское время этот способ реформирования систем урбанонимов активно применялся по всей стране: любое знаковое событие могло привести к переименованию объекта. В обществе, к сожалению, постепенно сложился стереотип о том, что единственным способом увековечивания памяти о человеке является присвоение его фамилии какой-либо улице. Данное убеждение существует и в настоящее время: топонимические комиссии по всей стране ежегодно получают предложения о переименовании объектов в честь исторических событий или их юбилеев, а также известных людей, что-то сделавших для города и страны.

И, наконец, еще одной причиной переименования объекта может быть **возвращение ему дореволюционного названия**. Хотя возвращение старых названий в 1990–2000-е годы не стало мас-

совым явлением, в российских городах, там, где оно произошло, оно оказало свое влияние на трансформации городских топонимических ландшафтов.

Возможные критерии для решения вопросов о переименовании прописаны в действующих положениях ряда российских городов. Например, в Законе города Москвы указано:

«...изменение наименований территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы производится в исключительных случаях, а именно:

- в целях восстановления исторически сложившихся наименований, имеющих особую историко-культурную ценность, установленную по результатам экспертизы, проведенной специально уполномоченным органом при правительстве Москвы;

- в целях устранения дублирования наименований в пределах территории города Москвы;

- при изменении статуса и/или функционального назначения соответствующего объекта города Москвы;

- по рекомендациям Президента Российской Федерации и (или) мэра Москвы в случае присвоения имен, фамилий известных жителей города Москвы, граждан Российской Федерации и иностранных граждан» [Закон города Москвы].

Перечисленные пункты, на наш взгляд, содержат все основные условия, при которых может быть разрешено изменение названий внутригородских объектов.

Разработка критериев переименования внутригородских объектов важна не только для улиц, площадей и прочих элементов улично-дорожной сети, но и для остановок общественного транспорта. Предприниматели осознали их рекламный и коммерческий потенциал, поэтому часто обращаются к местным властям с предложениями о присвоении остановкам названий своих коммерческих объектов. Мы полагаем, что названия остановочных комплексов не должны работать на выгоды коммерческих предприятий.

Особого внимания требуют действия по возвращению дореволюционных названий. Но очевидно, что не все старые урбанонимы могут быть безболезненно возвращены на карты городов. Безусловно необходима предварительная независимая экспертная оценка предлагаемых для восстановления названий. В качестве основы для разработки критериев может быть использована «Петербургская топонимическая программа», в которой были прописаны следующие требования к названиям:

«1. Продолжительность существования прежнего топонима (100–200 лет), закрепленного на карте города.

2. Фактическое использование старого названия наряду с существующим.

3. Историко-культурная ценность топонима, его неразрывная связь в сознании людей с историческими событиями, именами выдающихся людей, литературными памятниками.

4. Историко-географическая, краеведческая ценность топонима, когда название содержит в себе информацию об истории данной местности, роде занятий населения, отражает процесс формирования города.

5. Мемориальная ценность топонима, сохраняющего в памяти населения утраченные историко-культурные объекты» [Петербургская топонимическая программа]⁴.

Перечисленные положения могут быть дополнены и другими условиями, например, на наш взгляд, нецелесообразно возвращать прежние названия объектам, полностью утратившим в советское время свой первоначальный исторический облик, а также старые топонимы, которые не несут значимой для современных жителей информации.

Нецелесообразно и восстановление исторических урбанонимов в тех случаях, когда произошла утрата первоначальной мотивировки или изменение социальных условий.

⁴ Следует отметить, что в документе, которым руководствуется Топонимическая комиссия Санкт-Петербурга с 2018 года [Основные принципы деятельности Топонимической комиссии Санкт-Петербурга], эти положения уже не отражены.

Переименование ни в коем случае не может быть механистическим процессом. У каждого города есть своя историческая судьба, свой особый колорит, своя индивидуальность. В каких-то случаях возвращение старых названий может стать средством «прорисовки» исторической глубины, и это станет изюминкой в образе города. В других случаях старые названия, возможно, уже лишились значимой культурно-семиотической нагрузки, и их реконструкция не будет способствовать поддержанию актуальной местной идентичности.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Городская топонимия в ее динамике и в ее смысловом сопряжении с разными сторонами современной жизни больших и малых городов, каждый из которых обладает своим неповторимым «профилем», — вот тема, воодушевившая и сплотившая авторов этой книги. Мы ушли от традиционной привязки рассуждения к языковому материалу одного города или одной территории и сделали попытку обобщить научный опыт синхронической ономастики в отношении злободневных вопросов развития урбаноимических ландшафтов.

Вопросы эти выходят в актуальную повестку не только российских, но и зарубежных исследований, поскольку глобальные политические, экономические, культурные преобразования конца XX — начала XXI века не могли не повлиять на практики топонимического означивания городских объектов, а рождение новых научных и общественных идей, настроений, течений — не оказать воздействие на обновление подходов к оценке топонимической деятельности.

Учитывая большой опыт российской науки, а также исследования зарубежных специалистов, мы сформулировали собственный конструктивный подход к объяснению теории и практики рационального развития городской топонимии. Но нельзя не отметить, что выполнению этой задачи в значительной мере способствовало взаимодействие с нашими коллегами на полях международных и российских конференций, где всякий раз тема получала заинтересованный отклик и активное обсуждение.

В немалой степени на формирование нашей позиции повлияло также личное участие некоторых авторов проекта в работе местных топонимических комиссий. Таким образом, удалось соединить знание практической работы, а также понимание ее проблем и путей совершенствования с теоретическим социолингвистическим обоснованием того, что должны представлять собой современные топонимическая политика, топонимическое планирование и топонимическое строительство применительно к городской территории.

Мы искренне надеемся, что предпринятое исследование позволит, во-первых, обогатить социолингвистический сегмент российской топонимики, а во-вторых, расширить свод лингвокультурологический ономастической информации о специфике городских топонимов, оцениваемых в аспекте сохранения национальной и региональной специфики.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК И ИСТОЧНИКОВ

Законы и нормативные документы

Закон города Москвы «О наименовании территориальных единиц, улиц и станций метрополитена города Москвы» от 08.10.1997 № 40–70 (ред. от 22.11.2017). URL: <https://moskva-pravo.ru/zakon/1997-10-08-n-40-70/> (дата обращения: 23.08.2023).

Концепция по присвоению наименований объектам топонимии и установке объектов искусства на территории города Перми. URL: www.echop-erm.ru/upload/documents/2014/11/15/Projekt_Koncepcii_po_toponimii.Jck7By.pdf (дата обращения: 14.07.2023).

Петербургская топонимическая программа : одобрено решением президиума Петербургского горсовета от 27.12.1991 № 442. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9101209> (дата обращения: 11.07.2023).

Положение о порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования «город Екатеринбург». URL: <http://base.garant.ru/46721210/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 19.07.2023).

Положении о порядке наименования, переименования и упразднения названий топонимических объектов города Владимира. URL: <http://base.garant.ru/19333815/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 19.08.2023).

Постановление 15.01.2016 № 27 «Об утверждении Положения о топонимической комиссии по наименованию новых и возвращению утраченных исторических названий улиц, площадей и других топонимических объектов муниципального образования город Владимир». URL: <http://www.izbircom.vladimir-city.ru/urban/placenames/inf.php> (дата обращения: 20.09.2023).

Постановление 27.12.2016 № 2558 «О порядке присвоения наименований топонимическим объектам и изменения наименований топонимических объектов муниципального образования «город Екатеринбург». URL: <http://вечерний-екатеринбург.рф/power/print:page,1,33515-pog-jadok-prisvoenija-naimenovanij-toponimicheskim-obektam.html> (дата обращения: 20.09.2023).

Постановление Правительства РФ от 19 ноября 2014 г. № 1221 «Об утверждении Правил присвоения, изменения и аннулирования адресов». URL: <http://base.garant.ru/70803770/#ixzz5PAPFnHR> (дата обращения: 17.07.2023).

Постановление Совета Министров РСФСР от 4 декабря 1974 г. № 624 о дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». URL: <https://base.garant.ru/12131155/> (дата обращения: 20.09.2023).

Списокъ улицъ и мѣстностей, подлежащихъ переименованію ко дню празднованія годовщины революціи. 1918 // РФ ГАЯО, ф. Р-2, оп. 1, д. 66, л. 54.

Федеральный закон «О наименованиях географических объектов» № 152-ФЗ от 17 октября 1997 г. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-18121997-n-152-fz-o/> (дата обращения: 01.09.2023).

Федеральный закон «О федеральной информационной адресной системе и о внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» 28 декабря 2013 г. № 443-ФЗ. URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-28122013-n-443-fz-o/> (дата обращения: 15.08.2023).

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/7788f25e6cbc-0264e98c5da341a022872b5dca50/ (дата обращения: 03.09.2023).

Словари

СТМ–Словарь терминов маркетинга / сост. П. Чернозубенко. URL: https://www.marketch.ru/marketing_dictionary/ (дата обращения: 11.07.2023).

Библиография

120 лет Челябинскому переселенческому пункту // Объединенный государственный архив Челябинской области. 27.12.2012. URL: <https://archive74.ru/120-let-chelyabinskomu-pereselencheskomu-punktu> (дата обращения: 25.07.2023).

Алейников М. В. Ономастические и топонимические изменения в современном Казахстане как проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 369–372.

Алисов Д. А. Культурный ландшафт города, или Некоторые способы фиксации исторической памяти в городской среде // Культурные ландшафты современного города / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. М. : Ин-т наследия, 2020. С. 4–21. DOI: 10.34685/НИ.2020.54.38.001

Амблер Т. Практический маркетинг / пер. с англ. ; под общ. ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 1999. 400 с.

Анарбекова У. У. Влияние языковой ситуации на наименование торговых центров города Алматы // Городской ономастикон : материалы междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И. В. Крюкова, редкол.: Г. Б. Мадиева, О. В. Врублевская. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. С. 22–28.

Антонишева М. А., Дурнева А. А. Давайте говорить правильно! Термины современного градостроительства : краткий словарь-справочник. СПб., 2008. 336 с.

Арина Е. П. Экклезионимы как разновидность наименований в русской ономастической системе // Вестн. Самар. гос. ун-та. Гуманитарная серия. 2007. № 5/2. С. 215–222.

Архангельский В. А., Клейменов А. А. Эволюция названий улиц города Балашова за 50 лет // Ономастика Поволжья : материалы I Поволжск. конф. по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 234–238.

Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алексей Юрьевич Асанов. Тамбов : ТГУ, 2015. 185 с.

Астафьева И. А. Способы номинации в речевой ситуации города : дис. ... канд. филол. наук / Ирина Александровна Астафьева. М., 1996. 148 с.

Асташова О. И. Конструирование региональной идентичности в медиадискурсе: опыт сравнительного анализа // Полит. лингвистика. 2020. № 2 (80). С. 120–133.

Балахонская Л. В. Основные этапы нейминга // Брендинг как коммуникативная технология XXI века : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунаро. участием (25–26 февраля 2016 г.) / под ред. проф. А. Д. Кривоносова. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 158–160.

Балахонская Л. В. Ренейминг, его виды и смежные понятия: проблемные зоны исследований // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2020. № 23. С. 37–49.

Басик С. Н. Коммодификация топонимии как феномен социально-экономической и культурной географии // Географическая среда и живые системы. Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Естественные науки. 2018а. № 2. С. 59–70. DOI: 10.18384/2310-7189-2018-2-59-70

Басик С. Н. Имя и место: топонимический палимпсест в геокультурном пространстве // Совр. проблемы территориального развития : [электрон. журнал]. 2018б. № 3. С. 1–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-i-mesto-toponimicheskii-palimpsest-v-geokulturnom-prostranstve> (дата обращения: 05.01.2023).

Басик С. Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Геогр. вестн. 2018в. № 1 (44). С. 56–63.

Березович Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. 338 с.

Березович Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60, № 6. С. 34–46.

Борейко Т. С., Шпак Е. А. Неофициальная топонимика современного города (на примере Омска) // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 62–64.

Брызгалов В. В., Давыдов А. Н. Сравнительная характеристика урбонимов Петербурга и Архангельска в свете этнографии города // Вопр. топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991. С. 113–131.

Букин А. Г., Букина Н. В. Культурно-символьная политика Забайкальского края: кодирование смыслов // Вестн. ЧитГУ. 2009. № 5 (56). С. 181–186.

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Язык городского пространства: словарь, карта, текст. М. : Языки славянской культуры, 2015. 240 с.

Бутеев Д. В., Никифоров В. В., Сергеев В. Ю. Под покровом имен. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск : Маджента, 2012. 164 с.

В Екатеринбурге устроят фестиваль, который продлится месяц. Публикуем его программу // e1.ru — новости Екатеринбурга. 09.06.2022. URL: <https://www.e1.ru/text/entertainment/2022/06/09/71397932/> (дата обращения: 16.07.2023).

Важенина И. С. Имидж и репутация территории как основа продвижения в конкурентной среде // Маркетинг в России и за рубежом. 2006. № 6. С. 82–99.

Ван Ли. Русскоязычная урбанонимия Беларуси в сопоставлении с китайской: структура, номинация: монография. Витебск : ВГУ, 2010. 179 с.

Васильева Т. А. Способы образования неофициальных урбанонимов: метафорические и метонимические наименования // Изв. вузов. Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 2 (4). С. 266–269.

Вахитов С. В. Словарь уфимского сленга. Уфа : Вагант, 2004. 236 с.

Владимирович А. Г. Кто виноват, или 30 лет работы в Топонимической комиссии. СПб. : Реноме, 2021. 108 с.

Владимирович А., Ерофеев А. Петербург в названиях улиц. Происхождение названий улиц и проспектов, рек и каналов, мостов и островов. М. : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб ; Владимир : ВКТ, 2009. 752 с.

Влахова-Ангелова М. Д. Улиците на София: картографиране на градската идентичност. София : Ин-т за бълг. ез. «Проф. Любомир Андрейчин», 2013. 327 с.

Воробьев В. П., Голубовская О. Л., Еремина Е. В. Роль региональных брендов в формировании региональной идентичности и имиджа территории // Власть. 2014. № 11. С. 122–127.

Ворошилова Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Екатерина Викторовна Ворошилова. Тюмень, 2007. 19 с.

Вотинов М. А. Общественные пространства как объект гуманизации городской среды // Проблемы теории и истории архитектуры Украи-

ны : сб. науч. тр. / науч. ред. Е. Л. Моргун. Одесса : Астропринт, 2013. С. 222–227.

Выходцева М. Я. Названия жилых комплексов на ономастической карте города // Ономастика Поволжья : материалы X Международ. конф. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. С. 123–125.

Галай О. Б. Українська урбанонімія Закарпаття в ХХ–ХХІ ст. : автореф. дис. ... кандидата філологічних наук: 10.02.01 / Оксана Богданівна Галай. Ужгород, 2009. 19 с.

Галактионова Н. А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионология. 2016. № 1 (94). С. 152–163.

Гальцова А. С. Лингвокультурологический потенциал петербургской топонимии : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Анна Сергеевна Гальцова. СПб., 2011. 22 с.

Гардзееў Ю. Гарадзенскія ўрбанонімы 16–18 стст. // Гарадзенскі гадавік: навуковы часопіс. 2013. № 2. С. 30–47.

Географические названия в Москве / отв. ред. Е. М. Поспелов. М. : Мысль, 1985. 224 с. (Вопросы географии. Сб. 126.)

Голикова Т. А. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансимизации // Науч. диалог. 2014. № 9. С. 24–36.

Головнева Е. В. Конструирование региональной идентичности в современной культуре (на материале Сибирского региона) : автореф. дис. ... докт. филос. наук / Елена Валентиновна Головнева. Екатеринбург, 2018. 38 с.

Головищikov К. Д. Город Рыбинск, его прошедшее и настоящее // Старый Рыбинск : История города в описаниях современников XIX–XX вв. / отв. ред. Э. Г. Истомина. Рыбинск : Михайлов посад, 1993. С. 113–201.

Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14, № 3. С. 185–203. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.3.029.

Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопр. ономастики. 2018. Т. 15, № 3. С. 36–61. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028.

Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // *Вопр. ономастики*. 2022а. № 19 (1). С. 160–179. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008

Голомидова М. В. Муниципальная топонимическая политика и вопросы развития городской топонимии // *Социолнгвистика*. 2022б. № 3 (11). С. 41–53.

Голомидова М. В. Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. № 14 (1). С. 29–53. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-2

Голомидова М. В., Дмитриева А. В. Отражение территориальной идентичности в топонимическом ландшафте малых городов Урала // *Вопр. ономастики*. 2023. № 20 (2). С. 144–173. DOI: 10.15826/vopr_onom.2023.20.2.019

Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: проблемы историко-культурного изучения и современного лексикографического описания : дис. ... д-ра филол. наук / Михаил Викторович Горбаневский; Ин-т рус. яз. М., 1994. 432 с.

Горбаневский М. В. Русская городская топонимия: Методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей. М. : ОЛРС, 1996. 160 с.

Горбачевич К. С. О городской топонимике // *Вопр. культуры речи*. Вып. 5. М. : Наука, 1964. С. 91–104.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы?: О происхождении старинных названий в Ленинграде. Л. : Лениздат, 1960. 146 с.

Горланова И. Б. Топонимия города Костромы: Структура, семантика и функционирование в синхронно-диахронном аспекте : дис. ... канд. филол. наук / Ирина Борисовна Горланова. Ярославль, 2006. 296 с.

Горланова И. Б. Топонимия города Костромы : монография. Кострома : Изд-во КГТУ, 2010. 115 с.

Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика: Полный свод названий за три века / авт.-сост. С. В. Алексеева, А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев и др. ; 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Информ.-изд. агентство «ЛИК», 1997. 288 с.

Грачев М. А. Русское аргю. Нижний Новгород : Новгород. гос. ун-т, 1997. 246 с.

Демьянов К. В., Рыженко В. Г. Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства российского города // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2016. № 4 (12). С. 73–80.

Дорофеев М. Л. Отантропонимные виконимы Гомельской и Гродненской областей // Учен. записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» 2013. Т. 15. С. 137–143.

Дубровина С. Ю. Микропонимы Тамбова // Совр. город. фольклор. М., 2003. С. 477–484.

Егорова Л. В. Опыт сопоставительного исследования топонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Людмила Владимировна Егорова. Чебоксары, 2018. 24 с.

Егорова Т. П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей (на материале скандинавских и английских урбанонимов) // Ономастика. Типология. Стратиграфия. М. : Наука, 1988. С. 112–119.

Екатеринбург — город на 7 холмах // Livejournal. 27.08.2020. URL: <https://deniz-kizi.livejournal.com/86651.html> (дата обращения: 27.07.2023).

Екатеринбургская синагога // «Википедия». 25.02.2023. URL: https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Екатеринбургская_синагога (дата обращения: 02.08.2023).

Ерофеева Е. В., Юшкова С. Е. Знание и употребление локализмов в Пермском крае: 80–90 гг. XX в. vs 2020 г. // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2021. № 13 (1). С. 48–56.

Ефанова Л. Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2011. № 2 (14). С. 5–11.

Забелин Н. Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы : дис. ...канд. филол. наук / Николай Юрьевич Забелин. Москва, 2007. 202 с.

Заводы Екатеринбурга — крупные предприятия и производства на карте // Заводы.рф. URL: <https://заводы.рф/factories/ekaterinburg> (дата обращения: 14.08.2023).

Заводы и промышленные предприятия Челябинска — список производителей // Fabricators.ru. URL: <https://fabricators.ru/zavody/chelyabinsk> (дата обращения: 14.08.2023).

Замалетдинова Л. Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ляйсан Рафатовна Замалетдинова ; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2016. 25 с.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 332 с.

Знакомство с Екатеринбургом: заповедник конструктивизма. URL: <https://mstrok.ru/dmitrij-kuzhilnyj/znakomstvo-s-ekaterinburgom-zapovednik-konstruktivizma.html> (дата обращения: 21.09.2019).

Зуева Т. А. Лингвокреативный потенциал неофициальных урбанонимов Екатеринбурга: от Буша до Черепахи // Урал. филол. вестн. Сер. : Психолингвистика в образовании. Екатеринбург. 2014. № 2. С. 151–155.

Ибрагимова Г. Х. Лексико-семантические особенности урбанонимов в сравнительно-сопоставительном плане: на материале таджикского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук / Гульнора Хайдарбаевна Ибрагимова. Худжанд, 2007. 137 с.

Иван Тряпицын — Железное Искусство // SANDYFOTO. 02.07.2019. URL: https://sandyfoto.ru/ivan_tryapitsyn_zheleznoye_iskusstvo.html (дата обращения: 14.08.2023).

Ильина О. В., Каблуков Е. В. Практики конструирования уральской идентичности в медиадискурсе Свердловской области // Полит. лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 119–131. DOI: 10.26170/pl19-02-14

Имена живых героев увековечат. URL: <https://gorsovetnsk.ru/press/smi/press/32175/> (дата обращения: 20.09.2023).

Имена московских улиц / под ред. А. М. Пегова. М. : Моск. рабочий, 1972. 368 с.

«Индустриальный младенец» на берегу пруда // «Атомстройкомплекс» : [офиц. сайт]. URL: <https://www.atomstroy.net/statia/138> (дата обращения: 15.08.2023).

Исаченко Г. А. Опыт интерпретации изменений культурного ландшафта с позиций динамического ландшафтоведения // Изв. Рос. академии наук. Сер. географическая. 2017. № 1. С. 20–34. DOI: 10.15356/0373-2444-2017-1-20-34

Исмагилова Г. Х. Языковые особенности наглядно-информационной атрибутики города в рамках реализации закона о языках Республики Та-

тарстан : на примере казанских урбанонимов : дис. ... канд. филол. наук / Гульназ Хамзовна Исмагилова. Казань, 2011. 173 с.

Исторические названия — памятники культуры (17–20 апреля 1989 г.) // Всесоюз. науч.-практ. конф. : тезисы докладов и сообщений. М. : Сов. фонд культуры, АН СССР, 1989. 183 с.

Исторические названия — памятники культуры // Вторая Всесоюз. науч.-практ. конф. : сб. материалов в 3 вып. М. : Сов. фонд культуры, АН СССР, 1991. 216 с.

Исянов Р. К. Коммерческие названия как промежуточные категории между именами собственными нарицательными на примере немецкого и русского языков // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 2. С. 963–966.

Кара-Мурза Е. С. Новые времена — новые имена. Коммерческое имя как риторическая и маркетинговая проблема // М. В. Ломоносов и современные стилистика и риторика : сб. ст. / науч. ред. И. Б. Александрова, В. В. Славкин. М. : Флинта : Наука, 2008. С. 282–303.

Карлова Е. В. Территориальная идентичность населения в Центральной России : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Елена Васильевна Карлова. М., 2015. 25 с.

Картавенко В. С. Урбанонимический ландшафт: официальные, полуофициальные и неофициальные названия // Ономастика Поволжья : материалы XVII Международ. науч. конф. / сост. и ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : ТПК «Печатный двор», 2019. С. 390–394.

Качалкова Ю. А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопр. ономастики. 2013. № 1 (14). С. 88–104.

Квашнина Е. Н. Микротопонимия уральского города // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. Вып. 3. С. 144–148.

Киселев К. В., Щербаков А. Ю. Региональная идентичность в социологическом измерении: Челябинский случай // Антиномии. 2013. № 13 (4). С. 107–118.

Киселева Л. А. Вариативные наименования остановок городского общественного транспорта (на материале г. Красноярск) // Лингв. ежегодник Сибири. Вып. 4–5. Красноярск, 2003. С. 150–154.

Кишаева О. А., Кусова И. Г. Улицы и площади Рязани. Городская топонимия в историческом аспекте. Рязань : [б. и.], 2019. 176 с.

Клименко Е. Н., Попова Т. В. Словарь екатеринбуржца: неофициальные названия городских реалий. Екатеринбург : УГЛТУ, 2012. 135 с.

Клименко Е. Н., Рут М. Э. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте // Вопр. ономастики. 2018. Т. 15, № 2. С. 210–222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022.

Климова С. В. Социальный маркетинг как социальная технология // Вестн. Саратов. гос. соц.-эконом. ун-та. 2013. № 1. С. 84–88.

Клубков П. А., Лурье В. Ф. Разговорные топонимы как явление фольклора // Современный городской фольклор. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2003. С. 450–459.

Князева И. В., Бондаренко И. В. Маркетинг территорий : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2016. 198 с.

Колесникова Л. Е. Особенности системы современных урбанонимов (На примере городов Поволжья и Франции) // Ономастика Поволжья : материалы седьмой конф. по ономастике Поволжья / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М., 1998. С. 50–54.

Коньратбаева Ж. М., Тусупбекова М. Ж. Тюркская основа процесса топонимизации (на примере урбанонимии Астаны) // Современные проблемы тюркологии : Язык — Литература — Культура : материалы междунаrod. науч.-практ. конф. / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитриук. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2016. С. 515–523.

Корепанов Г. С. Региональная идентичность как базовая категория социологии регионального развития // Власть. 2009. № 1. С. 43–50.

Королёва И. А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение // Социолингвистика. 2022. № 3 (11). С. 86–94.

Кочеренкова С. Д. Неофициальные наименования пространственных объектов Свердловска (Способы номинации) // Языковой облик уральского города : сб. науч. тр. Свердловск : УрГУ, 1990. С. 79–90.

Коширелова И. Культурологический анализ метонимии: Структура названий урбанонимов столичного города : дис. ... канд. культурологии / Ирена Коширелова. М., 2006. 172 с.

Красина Е. А., Александрова О. И. Адаптация личных имен собственных: транслитерация, транскрипция или реноминация? // Филол. науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6–2. С. 177–186.

Кривокубова Г. А. Урбонимы города Омска (состав и функционирование) : дис. ... канд. филол. наук / Галина Аркадьевна Кривокубова ; Алтайский гос. ун-т. Барнаул, 1993.

Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности : дис. ... д-ра филол. наук / Ирина Васильевна Крюкова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004. 360 с.

Кузнецова Е. А. Топонимический имидж города как фактор развития регионального туризма // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 2. Вып. 4 (112). С. 96–101. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2021.04.02.014

Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Семиозис топонимики в пространстве городской идентичности // Гуманитар. и соц. науки. 2021. Т. 89, № 6. С. 72–78. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-72-78

Купина Н. А., Михайлова О. А. Региональные онимы в лингвокультурном пространстве города // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунаро. науч. конф. (Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г.) / под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 46–48.

Куш С. П. Сравнительный анализ основных концепций теории маркетинга взаимоотношений // Вестн. С.-Петербур. ун-та. 2003. Сер. 8. Вып. 4 (32). С. 3–25.

«Лакhta Центр» : [офиц. сайт]. URL: <https://www.lakhta.center/ru/about/> (дата обращения: 21.09.2019).

Лексикографическое описание народно-разговорной речи современного города: теоретические аспекты / науч. ред. Б. И. Осипов. Омск : Омск. гос. ун-т, 1994. 144 с.

Ли Мулинь. Особенности реноминации кинофильмов в социальных сетях // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 1705–1708.

Ливинская И. В., Матвеев А. И. Словарь региональной лексики и народных топонимов Новосибирска. Новосибирск : Свиньин и сыновья, 2016. 160 с.

Липатов А. Т., Журавлев С. А. Региональный словарь субстандартной лексики (Йошкар-Ола. Республика Марий Эл). М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2009. 288 с.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам (вып. 18). Тарту, 1984. С. 30–45.

Ляшенко Р. О. Мікротопонімія Кіровограда : автореф. дис. ... кандидата філологічних наук: 10.02.01 / Роман Олександрович Ляшенко. Харків, 2008. 20 с.

Магерасова Ю. Ю. Неофициальные городские топонимы как часть региолекта // Русский язык в поликультурном мире : сб. науч. статей IV Международ. симпозиума : в 2-х т. Т. 1. 2020. Симферополь : Изд-во Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского, 2020. С. 360–365.

Магерасова Ю. Ю. Лексико-семантическая классификация колымских регионализмов // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 2. С. 1–14.

Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопр. ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 115–125. DOI: 10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014.

Майоров М. В. Некронимы и некротопонимы как объекты ономастического исследования // Проблемы региональной ономастики : материалы V Всерос. науч. конф. Майкоп, 2006. С. 177–181.

Мартынов А. А. Названия московских улиц и переулков с историческими объяснениями. М. : Тип. Т. Рис, 1878. 100 с.

Маслов Н. М. Топонимия Калуги — зеркало истории города // Географические названия. М. : Гос. изд-во геогр. литературы, 1962. С. 158–164. (Вопросы географии. Сб. 58).

Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М. : Гнозис, 2007. 320 с.

Матвеев А. К. Тенденции и практики в современной урбономинии // Вопр. ономастики. 2009. № 7. С. 100–105.

Матвеева И. В. Типология регионализмов и их лексикографическая интерпретация (на материале лексики г. Новосибирска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ирина Владимировна Матвеева. Архангельск, 2021. 26 с.

Мезенко А. М. Из истории переименования улиц городов Белоруссии // Исторические названия — памятники культуры : тезисы докладов Всесоюз. науч. конф. М., 1989а. С. 52–53.

Мезенко А. М. Общее и индивидуальное в урбанонимии Белоруссии и Поволжья XIX в // Ономастика Поволжья : Шестая конф. по ономастике, 26–28 сент. 1989 г. : тез. докл. и сообщ. / отв. ред. В. И. Супрун, Р. Ш. Джарылгашинова. Волгоград, 1989б. С. 106–107.

Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии : дис. ...д-ра филол. наук / Анна Михайловна Мезенко ; Белорус. гос. ун-т. им. В. И. Ленина. Минск, 1991a. 439 с.

Мезенко А. М. Урбанонимия Белоруссии / под. ред. П. П. Шубы. Минск : Университетское, 1991b. 267 с.

Мезенко А. М. Урбанонимия как язык культуры // Учен. записки Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63), № 2–3. С. 388–392.

Мезенко А. М. Этническая составляющая мемориальной урбанонимии: особенности репрезентации, культурно-исторический потенциал // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. / сост. А. М. Мезенко и др. ; под науч. ред. А. М. Мезенко. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. С. 108–112.

Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М. : Изд-во «ДЕЛО», 2004. <https://testcenter.kz/upload/iblock/208/Osnovy-menedzhmenta.-M.-Meskon.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

Мечеть Махалля 129 — Изображение Мечеть Махалля № 129, Челябинск // Tripadvisor. URL: https://www.tripadvisor.ru/LocationPhotoDirectLink-g298539-d6493175-i151086440-Mahallia_Mosque_129-Chelyabinsk_Chelyabinsk_Oblast_Urals_District.html (дата обращения: 02.08.2023).

Митин И. И. Мифогеография как теоретическая рамка брендинга города // Брендинг малых и средних городов России / под ред. А. М. Бритвина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 135–142.

Митин И. И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1 (49). С. 108–125.

Михайлова О. А. Отражение региональной идентичности в языковом пространстве города // Язык современного города : тез. докл. междунар. конф. «Восьмые Шмелевские чтения» / отв. ред. М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин. М. : ИРЯ РАН, 2008. С. 120–122.

Михалеп К. П., Шмелева Т. В. Словарь города // Филологические науки. 1984. № 4. С. 81–84.

Молдашова Ф. К. Этномаркированные единицы в языке городского пространства // Городской ономастикон : материалы междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И. В. Крю-

кова, редкол.: Г. Б. Мадиева, О. В. Врублевская. Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. С. 32–36.

Муравьев В. Московские улицы: Секреты переименований. М. : Эксмо, Алгоритм, 2006. 336 с.

Население Екатеринбурга, численность, занятость, безработица, гендерный состав // BDEX. URL: <https://bdex.ru/naselenie/sverdlovskaya-oblast/ekaterinburg/> (дата обращения: 14.07.2023).

Население Челябинска, численность, занятость, безработица, гендерный состав // BDEX. URL: <https://bdex.ru/naselenie/chelyabinskaya-oblast/chelyabinsk/> (дата обращения: 14.07.2023).

Национальная идентичность в зеркале топонимии (Горный Алтай) : монография / П. В. Алексеев, К. Б. Самтакова, Т. П. Шастина и др. ; под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2016. 150 с.

Никитин С. А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России : дис. ... канд. филол. наук / Сергей Александрович Никитин. М., 2003. 220 с.

Никитин С. А. Страна имен. Как мы называем улицы, деревни и города в России. Москва : Нов. лит. обозрение, 2020. 320 с.

Никитина Т. Г. Топонимическое пространство города: «культурные слои» в лексикографическом отображении // *Вопр. ономастики*. 2018. Т. 15, № 2. С. 180–193.

Никитина Т. Г., Рогалева Е. И. Региональный словарь сленга (Псков и Псковская область). М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2006. 384 с.

Николина Н. А. Неофициальные урбанонимы в современной русской речи // *Язык современного города : тезисы докладов междунаро. конф. (Восьмые Шмелевские чтения)*. М., 2008. С. 125–128.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965. 180 с.

Никонов В. А. Названия улиц в Симбирске-Ульяновске // *Ономастика Поволжья : материалы I Поволжской конф. по ономастике / отв. ред. В. Ф. Барашков, В. А. Никонов. Ульяновск, 1969. С. 226–234.*

Никулина М. А. История урбанонимии в Орше // *По страницам архивных документов : материалы регион. архивных чтений (Витебская область) 2016–2020 гг. / сост. Е. С. Савченко. Минск, 2021. С. 148–154.*

Новичихина М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен: разграничение понятий // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. «Филология. Журналистика». 2004а. № 1. С. 165–170.

Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации : дис. ... д-ра филол. наук / Марина Евгеньевна Новичихина ; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2004б. 351 с.

Новичихина М. Е. Феномен ренейминга: современное состояние // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 6. С. 174–178.

Овсянникова К. В. Особенности номинации предприятий общественно-го питания: На примере коммерческих названий г. Воронежа и г. Москвы : дис. ... канд. филол. наук / Ксения Владимировна Овсянникова. Воронеж, 2016. 216 с.

Огненный гид из Екатеринбурга. «И лежит наш город на семи холмах...» О вершинах Екатеринбурга // «Дзен» : блогерская платформа. 02.08.2019. URL: <https://dzen.ru/a/XUM22axBJACuq6M6> (дата обращения: 27.07.2023).

Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнит. политика. 2018. № 1. С. 18–25.

Олейникова С. Д. Ономастическое пространство г. Моршанска: социальный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Светлана Дмитриевна Олейникова. Тамбов, 2007. 23 с.

Основные принципы деятельности Топонимической комиссии Санкт-Петербурга в области наименования и переименования объектов городской среды, государственных предприятий и учреждений Санкт-Петербурга : утв. решением Топонимической комиссии от 22 ноября 2018 года. URL: <https://toponimika.spb.ru/toponimicheskaya-komissiya-sankt-peterburga/osnovnye-printsipy-deyatelnosti-komissii.html> (дата обращения: 20.09.2023)

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. М. : ООО «А Темп», 2006. 440 с.

Отин Е. С. Сленговые собственные имена в онимном пространстве современного русского языка // Λογος ὀνομαστικῆς. 2009. № 3. С. 59–63.

Парк культуры нового типа, 2019. URL: https://культура.екатеринбург.рф/common_content/item/city_post/515 (дата обращения: 20.09.2023).

Петербургская топонимическая программа. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9101209> (дата обращения: 20.09.2023).

Петухов Ю. «Карету мне, карету!» : Литературный квартал Екатеринбурга обзавелся дорожными знаками с писателями // РИА «Федерал-Пресс». 24.08.2018. URL: <https://fedpress.ru/print?id=2118775> (дата обращения: 10.07.2023).

Подберезкина Л. З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык сегодня. Вып. 2. М. : Азбуковник, 2003. С. 511–528.

Подберезкина Л. З. Языковая политика в топонимии: каким должно быть имя новой улицы? (на материале социологических опросов красноярцев) // Журнал Сибир. федер. ун-та. Гуманитарные науки. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. № 2. С. 87–93.

Подольская Н. В. Урбонимия Центра // Топонимия Центра : тезисы докладов / отв. ред. Е. М. Поспелов. М., 1972. С. 26–27.

Подольская Н. В. Урбанонимия Центральных областей РСФСР // Топонимия Центральной России. М. : Мысль, 1974. С. 123–129. (Вопросы географии. Сб. 94.)

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М. : Наука, 1978. 199 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская ; 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 192 с.

Подольская Н. В. Названия зданий — часть городской культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Кн. 1. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993. С. 134–140.

Подюков И. А. Современное городское топонимическое творчество // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 260–476.

Полюшкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 80–94.

Попова О. И., Григорьева Е. С., Морозова И. Ю. Имиджевая политика территории: анализ имиджа Екатеринбурга. Екатеринбург : Ин-т международ. связей, 2015. 169 с.

Потанахина И. Н. Городская неофициальная топонимика // Рус. язык в школе. 2008. № 10. С. 65–68, 84.

Пушкарёва Ю. Г. Урбанонимия города Улан-Удэ: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Юлия Геннадьевна Пушкарёва. Улан-Удэ, 2013. 225 с.

Пушкарёва Ю. Г., Доржиева Г. С. Улицы города Улан-Удэ: история и современность : монография. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2016. 168 с.

Рабаданова Л. Н. Урбанонимы Махачкалы: историко-культурологический, структурно-семантический и сопоставительный аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Лейла Насруллаевна Рабаданова. Махачкала, 2012. 178 с.

Разумов Р. В. Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII–XX вв. (на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля) : дис. ... канд. филол. наук / Роман Викторович Разумов. Ярославль, 2003. 293 с.

Разумов Р. В. Названия жилых комплексов — новая разновидность урбанонимов // Ономастика Поволжья : материалы X Международ. конф. Уфа, 12–14 сент. 2006 г. Уфа : Изд-во БГПУ, 2006. С. 160–163.

Разумов Р. В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов // Вопр. ономастики. 2010. № 2. С. 95–100.

Разумов Р. В. Прецедентные онимы в неофициальном городском ономастиконе // Ярослав. пед. вестн. 2011. Т. 1, № 4. С. 169–172.

Разумов Р. В. Особенности современных российских систем виконимов (на примере Некоузского, Первомайского, Рыбинского, Тутаевского районов Ярославской области) // Ярослав. пед. вестн. 2013. Т. 1, № 1. С. 145–149.

Разумов Р. В. Ойкодомонимы как разновидность городских онимов // Имя собственное в жизни и литературе : материалы IX Международ. Святогорских ономастических и IX Международ. Михайловских лит.-ономаст. чтений / отв. ред. В. М. Калинин. Киев : Изд. дом Дм. Бурого, 2015. С. 115–123.

Разумов Р. В. Коннотативная микроурбанонимия российских городов // In Nōminum Spatio : материалы I Международ. ономастических чтений им. Е. С. Отина (16–18 октября 2015 г.). Донецк : Изд-е Фонда «Азбука», 2016а. С. 94–102.

Разумов Р. В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2016б. № 4. С. 121–125.

Разумов Р. В. Онимические конфликты в российском урбанонимическом пространстве // Верхневолж. филол. вестн. 2018а. № 4. С. 112–119.

Разумов Р. В. Региональные особенности персональных меморативов Ярославской области // Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы III Всерос. науч. конф. (Ярославль, 10–11 апреля 2018 г.) / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018б. С. 270–274.

Разумов Р. В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 387 с.

Разумов Р. В., Горяев С. О. Трансляция региональной идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние // Вопр. ономастики. 2020. Т. 17 (2). С. 201–219.

Рачинский З. Я. Полный словарь названий московских улиц. М. : [Б. и.], 2011. 695 с.

Ринчинова А. В. Специфика создания бренда региона на материале имен собственных // Имя. Социум. Культура : материалы II Байкал. международ. ономаст. конф. (4–6 сентября 2008 г.) / отв. ред. Л. В. Шулунова. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. С. 262–264.

Романова Т. П. Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 5/2 (55). С. 204–214.

Романюк М. І. Закарпатоукраїнська урбанонімія у призмі соціально-політичних перетворень кінця ХХ ст. // Наукові записки Тернопільського державного педагогічного університету імені В. Гнатюка. Серія: Мовознавство. Тернопіль, 2003. Вип. І. С. 153–156.

Роспись шкафа у памятника Прокофьеву // Челябинский урбанист. URL: <https://chelurban.org/projects/shkaf-u-pamyatnika-prokofyevu/> (дата обращения: 10.08.2023).

Русский авангард и конструктивизм: рассматриваем новый фирменный стиль парка Маяковского. URL: https://www.e1.ru/news/spool/news_id-69303010.html (дата обращения: 20.09.2023).

Рут М. Э. Официальное и неофициальное в городском ономастическом пространстве // Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти чл.- корр. РАН, заслуж. деятеля науки РФ, проф. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 199–206.

Савченко Т. П. Названия остановочных пунктов на транспортных линиях Москвы // Географические названия в Москве / отв. ред. Е. М. Поспелов. М. : Мысль, 1985. С. 73–81. (Вопросы географии. Сб. 126.)

Самтакова К. Б. Национальная идентичность теленгитов на примере топонимов в бассейне рек Чуя, Чулышман и Башкаус // Мир Науки, Культуры, Образования. 2015. № 6 (55). С. 330–331.

Сарна А. Я. Позиционирование // Социология : энциклопедия / сост. А. А. Грицапов и др. М. : Книж. дом, 2003. URL: <http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/1161/pozicionirovanie.htm> (дата обращения: 20.09.2023).

Сафонова Н. Н., Ермаковская Т. А. Особенности эргонимии города Сургута в начале XXI века (на материале коммерческих эргонимов) // Вестн. Угрюмения. 2019. № 2. С. 260–270.

Сацукевич І. Урбананімія Калінкавіч у XX стагоддзі // Калінкавічы і Калінкавіцкі край : зборнік навуковых артыкулаў : [матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 23–24 красавіка 2015 г. / укладальнік А. А. Скеп'ян. Мінск, 2016. С. 301–309

Саяпін В. Гісторыя вуліц Гродна ў XX стагоддзі // Гарадзенскі гадавік: навуковы часопіс. 2013. № 2. С. 60–91.

Свешникова Н. В. Неофициальные микротопонимы г. Саратова // Речевое общение. Вып. 4. Красноярск, Ачинск, 2002. С. 154–159.

Семь челябинских холмов // 74.ru — новости Челябинска. 20.11.2009. URL: <https://74.ru/text/house/2009/11/20/58717121/> (дата обращения: 27.07.2023).

Семянчук Г. Вуліцы Гродна часоў Расейскай імперыі (1795–1915 гг.) // Гарадзенскі гадавік: навуковы часопіс. 2013. № 2. С. 48–59.

Сизова Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: На материале английского, русского и французского языков : дис. ... канд. филол. наук / Елена Анатольевна Сизова. Пятигорск, 2004. 199 с.

Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца. СПб. : Норинт, 2003. 320 с.

Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца: лексикон Северной столицы, история и современность : 5 325 слов, словосочетаний и фразеологических единств. М. : Центрполиграф ; СПб. : Русская тройка-СПб, 2014. 634 с.

Синегорье // Livejournal. 29.12.2012. URL: <https://chelchel-ru.livejournal.com/849538.html> (дата обращения: 03.08.2023).

Скробов С. В. Белая башня // Урал индустриальный : материалы 4-й регион. науч. конф. «Бакунинские чтения», ноябрь 2000 г. Екатеринбург : Изд-во «Академкнига», 2001. С. 155–157.

Смирнова Н. Адрес из календаря // Российская газета — Пермский край. 16.05.2008. URL: <https://rg.ru/reg-prikamje/ulici.html> (дата обращения: 03.08.2023).

Совсем не суровый: Чем туристов удивит Челябинск // РИА «Новости». 14.04.2022. URL: <https://ria.ru/20220414/chelyabinsk-1783089592.html> (дата обращения: 14.07.2023).

Соколова Т. П. Обзор литературы о топонимии Москвы // Географические названия в Москве / отв. ред. Е. М. Поспелов. М. : Мысль, 1985. С. 179–187.

Соколова Т. П. Названия станций московского метро (специфика урбанонимической подсистемы) // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунаро. науч. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 139–141.

Соколова Т. П. Новые «урбанонимы» Москвы // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунаро. науч. конф. Екатеринбург 7–11 сентября 2015 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 252–254.

Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 208 с.

Соловьев А. Н. Опыт исследования русской агоронимии // Ономастика Поволжья : сб. материалов XII междунаро. науч. конф. (Казань, 14–16 сентября 2010 г.). Казань : Отечество, 2010. С. 367–371.

Соловьев А. Н. Урбаноним как ономастический термин: постановка проблемы // Учен. записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. Т. 25. С. 198–203.

Списокъ улицъ и мѣстностей, подлежащихъ переименованію ко дню празднованія годовщины революціи. 1918. РФ ГАЯО, ф. Р-2, оп. 1, д. 66, л. 54.

Стратегия пространственного развития города Екатеринбурга / А. Головин, Я. Голубева, М. Аппенцеллер и др. Екатеринбург : Tatlin, 2018. 336 с.

Суперанская А. В. Применение метода лингвистической статистики к изучению топонимической системы города Москвы // Лингвистическая терминология и прикладная топономастика. М. : Наука, 1964. С. 119–143.

Суперанская А. В. Наименования и переименования в городах // Изучение географических названий. М. : Мысль, 1966. С. 86–96. (Вопросы географии. Сб. 70.)

Суперанская А. В. Микропонимия, макропонимия и их отличие от собственно топонимии // Микропонимия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 31–38.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 368 с.

Суперанская А. В. Типология именования внутригородских объектов // Географические названия в Москве. М. : Мысль, 1985. С. 160–170.

Супрун В. И. Гефиронимы в русском онимическом пространстве // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2018. Т. 25. С. 204–210.

Сьянова Е. И. Ономастический код в ментальном пространстве диалектоносителей: На материале говоров Воронежского Прихопёрья : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Елена Ивановна Сьянова. СПб., 2007. 23 с.

Терентьев Е. А. Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Евгений Андреевич Терентьев. М., 2016. 29 с.

Титаренко А. А. Урбанонімія Кривого Рогу: структура, семантика, функціонування : дис. ... кандидата філологічних наук: 10.02.01 / Анастасія Андріївна Титаренко. Кривий Ріг, 2015. 322 с.

Топ-10 неофициальных названий челябинских улиц, дворов и районов // Хорошие новости. 29.09.2016. URL: https://hornews.com/top/toponym-nyu_top/ (дата обращения: 09.01.2023).

Топ-20 малоизвестных арт-объектов Челябинска // Хорошие новости. 14.10.2016. URL: https://hornews.com/top/top_20_art/ (дата обращения: 14.08.2023).

Топонимика формирует образ города. URL: https://genplanmos.ru/publication/2018_11_16_toponimika_formiruet_obraz_goroda (дата обращения: 21.09.2019).

Топонимист о том, как присваивают названия улицам. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-interview/241131-toponymy> (дата обращения: 10.04.2017).

Топонимисты вооружились принципами. URL: <https://www.grad-petrov.ru/broadcast/toponimisty-vooruzhilis-printsipami/> (дата обращения: 20.09.2023).

Топонимический портал Санкт-Петербурга. URL: <https://toponimika.spb.ru/> (дата обращения: 20.09.2023).

Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Труды по знаковым системам. 1984. Вып. 18 : Семиотика города и городской культуры. Петербург, Тарту, 1984. С. 4–31.

Тхакахов В. Х. Карта города: символическая трансформация пространства на северном Кавказе // Социол. исследования. 2017. № 5 (397). С. 17–25.

Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 3 (48). С. 62–67.

Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. 2019а. Т. 5, № 6. С. 108–119. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-108-119.

Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Мхачкалы // Молодежь XXI века: образ будущего : материалы Всерос. науч. конф. с международ. участием XIII Ковалевские чтения / отв. ред. Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб. : Изд-во ООО «Скифия-принт», 2019б. С. 258–261.

Тхакахов В. Х. Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019в. № 2 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-pamyat-v-toponimicheskoy-politike-chechni> (дата обращения: 20.09.2023).

УГМК полностью меняет концепцию «Екатеринбург-Сити». URL: <https://ura-news.turbopages.org/ura.news/s/news/1052401413> (дата обращения: 21.09.2019).

Улицы Рязани. Рязанская топонимика в событиях и лицах. Рязань : ИП Жуков В. Ю., 2018. 272 с.

Уникальный бронзовый верблюд из Милана украсил Челябинск // Аргументы и факты. 14.09.2015. URL: <https://chel.aif.ru/realty/unikalnyy-bronzovyy-verblyud-iz-milana-ukrasil-chelyabinsk> (дата обращения: 14.08.2023).

Усачева Е. А., Цибеева К. А. Семантические элементы городского пространства как составляющая в брендировании имиджа города // Брендинг как коммуникационная технология XXI века : материалы VII Международ.

науч.-практ. конф. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб. : С.-Петербург. гос. экон. ун-т, 2021. С. 33–36.

Фельдт И. Н., Егорова Е. Н. Нейминг в современном Архангельске: Общероссийские тенденции и региональная специфика // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 45–1. С. 219–229.

Фиги, Объекты, Памятники, Екатеринбург // Неформальные достопримечательности. 06.02.2010. URL: <https://www.etovidel.net/sights/city/ekaterinburg/id/figi> (дата обращения: 15.08.2023).

Хворостова М. Челябинск стоит не только на реке, но и на семи холмах // Челябинск сегодня. 30.06.2010. URL: https://cheltoday.ru/articles/obshchestvo/chelyabinsk_stoit_ne_tolko_na_reke_no_i_na_semi_kholmakh/ (дата обращения: 27.07.2023).

Церковь Святого Карапета (Екатеринбург) // «Википедия». 02.02.2023. URL: [https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Церковь_Святого_Карапета_\(Екатеринбург\)](https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Церковь_Святого_Карапета_(Екатеринбург)) (дата обращения: 02.08.2023).

Челябинская синагога // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/objects/1588/chelyabinskaya-sinagoga> (дата обращения: 02.08.2023).

Черныш Н. А. Структура городского ландшафта // Наука и техника в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. (21 февраля 2012 г.) / под ред. Я. А. Полонского. Новосибирск : Сиб. ассоциация консультантов, 2012. С. 100–105.

Чурбан железный быстро заржавел: Современное искусство в Челябинске приходит в упадок // Новый день. 20.11.2014. URL: <https://newdaynews.ru/chel/518659.html> (дата обращения: 14.08.2023).

Шарипова О. В. Топонимы в сленговом выражении (региональный аспект) // Вестн. МГОУ Серия «Русская филология». 2010. № 3. С. 114–117.

Шарипова О. В. Неофициальные топонимы как подсистема языка города // Ярослав. пед. вестн. 2012. № 4. Т. I (Гуманитарные науки). С. 203–206.

Шарифуллин Б. Я. Языковая политика в городе // Юрлингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул : Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2000. С. 172–181.

Широков А. Г. Городская неофициальная микротопонимия // Ономастика Поволжья : тезисы докладов VIII международ. конф. Волгоград : Перемена, 1998. С. 71–73.

Широков А. Г. Спорные вопросы определения термина «урбаноним» // Актуальные проблемы современной филологии : сб. науч. ст. Волгоград : Колледж, 2001. С. 117–119.

Широков А. Г. Русская урбанонимия в диахроническом освещении: Апеллятивно-онимические комплексы : дис. ... канд. филол. наук / Антон Геннадиевич Широков. Волгоград, 2002. 185 с.

Шляхова С. С. Ирония и «мильграмизация» пермской «культурной революции»: народные урбанонимы и «нейминг» // Урал. филол. вестн. 2012. № 2. С. 21–25.

Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 138 с.

Шмелева Т. В. Великий Новгород: ономастический портрет. Великий Новгород : ТПК «Печатный Двор», 2020. 288 с.

Щербак А. С. Универсальное свойство урбанонимической категории // Неофилология. 2018. № 4 (13). С. 5–11.

Щербак А. С., Грошев И. В. Социативная семантика урбанонимов // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, № 5. С. 224–229.

Щербаков А. Ю. Становление региональной идентичности Челябинской области: Проблема периодизации // Социум и Власть. 2014. № 4 (48). С. 65–75.

Эриксон Э. Идентичность: Юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 340 с.

Юркинтас Й. Й. Топонимия города Вильнюса : дис. ... канд. филол. наук / Йонас Йонович Юркштас. Вильнюс, 1979.

Язык города. Пространственные ориентиры: метод. разработка к практике студентов филол. фак. / сост. Т. В. Шмелева. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1990. 20 с.

Ярославская губерния в начале XIX века: материалы историко-статистических описаний / ред.-сост. Я. Е. Смирнов. Ярославль : Изд-во Александра Рутмана, 2008. 304 с.

Ainiala T. Attitudes to Street Names in Helsinki // Names and Naming. People, Places, Perceptions and Power / ed. by G. Puzey and L. Kostanski. Bristol, Buffalo, Toronto : Multilingual Matters, 2016. P. 106–119.

Alasli M. Toponyms' contribution to identity: The case study of Rabat (Morocco) // Proceedings of the ICA. 2019. № 2. P. 1–7. DOI: 10.5194/ica-proc-2-3-2019

Alderman D. H. Creating a New Geography of Memory in the South: (Re)naming of Streets in Honor of Martin Luther King, Jr // *Southeastern Geographer*. 1996. Vol. 36, № 1. P. 51–69.

Alderman D. H. A Street Fit for a King: Naming Places and Commemoration in the American South // *The Professional Geographer*. 2000. Vol. 52, № 4. P. 672684.

Alderman D. H. Street names as memorial arenas: The reputational politics of commemorating Martin Luther King in a Georgia county // *Historical Geography*. 2002. Vol. 30. P. 99–120.

Alderman D. H. Street names and the scaling of memory: the politics of commemorating Martin Luther King, Jr within the African American community // *Area*. 2003. Vol. 35, № 2. P. 163–173.

Alderman D. H. Place, naming, and the interpretation of cultural landscapes // *The Ashgate research companion to heritage and identity*. 2008. P. 195–213. DOI: 10.4324/9781315613031.ch11

Alderman D. H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // *Social & Cultural Geography*. 2013. Vol. 14. P. 211–233. DOI: 10.1080/14649365.2012.754488

Azaryahu M. Street names and political identity: the case of East Berlin // *Journal of Contemporary History*. 1986. Vol. 21, No. 4. P. 581–604.

Azaryahu M. Renaming the Past: Changes in «City Text» in Germany and Austria, 1945–1947 // *History and Memory*. 1990. Vol. 2, No. 2. P. 32–53.

Azaryahu M. The purge of Bismarck and Saladin: the renaming of streets in East Berlin and Haifa, a comparative study in culture-planning // *Poetics Today*. 1992. Vol. 13, No. 2. P. 351–367.

Azaryahu M. German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin // *Political Geography*. 1997. Vol. 16, Iss. 6. P. 479–493.

Azaryahu M. Street Names and Iconography // *International Encyclopedia of Human Geography* / ed. by R. Kitchin. London : Elsevier Ltd., 2009. P. 460–465.

Azaryahu M. Renaming the Past in post-Nazi Germany: Insights into the Politics of Street Naming in Mannheim and Potsdam // *Cultural geographies*. 2012. Vol. 19, № 3. P. 385–400.

Azaryahu M. An Everlasting Name: Cultural Remembrance and Traditions of Onymic Commemoration. Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2021. XII, 203 p.

Basik S. The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place // *Canadian Journal of Urban Research*. 2019. № 28 (1). P. 86–87.

Basik S., Rahautsou D. Toponymic Politics and the Symbolic Landscapes of Minsk, Belarus // *Geographia Cassoviensis*. 2019. Vol. 13, Iss. 2. P. 107–120.

Berg L. D., Kearns R. A. Naming as Norming: “Race,” Gender, and the Identity Politics of Naming // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1996. Vol. 14. № 1. P. 99–122.

Berg L. D., Kearns R. A. Naming as Norming: „Race“, Gender and the Identity Politics of Naming Places in Aotearoa / New Zealand // L. D. Berg, J. Vuolteenaho (eds.). *Critical Toponymies. The Contested Politics of Place Making*. Farnham, 2009. S. 19–51.

Bijak U. Space and landscape in Polish toponymy // *Językovedný časopis (Journal of Linguistics)*. 2021. Vol. 72, No 1. P. 194–207.

Bitušíková A. Transformations of place, memory and identity through urban place names in Banská Bystrica, Slovakia // *Hungarian Geographical Bulletin*. 2022. № 71 (4). P. 401–417. DOI: 10.15201/hungeobull.71.4.6

Bugheșiu A., Goryaev S. The 5th International Conference Name and Naming (ICONN 5) // *Вопр. ономастики*. 2020. Т. 17, № 2. С. 337–344.

Carvalhinhos P., Lima A. Names in Brazilian public spaces: A few words about São Paulo // *Name and Naming. Proceedings of the second international conference on onomastic. Onomastic in contemporary public space*. Baja-Mare, May 9–11, 2013 / ed. by O. Felecan. Cluj-Napoka : Mega: Argonaut, 2013. P. 263–276.

Casagrande M. From Empire Avenue to Hiawatha Road: (Post)colonial naming practices in the Toronto Street Index // *Name and Naming. Proceedings of the second international conference on onomastic. Onomastic in contemporary public space*. Baja-Mare, May 9–11, 2013 / ed. by O. Felecan. Cluj-Napoka : Mega: Argonaut, 2013. P. 292–302.

Cieślakowa A. Historia, tradycja i współczesność obecne dzięki antroponimom w nazwach ulic Krakowa // *Miasto w perspektywie onomastyki i historii. Pod redakcją Ireny Sarnowskiej-Gieffing i Magdaleny Graf*. Poznań : Wydawnictwo PTPN, 2010. S. 325–336.

Crețan R., Matthews P. W. Popular responses to city-text changes: street naming and the politics of practicality in a post-socialist martyr city // *Area*. 2016. Vol. 48. Iss. 1. P. 92–102.

David J. Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage // *Acta onomastica*. 2013. LIV. S. 53–60

David J., Mácha P. Názvy míst. Paměť, identita, kulturní dědictví. Ostrava: Ostravská univerzita, 2014. 240 s.

Dejmek B. Historie a současnost Hradce Králové ve jménech ulic. Hradec Králové : Gaudeamus, 1993. 186 c.

Drozdowski D. Using history in the streetscape to affirm geopolitics of memory // *Political geography*. 2014. № 42. P. 66–78. DOI: 10.1016/j.pol-geo.2014.06.004

Felecan O. Borders and Ethnic Identities Reflected in Street Names from Transylvanian Localities // *Transylvanian Review*. 2015. Vol. XXIV, Supplement nr. 1. Regionalization in Globalization. P. 229–244.

Felecan O. Hodonimie românească — între autohtonism și cosmopolitism // *Name and Naming: Proceedings of the Second International Conference on Onomastics. Onomastics in Contemporary Public Space / Oliviu Felecan (ed.) Cluj-Napoca : Editura Mega, Editura Argonaut, 2013. P. 318–328.*

Flodrová M. Názvy brněnských ulic, náměstí a jiných veřejných prostranství v proměnách času. Brno, 2009. 342 s.

Germani A. Ripristino dell'odonomastica storica nella città vecchia di Fiume/ Rijeka // *Name and Naming: Proceedings of the FIFTH International Conference on Onomastics. Multiculturalism in Onomastics / Oliviu Felecan, Alina Bugheșiu (ed.) Editura Mega, Editura Argonaut, 2022. P. 421–432.*

Golomidova M. Multicultural Aspects of Name and Naming in Russian Post-Soviet Streetscapes / eds. O. Felecan, A. Bugheșiu // *Names and Naming*. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. P. 73–89. DOI:10.1007/978-3-030-73186-1_6

Handke K. Konstrukcja I dekonstrukcja system nazewnictwa miejskiego w polskich miastach // *Miasto w perspektywie onomastyki i historii*. Pod redakcją Ireny Sarnowskiej-Giefing i Magdaleny Graf. Poznań : Wydawnictwo PTPN, 2010. S. 357–372.

Identity through Urban Nomenclature: Eight Central European Cities / Z. Stiperski, L. Lorber, E. Heršak et al. // Geografisk Tidsskrift-Danish Journal of Geography. 2011. № 111 (2). P. 181–194. DOI: 10.1080/00167223.2011.10669532

Karimi A. Street Fights: The Commodification of Place Names in Post-Taliban Kabul City // *Annals of the Association of American Geographers*. 2016. № 106 (3). P. 738–753. DOI: 10.1080/00045608.2015.1115334

Klemensová T. Böhmisches Gasse, Schillerstrasse, Titova, Školní — one street, many names. Urbanonymy in the Czech borderlands during the 20th century // *Acta Onomastica*. 2019. LX. № 1. Ss. 45–62.

Light D. Political change and official public landscapes: Renaming streets in Bucharest after 1989 // *Romanian Journal of Society and Politics*. 2003. Vol. 3, № 1. P. 106–131.

Light D. Street names in Bucharest, 1990–1997: exploring the modern historical geographies of postsocialist change // *Journal of Historical Geography*. 2004. Vol. 30, № 1. P. 154–172.

Light D. Tourism and Toponymy: Commodifying and Consuming Place Names // *Tourism Geographies*. 2014. № 16 (1). P. 141–156. DOI: 10.1080/14616688.2013.868031

Light D., Nicolae I., Suditu B. Toponymy and the Communist city: Street names in Bucharest, 1948–; 1965 // *GeoJournal*. 2002. Vol. 56, № 2. P. 135–144. DOI: 10.1023/A:1022469601470

Light D., Young C. Habit, Memory, and the Persistence of Socialist-Era Street Names in Postsocialist Bucharest, Romania // *Annals of the Association of American Geographers*. 2014. Vol. 104, № 3. P. 668–685.

Light D., Young C. Toponymy as Commodity: Exploring the Economic Dimensions of Urban Place Names // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2015. № 39 (3). P. 435–450.

List of Key Onomastic Terms. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-en.pdf> (accessed: 11.08.2023).

Liste des mots-clefs en Onomastique. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-fr.pdf> (accessed: 20.05.2023).

Liste Onomastischer Schlüsseltermini / Deutsche Übersetzung und Adaption: Axel Linsberger, Isolde Hausner. URL: <https://icosweb.net/wp/wp-content/uploads/2019/05/ICOS-Terms-de.pdf> (accessed: 15.07.2023).

Lutterer I. Názvy pražských ulic z hlediska praxe // *Urbanonymia* / P. Žigo (red.). Bratislava : Univerzita Komenského v Bratislave, 1988. S. 125–128.

Manatsha B. T. The politics of renaming “colonial” streets in Francistown, Botswana // *Historia*. 2014. Vol. 59, № 2. P. 269–288.

Masuda J., Bookman S. Neighbourhood Branding and the Right to the City // *Progress in Human Geography*. 2018. № 42 (2). P. 165–182. DOI: 10.1177/0309132516671822

Medway D., Warnaby G. What's in a Name? Place Branding and Toponymic Commodification // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2014. Vol. 46 (1). P. 153–167. DOI: 10.1068/a45571

Mühlhäusler P., Nash J. Signs of/on power, power on/of signs: language-based tourism, linguistic landscapes and onomastics on Norfolk Island // *People, Places, Perceptions and Power*. Clevedon: Multilingual Matters, 2016. P. 62–80.

Murray J. Politics and Place Names. Changing Names in the Late Soviet Period // *Birmingham Slavonic Monographs*. No. 32. Birmingham : University of Birmingham, 2000. P. 32–46.

Myers G. A. Naming and placing the other: Power and the urban landscape in Zanzibar // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 1996. Vol. 87, № 3. P. 237–246.

Naming Rights, Place Branding, and the Tumultuous Cultural Landscapes of Neoliberal Urbanism / R. Rose-Redwood, J. Vuolteenaho, C. Young et al. // *Urban Geography*. 2019. № 40 (6). P. 747–761.

Ndimande-Hlongwa N. The role of indigenous place names in preserving living heritage of the Zulu people in KwaZulu-Natal // *Name and Naming. Proceedings of the THIRD International Conference on Onomastics. Conventional Unconventional in Onomastics*. BAIA MARE, SEPTEMBER 1–3, 2015 / ed. by O. Felecan. Cluj-Napoca : Editura Mega, Editura Argonaut, 2015. P. 533–539.

Neethling B. Street names: A Cganging Urban Landscape // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / C. Hough, D. Izdebska (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. P. 145–157.

Nyström S. Naming Parks, Footpaths and Small Bridges in a Multicultural Suburban Area // *Names and Naming. People, Places, Perceptions and Power*. Ed. by G. Puzey and L. Kostanski. Bristol, Buffalo, Toronto : Multilingual Matters, 2016. P. 185–196.

Odaloš P. Vplyv pádu socializmu na názvy ulíc a námestí v Česko-Slovensku // *Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące 2* / D. Bieńkowska (ed.). Łódź, 1995. S. 133–140.

Odaloš P. Urbanonymá v procese spoločenských zmien 90. rokov v európskych postsocialistických krajinách // *Urbanonymá v kontexte histórie a súčasnosti. Materiály z onomastického kolokvia (Banská Bystrica 3–5 septembra 1996)* / M. Majtán (eds.). Banská Bystrica — Bratislava, 1996. S. 80–97.

Palonen E. The city-text in post-communist Budapest: street names, memorials, and the politics of commemoration // *GeoJournal*. 2008. Vol. 73, № 3. P. 219–230.

Peake L., Sheppard E. The emergence of radical/critical geography within North // *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. 2014. № 13 (2). P. 305–327.

Rateau M. French urban hodonyms related to Romania. Naming motivations // *Numele și numirea actele conferinței internaționale de onomastică. Ediția I: Interferențe multietnice în antroponimie. Baia Mare, 19–21 septembrie 2011 / Oliviu Felecan (ed.). Cluj-Napoca : Editura Mega, 2011. P. 453–477.*

Reszegi K. A Cognitive Approach in Onomastics: Some Notes on Metaphorical Place-Names // *Problems of Onomastics*. 2022. № 19 (1). P. 235–244. DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.012

Rieger M. Multikulturelle Aspekte kolonialer Straßennamen in Dar es Salaam // *Name and Naming. Proceedings of the FIFTH International Conference on Onomastics. Multiculturalism in Onomastics. Oliviu Felecan, Alina Bugheșiu (ed.). Editura Mega, Editura Argonaut, 2022. P. 545–558.*

Rose-Redwood R. Rethinking the Agenda of Political Toponymy // *International E-Journal for Critical Geographies*. 2011. Vol. 10, No. 1. P. 34–41. URL: <https://acme-journal.org/index.php/acme/article/view/884> (accessed: 12.04.2019).

Rose-Redwood R. S. Governmentality, geography, and the geo-coded world // *Progress in Human Geography*. 2006. Vol. 30, № 4. P. 469–486.

Rose-Redwood R. S. From number to name: symbolic capital, places of memory and the politics of street renaming in New York City // *Social & Cultural Geography*. 2008. Vol. 9, № 4. P. 431–452.

Rose-Redwood R., Alderman D. Critical interventions in political toponymy // *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 1–6.

Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Collective memory and the politics of urban space: an introduction // *GeoJournal*. 2008. Vol. 73, № 3. P. 161–164

Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. The urban streetscape as political cosmos // *The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Space / R. Rose-Redwood et al. (eds.). Abingdon, New York : Routledge, 2017. P. 1–24.*

Różycki B. Przemianowywanie ulic w Polsce 1989–2016. Charakterystyka zagadnienia / A. Dubicki, M. Rekść, A. Sepkowski (red.) // *Mity i stereotypy w wyobrażeniach zbiorowych*. 2018.

Teutsch A. Names and Law // *The Oxford Handbook of Names and Naming* / C. Hough, D. Izdebska (eds.). Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. P. 554–571.

The Oxford Handbook of Names and Naming. Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. XXIII + 771 p.

The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics, and Place / ed. by Reuben Rose-Redwood, Derek Alderman, and Maoz Azaryahu. Abingdon, U.K. : Routledge, 2018. XXII and 334 p.

Tóth V. Linguistic Prestige and Toponym Use at the Crossroads of Languages and Cultures // *Вопр. ономастики*. 2021. Т. 18, № 3. С. 66–84. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.3.033

Tucci M., Ronza R. W., Giordano A. Fragments from many pasts: Layering the toponymic tapestry of Milan // *Journal of Historical Geography*. 2011. № 37 (3). P. 370–384. DOI: 10.1016/j.jhg.2011.02.001

Ursini F.-A., Long H. Urbanonyms and Their Linguistic Properties in Italian // *Names*. 2020. DOI: 10.1080/00277738.2020.1811049.

Vaculík D. Parts of the city of Ostrava — The past and current state of urbanonyms // *Name and Naming. Proceedings of the second international conference on onomastic. Onomastic in contemporary public space*. Baja-Mare, May 9–11, 2013 / ed. By O. Felecan. Cluj-Napoka : Mega: Argonaut, 2013. P. 403–414

Vuolteenaho J., Berg L. D. Towards critical toponymies // *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming*. Farnham, Burlington : Ashgate Publishing, 2009. P. 1–18.

Vuolteenaho J., Wolny M., & Puzey G. “This venue is brought to you by...”: The Diffusion of Sports and Entertainment Facility Name Sponsorship in Urban Europe. *Urban Geography*. 2018. № 40(6). P. 762–783.

Vuolteenaho J., Ainiala T. Planning and revamping urban toponymy: Ideological alterations in the linguistic landscaping of Vuosaari Suburb // *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming*. Aldershot, UK and Burlington, 2009. S. 227–251.

Walkowiak J. B. (*Poznań*), Names as covert affirmation of identity: on some propagandistic urbanonyms of the post-war western borderlands in Poland // *Acta Onomastica*. 2019. LX. № 1. S. 138–149.

ОБ АВТОРАХ

Голомидова Марина Васильевна — доктор филологических наук, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: marinagolomidova@urfu.ru

Горяев Сергей Олегович — кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: s.o.goriaev@urfu.ru

Дмитриева Анастасия Валерьевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: a.v.dmitrieva@urfu.ru

Клименко Елена Николаевна — соискатель Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: rty110@yeandex.ru

Лань Лин — аспирант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

E-mail: klarodice@gmail.com

Разумов Роман Викторович — кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (Ярославль, Россия).

E-mail: rvrazumov@list.ru

SUMMARY

The monograph discusses the issues of creation and functioning of urbanonyms — urban toponyms that name streets, alleys, squares, districts, single buildings, constructions etc. The main focus is on the municipal toponymic policy as a special activity aimed at preservation and rational development of urban toponymy.

The authors summarise the accumulated experience of developing theoretical and practice-oriented issues of toponymics and present a systematised description of the content, structure and principles of implementation of contemporary municipal toponymic policy. Its understanding involves the use of syncretic scholarly knowledge, norms and regulations, program and concept-based foundation, a particular set of methods, as well as new technologies in creation and evaluation of new topographic names. The first chapter views the history and modern state of urbanonymics in Russian and foreign science, unveils the particularities of structure, semantics and functioning of urbanonyms. It also characterises non-official (or folk) urban toponymy, which forms, along with the official names, a unique toponymic landscape of a city. The second chapter is devoted to the phenomenon of territorial identity and the means of its objectification in urban place names. According to the authors, the analysis of toponymic representation of regional and local identity is necessary to form conceptions and programs of municipal toponymic policy in each specific city or town. A comprehensive description of municipal toponymic policy — activities involving strategic management and development of urban toponyms — is done in the third chapter. Also, in the framework of the semiotic approach, this part

justifies the image-building conception of development and correction of urbanonymic landscape. The fourth chapter provides a detailed description of a technology of creating new urban toponyms in terms of promoting the image of a city in general and its locations in particular with due consideration of the territorial identity. A special attention is paid to the intricate problem of renaming.

The research with the results presented in this book was based on a vast language material from cities and towns of the Russian Federation that differ in geographic location and status, including those in the Middle and Southern Urals, Upper Volga region, Moscow, Saint-Petersburg and others.

The obtained results allow, firstly, to enrich the sociolinguistic fund of the Russian toponymic science, and secondly, to extend the body of linguoculturological onomastic information about the unique features of urban place names evaluated in terms of preserving national and regional particularities.

Научное издание

Голомидова Марина Васильевна
Разумов Роман Викторович
Дмитриева Анастасия Валерьевна
Горяев Сергей Олегович
Лань Лин
Клименко Елена Николаевна

ГОРОДСКАЯ ТОПОНИМИЯ: СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА ИМЕНОВАНИЯ

Монография

Редактор *Е. Е. Крамаревская*
Корректор *Е. Е. Крамаревская*
Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 12.12.2023. Формат 60 × 84 1/16.

Уч.-изд. л. 10,26. Усл. печ. л. 12,79.

Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 203.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

